

Зинаида Миркина
У КОСТРА ГНОМОВ

Сказки

evidentis

Зинаида Миркина
У костра гномов

Зинаида Миркина
У КОСТРА ГНОМОВ

Сказки

evidentis

2000

Иллюстрации
Натальи Аверьяновой

Макет, оформление и верстка
Владимира Ефимова

Использованы шрифты
Битстрим Киш и *Октава*
из библиотеки шрифтов *ParaType*

Миркина З. А.

У КОСТРА ГНОМОВ: Сказки.—
М.: «*evidentis*», 2000.—240 стр., илл.

ISBN 5-65747-095-1

Книга сказок известного поэта, прозаика и переводчика Зинаиды Миркиной. Эти сказки написаны и для детей, и для взрослых. Неразрешимые вопросы, с которыми веками бьются люди, в сказках становятся разрешимыми, потому что в них сохраняется чувство жизни как духовного и нравственного целого. В этих сказках отразилась наша жизнь, и каждый человек способен найти в них что-то свое.

ISBN 5-65747-095-1

© Зинаида Миркина, 2000
© Наталья Аверьянова, иллюстрации, 2000
© Владимир Ефимов, макет и оформление, 2000

От автора

Я хочу выразить мою благодарность тем, кто сидел со мной вместе у Костра гномов, чтобы хранить тишину и разговаривать со звездами — всем, кто сидел вместе с нами у нашей ёлки и затихал так, что слышно было, как рождается сказка.

Одна трехлетняя девочка как-то сказала своей маме: «Говори тише — от громкого голоса деревья умирают». Огень много поняла эта девочка. И я вместе с ней огень благодарна тем, кто следит, чтобы деревья не умирали, чтобы наши души оставались живыми и можно было бы их расслышать в тишине.

И еще я огень хочу поблагодарить тех, кто помог мне издать эту книгу. Прежде всего того, кто осуществил первое издание сказок — Ильдуса Хабипова, Наталью Аверьянову, иллюстрировавшую оба издания, и еще Леонида Кротова и Наталью Боброву, много сделавших и для первого, и для второго издания.

И еще, конечно, я благодарю издателя этой книги Аркадия Налгаджяна.

В конце же хочу выразить особую благодарность человеку, делавшему макет и оформление этой книги — Владимиру Ефимову. Он вырос на моих сказках, и я не перестаяю радоваться тому, что именно он оформляет мои книги.

Предисловие

Сказки Зинаиды Миркиной написаны и для детей, и для взрослых. Некоторые понятны даже самым маленьким, но говорят что-то такое, о чем и взрослые не всегда задумывались. Так получилось со сказкой о Белом Зайце. Однажды Зинаиде Александровне позвонила пятилетняя девочка и сказала: «Я заразилась от Иисуса Христа любовью к врагам. По телевизору показывали мультик, и мне стало жалко волков, тонущих в озере». Зинаида Александровна спросила: «А зайцев тебе не жалко?» Девочка задумалась. Зинаида Александровна тоже задумалась и написала то, что вы можете прочесть. Написала давно, лет 20 или 25 назад, и никаких мыслей о федералах и чеченцах у нее не было. Еще при Брежневке написала. Но в октябре 1999 года мне пришло в голову, что некоторые уроки сказки хорошо бы сформулировать для руководителей кавказской политики России. Зинаида Александровна согласилась со мной, и мы с ней дважды выступали, сперва в узком кругу, в Москве и Питере, читая сказку и комментируя ее. Потом комментарии к сказке были напечатаны в газетах* и текст был дважды передан по Российскому радио. Мне хочется подчеркнуть один из уроков Белого Зайца: «злорадные зайцы сами становятся волками... И неизвестно, что с ними делать».

Это один из пластов смысла, неожиданно для нас самих выплывший на поверхность. Но в сказке есть гораздо более глубокие пласты. Тысячи лет людей волнует вопрос, почему в мире, созданном Любовью, так много зла? И в сказке этот вопрос ставится со всей детской

*В газете «Русская мысль» от 6–12 января 2000 г.; полный текст «Притги о Белом Зайце» в газете «Первое сентября» от 14 марта 2000 г.

серьезностью. Если «все хорошо, все очень-очень хорошо», как говорит скрипка Белого Зайца, то почему волки терзают свою добычу? Этот вопрос волновал Зинаиду Александровну еще тогда, когда она сама была девочкой. И постепенно, от сказки к сказке, вырастает ответ: все хорошо, если главное в нас — не мы сами, а что-то высшее в нас, если мы сходим на нет перед этим высшим, прорастающим в нас, если это высшее нам дороже счастья в обычном понимании слова и даже самой жизни на клочке пространства и времени. Тема всех сказок — выход к целостному и вечному. И здесь на помощь приходят ее стихи:

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо,
И свет вовек бы не сошел с лица...

В сказке о Белом Зайце девочка-волшебница выходит к волкам, готовая на жертву, и один из волков становится ее другом. Невозможно победить все зло — говорит сказка — но свет во тьме светит и не сдается злу. Неразрешимые вопросы, с которыми веками бьются люди, в сказке становятся разрешимыми, концы сходятся с концами. Это очень нужно в наш век, век науки, которая быстро решает все проблемы и каждым своим решением создает 2-3 новые проблемы. И только в сказке сохраняется чувство жизни как духовного и нравственного целого.

Многие сказки Зинаиды Миркиной связаны с ёлочными спектаклями в нашем доме. На ёлке есть глубины, которые высвечиваются изнутри, и есть поверхность, где действуют темные силы: Крокодилиссимус, Баба Яга, Кот в сапогах и Гусыня. Игрушке-герою приходится бороться с ними, решать, как вернуть исчезнувший свет, воскресать и прорываться через время к вечности. Каждое представление — кукольная мистерия дель арте; сперва она импровизируется, а потом, по воспоминаниям о ёлке, становится рассказом о Томе и Старой Девочке. В этих сказках отразилась наша жизнь и жизнь наших друзей; но иногда новые слушатели вдруг находят в сказке свое собственное, о чем сказочница и не думала. Может быть, и вы найдете что-то свое.

Григорий Померанц

16 июня 2000

Сказки о самом незаметном

Фея Перели
Белый Заяц
Грустный гном
Ангел
Легконожка
Снежная Королева
Старая Фея

Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуй, сосна, здравствуй, подснежник, здравствуйте, снегири! Я фея Перели. У меня полное лукошко солнечных лучей, а звезды я прячу под шапкой. Подождите, это после я сниму шапку, тряхну волосами и закину на ветки звезды. Вам меня не поймать! Я розовая, синяя, голубая, зеленая, золотистая, — я фея Перели. Пе-ре-ли! Захочу, побегу по веткам наперегонки с белкой и буду сбрасывать вам сверху солнечных зайчиков. Вам весело? Ну, конечно, всем весело, когда я смеюсь — ведь сейчас утро!

Может быть, вечером я сама сяду на ветку, стану серебрино-синей. Волосы мои повиснут между деревьями, а платье заструится, точно сизый дым. И тогда мы вместе о чем-нибудь задумаемся. Я сама не знаю, о чем. Может быть, о моем будущем муже. А? Говорят, что феи не выходят замуж... Может быть, и не выходят, а может быть, и выходят...

Вот мы уже и задумались. Как незаметно настал вечер...

Все это говорила маленькая фея Перели в большом, большом лесу. Она действительно задумалась, сев на ветку. Шапка у нее сползла, волосы рассыпались и повисли между деревьями, и целая пригоршня звезд зацепилась за сучки и листья. А глаза у феи стали до того синие, до того глубокие, что заглянешь — не выйдешь...

Птицы уснули, звоны умолкли, только шорохи проснулись и

стали блуждать по лесу.

— Что задумалась, дочка? — сказал старый Пан. — Не холодно ли в сыром лесу ночью? Идем ко мне в пещеру. Я расстелю тебе постель на звериной шкуре, разожгу костер, обогрею, нашепчу про старое, про древнее, про бывалое... У меня в глазах только и осталась еще светлинка — последний отсвет зари. Люди говорят, что глаза у меня выцветшие, как небо поздним вечером. Много они знают — у меня беззакатные глаза.

— Спасибо, отец, я не хочу к тебе в пещеру. Иди сам.

— Неужто всю ночь на ветке просидишь? Уж очень ты много стала мечтать. Ну смотри, замерзнешь, приходи.

И старик ушел, а с ним вместе и шорохи. Совсем недвижимым стал лес. И тогда фея Перели уснула на ветке, как лесная птица.

Почему-то ей приснились синие капли. Синие, прозрачные капли стекали с неба и повисали на какой-то узорной резьбе, которая раньше была невидимой, но вот вдруг стала видна. И перед ней раскрылся прозрачный дворец, молчаливый дворец, и на нем узор из синих капель.

Она проснулась очень рано и несколько минут все еще жила среди синего мира, точно никак не могла выйти из заколдованного царства. Утро было сизое, прохладное. Березка стояла сонная, вся в тумане, ветки у нее запутались, сплелись с туманом. Надо было ее разбудить да причесать. Сосна все еще разговаривала с самой собой про что-то такое важное, такое важное, что утром и понять нельзя. Надо было просто подойти, прислониться щекой к коре и помолчать немножко. Тогда она совсем проснется, вздохнет глубоко-глубоко и улыбнется со своей высоты. И тут-то и начнется утро, пахучее, радостное. Надо будет скорей брать лукошко с солнечными лучами, бегать, подносить лучики к росинкам и поджигать их. Это занятие фея Перели очень любила. Но сегодня она с самого утра была задумчивой, и вот приснились же ей почему-то не цветные, а синие капли...

Все утро она пробродила между деревьями, так и позабыв про лучи в лукошке. Утро оставалось туманным, сизым. Нет, нет, да и начинали падать с неба капли. Только они были не синие, совсем не такие, как ей снились. Вдруг и из глаз ее тоже

капнули две капли, и тоже не синие, а обыкновенные. Она пошарила в лукошке, чтобы достать платок и вытереть лицо и деревья, да тут вдруг случайно и выпал лучик. Выпал и запутался, и повис где-то в листьях. И такие изумрудины засверкали в листве, что фея наконец не выдержала, засмеялась и пошла поджигать лучиками капли.

Как уж прослышали птицы, никому не известно, но только стали они петь по всему свету, что фея Перели хочет выбрать себе мужа. Про все раззвонили — и про то, что стала фея задумчивой, и про то, что старый Пан отговаривает ее выходить замуж, вздыхает да качает головой.

А старый Пан и на самом деле качал головой и говорил:

— Эх, дочка, ну на что тебе муж? Неужели мало тебе радости? И лес твой, и небо твое. Лучи у тебя в лукошке, звезды под шапкой, и я-то, старый, хожу за тобой, как нянька. А меня ведь боялись многие... Я ведь лесной бог, а ты, что захочешь, то и делаешь со мной. Потому что люблю я тебя, дочка. И где ж для феи найдется муж? В лесах его нет, а ведь за городского ты сама не пойдешь, его тут каждый листок на смех подымет.

Пан сидел на огромном корявом пне, а фея Перели на мягкой траве, такая маленькая и легкая, что, казалось, ветер мог поднять и унести ее.

— Отец, — сказала она, — колокольчик цветет для того, чтобы кому-нибудь стало очень хорошо жить на свете. А от этой радости еще что-нибудь родится, — может, звезда, может, песня, а может, человек. Все думают, что он маленький да глупенький, этот колокольчик, а он, может, мудрей всех...

— Ну вот и гляди на колокольчик, я тебе еще весной ландышей по всему лесу разбросаю.

— Отец, а мои глаза ведь тоже цветут.

Ничего не сказал старый Пан, только глубоко-глубоко вздохнул — так, что шелест прошел по всему лесу.

— Да, отец, я забыла, что собрала тебе изумрудины. Они сегодня на елке зажглись, а я их собрала. Пусть у тебя в пещере живет зеленый огонь и по ночам светит. Только одну изумрудинку я себе оставляю, остальные бери, — и фея Перели протя-

нула Пану горсть изумрудин.

В это время длинный закатный луч пронизал лес. Вот к таким лучам фея подбегала, бывало, — быстрая, проворная, — раз-раз-раз — надергивала себе маленьких лучинок, чтобы было чем назавтра росинки поджигать. Подбежит, надергает и убежит. Но сейчас она не стала дергать лучинки, а просто, засмотревшись на закатный луч, медленно вошла в него. И тогда он ее обнял тихо-тихо и приподнял, и вот она очутилась на стволе сосны, розовая, волшебная... Вот луч поднял ее еще выше, еще, и наконец посадил на самую вершину. Как хорошо там было! Может быть, никогда еще в жизни не было ей так хорошо.

— Я ухожу, — сказал закатный луч. — Посиди без меня на облаке. Пусть оно останется розовым и посветит, когда меня не будет.

Так и заснула фея в эту ночь на облаке. На облаке вплыла в свой синий сон, в синий, в белый, в необъятный...

А в далекой стране жил царевич. Услыхал он от птиц, что фея Перели хочет выбрать себе мужа, и очень обрадовался. Ни одна царевна ему не нравилась. Так хорошо было бы жениться на фее!

— А что, очень красивая твоя фея? — спросил он у зяблика, который ему все рассказал.

— Она бывает разная. Иногда розовая, иногда синяя, иногда золотистая, — сказал зяблик, — одним красивая, другим не очень. Приходи, посмотришь.

— Как это — розовая, синяя, золотистая? Это у нее платья такие есть?

— Ну да, платья. Только они как-то вмиг меняются сами собой, и вокруг нее свет разных цветов. Приходи, посмотришь.

Все это было интересно, и царевич пошел в лес.

Он пришел туда днем, когда фея Перели обычно была занята работой: успокаивала птенцов, которые, раскрыв желтые носики, кричали, ожидая мать и отца, убиравась в беличьих гнездах или вышивала золотом по зелени. Царевич застал ее за вышиваньем и решил, что это подходящее для царской невесты

дело. Фея ему очень понравилась. Он вообще любил маленьких женщин, а эта еще такая быстрая, хорошенькая, сразу чувствовалось что-то волшебное.

— Здравствуй, фея Перели, — сказал он, — я царевич, я хочу на тебе жениться. Я принес тебе в подарок жемчужину из царской короны. Пожалуйста, спустись с дерева, я отдам ее тебе.

— Спасибо, царевич, — сказала фея, — я тоже хочу сделать тебе подарок — вот эту изумрудинку. На, лови! — фея бросила с ветки большую, засверкавшую изумрудину. Казалось, она летела прямо в руки царевичу, но вот скользнула и пропала. Он беспомощно оглянулся, пошарил в траве, но ничего не нашел. А с дерева раздался тихий грустный голос феи:

— Бедный царевич, ты не умеешь ловить изумрудинки. Как же я выйду за тебя замуж?

— О, это ничего! У меня в сокровищнице столько изумруда, сапфира и других драгоценностей, что нам на всю жизнь хватит.

— Нет, царевич, они не живые. Бедный царевич, ты не умеешь собирать живые самоцветы...

— Как это — живые? — удивился царевич. — Что ты говоришь?

Стал он просить фею спуститься к нему, но фея только покачала головой.

— Нет, царевич, женись на обыкновенной царевне, отдай ей свою жемчужину.

— Не хочу я обыкновенную царевну, я хочу тебя.

— А ты сумеешь меня обнять?

— О чем ты спрашиваешь, фея, я же мужчина!

— Ну что ж, обними.

Фея Перели спрыгнула с ветки и стала так близко к царевичу, что у него даже голова закружилась от счастья. Поднял он руки, чтобы обвить ими маленькую фею, но вдруг она скользнула, как переливчатая струйка, и — нет ее, и она уже смеется с ветки:

— Бедный, глупый царевич, женись на обыкновенной царевне, ты не умеешь обнимать фею.

Царевич помрачнел.

— Я никуда не уйду из леса, я буду ходить за тобой повсюду. Ты увидишь, как я тебя люблю, и выйдешь за меня замуж.

И царевич стал повсюду ходить за феей, вечно искал ее, когда она ускользала, и весь лес смеялся, что у такой легкой феи такая тяжелая тень.

Между тем, в лес стали приходиться и другие женихи. Все они шли не дальше опушки и поджидали фею. Некоторые уходили разочарованные — фея им вовсе не нравилась — одни переливы и больше ничего. А тем, которые хотели на ней жениться, фея бросала изумрудинку, как и царевичу, и никто не умел ее поймать. Все они уходили, поникнув головами. Только один царевич продолжал добиваться своего.

Стоило фее присесть где-нибудь и сказать: «Я хочу пить», — как тут же появлялся царевич с кувшином прозрачной воды. Стоило ей сказать: «Я устала, мне хочется ягод и орехов», — как он приносил ей полное лукошко ягод и лесных орехов и при этом приговаривал: «Никто тебя не любит так, как я». «Бедный, бедный царевич, — говорила фея, — спасибо тебе, но только напрасно ты ходишь за мной. Ты не научишься ловить изумрудинки, а я выйду замуж только за того, кто умеет собирать живые самоцветы. Только тот и сумеет обнять меня».

Была глухая ночь, когда у пещеры Пана что-то хрустнуло. Фея в эту ночь спала в пещере. Зашла к Пану вечером, стала гладить его серебряные волосы, да так и прикорнула на плече у старика. Он ее поднял спящую, отнес на звериную шкуру, прикрыл травяным одеялом, а сам лег поодаль, вздохнул и заснул. И вот около его пещеры что-то хрустнуло. Фея моментально проснулась. «Это человеческая нога наступила на ветку», — подумала она. «Наверно, царевич пришел за мной и сюда». Она раздвинула полог из сплетенных листьев и вышла.

И вправду, рядом с пещерой был царевич, но он спокойно спал у входа, а в нескольких шагах от него, на фоне уже начинавшей светлеть ночи, вырисовывалась человеческая фигура.

— Кто ты? — спросила фея. — Зачем пришел в лес ночью?

— Зачем пришел? Разве по лесу запрещено ходить? Бродил, бродил по лесу, вдруг увидел зеленый огонь. Вот и подошел к

этой пещере. Что это за пещера? И кто ты сама?

Почему-то фее не захотелось говорить, кто она.

— Я простая девушка, живу здесь с отцом.

— А кто твой отец?

— Старый лесничий.

— А-а...

Человек присел на пенек, а фея рядом с ним на траву.

— Хочешь, я подарю тебе зеленый огонь? — спросила она очень тихо. — У меня есть изумрудный уголек. Вот, гляди. Бери, если хочешь.

Не успела она это сказать, как увидела, что изумрудный уголек светится в глазах у незнакомого человека.

Взял, взял! Сумел удержать живой самоцвет! Фея засмеялась так радостно, что в лесу началось утро раньше обыкновенного. Запели птицы, поголубело небо, березка проснулась и причесалась сама, и сосна вышла из своей задумчивости и улыбнулась с вершины.

— Пойдем, — сказала фея незнакомцу с изумрудинками в глазах, — я покажу тебе мой лес... — Они пошли по тропинке, которую знала только она, и там, где они проходили, зажигались капли. Вдруг ее спутник взял ее маленькую руку в свою и провел ею по своему лицу.

— Ты — фея, — сказал он.

Фея Перели вздрогнула. Сколько людей знали, что она фея, и повторяли это с чужих слов, а в глубине души не верили этому, а этот ничего не знал и все понял сам. Целую минуту она не отнимала своей руки от его лица: гладила его щеки, лоб, губы. а потом улыбнулась и позвала:

— Идем, идем дальше!

Когда солнце было уже совсем высоко, проснулся царевич. На пне сидел Пан и курил свою трубку, едва затягиваясь, чтобы туман в лесу был совсем небольшой. Он уже хотел отложить ее и пойти собирать листья и тут-то увидел, что царевич проснулся и беспомощно озирается вокруг.

— Что, дружок, проспал свою фею? — спросил его Пан.

— Дедушка, а дедушка, помоги мне ее найти!..

— Где ж мне за ней угнаться? У тебя ноги помоложе, ищи сам.

А фея со своим спутником была уже где-то на другом конце леса. Целый день искал царевич, исходил весь лес, и только на закате набрел на них где-то на пригорке возле речки. Сначала он не видел, что с феей есть еще кто-то. Он увидел только ее белый наряд и услышал голос: «Видно, отец опять закурил свою трубку, — говорила она, — чувствуешь запах дыма? Дым в лесу! Это для меня самый родной запах на свете! Видишь, вон свиваются облака, это от его трубки...»

«Кому это она говорит?» — подумал царевич, и тут увидел незнакомого человека с изумрудинками в глазах, прикасавшегося к руке феи. У царевича сжалось сердце. «Ну ничего, сейчас, сейчас она ускользнет от него, как переливчатая струйка», — решил он.

Это ветки, наверно, наклонились так близко к воде и переплелись между собой. Это листья перебирает пальцами незнакомый человек. Не может быть, чтобы это были волосы феи... И тут до царевича донеслись тихие, как ветерок, слова: «Обними меня, милый...» Как? она просит обнять ее, а он отвернулся, глядит на закат. Сейчас он оторвет глаза от неба, обернется, а ее уже не будет. Но тут случилось что-то, чего уже совсем не мог понять царевич: незнакомец обернулся, и в глазах его были уже не изумрудинки, а весь закат.

Как это могло быть? И как она могла очутиться в его объятиях? Ведь он и не смотрел на нее? Как крепко он ее держит! Никуда, никуда она не ускользает...

Царевич отвернулся и пошел прочь, а в душе его звучало: «Бедный, глупый царевич...»

Жил-был на свете Белый Заяц. Он был похож на всех других белых зайцев, только у него почему-то всегда одно ухо торчало прямо вверх, а другое вздрагивало и опускалось, а глаза при этом были такие большие и удивленные, точно он видел не только то, что перед глазами, а как будто что-то еще, что его совершенно поражало, и он только никак не мог передать, что же это такое было. Когда все зайцы весело хрустели капустой, у него почему-то кочан выпадал из лап, и он не замечал этого, а о чем-то задумывался. Какой-нибудь плутишка зайчонок подкрадывался и съедал его кочан, но он даже не слышал этого. А когда потом спохватывался, то улыбался и махал лапой: «Ну и хорошо, что ты полакомился, а я потом что-нибудь найду себе». И уходил. Он действительно что-то искал все время, только капусту ли? Может быть, морковку? Однажды зайцы увидели его с длинной морковкой в лапах, но морковка эта была белая, а не красная.

— Какая смешная морковка, — сказал один шустрый зайчонок, — дай ее мне, ты же добрый.

Но Белый Заяц только покачал своей пушистой головой с опущенным ухом и сказал:

— Это не морковка. И это не для еды.

— А для чего же?

— А вот слушай.

Заяц приложил странную морковку к подбородку, достал откуда-то из-за пазухи тонкую серебряную палочку, положил ее на эту странную морковку и стал водить палочкой по морковке. И раздалась музыка. Какая это была музыка! Зайцы никогда не слышали ничего подобного. Они постепенно забыли и про капусту, и про морковку, и про все свои дела. Они даже позабыли свои уши, свои лапы и хвосты. И уши, и хвосты, и лапы устроились как им только хотелось — в самых невероятных положениях. Одно ухо устремлялось вверх, а другое позабывало подняться и торчало враслопырку; одна лапа держалась за ус, другая висела в воздухе. Вообще, если бы зайцы посмотрели на себя со стороны, они наверное расхохотались бы. Но в том-то и дело, что они на себя не смотрели, а слушали. Они слушали, как Белый Заяц играл на скрипочке, потому что странная морковка была не чем иным, как маленькой белой волшебной скрипочкой с серебряным смычком.

Так вот что так долго искал Белый Заяц. И нашел-таки!

Зайцы собирались вокруг него на полянке. Их было все больше и больше, и все они слушали, и хотя скрипка не говорила никаких слов, зайцы понимали очень ясно, что она хотела сказать:

«Все хорошо! Все очень-очень хорошо! Все так хорошо,— говорила белая скрипочка, — что это невозможно передать. Все деревья это знают, и небо знает, и птицы знают. Все ручейки и травинки знают, как все удивительно хорошо, и только зайцы не знают, но вот теперь должны узнать и зайцы, а может быть и другие звери».

Когда Белый Заяц кончил играть, зайцы постепенно опомнились, подобрали свои лапы, и хвосты, и уши, заставили их принять надлежащее положение, вздохнули и побрели по своим норкам. Но теперь уже зайцы не могли жить без волшебной скрипочки и только ждали, чтобы Белый заиграл. Хотя не все, конечно. Некоторые говорили: «Да ведь неправда все это. Он говорит: „Все хорошо, все очень-очень хорошо“. А как же хорошо, когда на свете есть волки и вовсе не всегда есть капуста и морковка?» Но когда скрипочка начинала играть, даже и эти

зайцы забывали про все, что сами говорили, и выходили на полянку слушать. И овцы, и козы из деревни приходили слушать Белого, и белочка заслушивалась и забывала скакать по деревьям.

И вот однажды, когда народу собралось видимо-невидимо, раздался крик, да такой страшный! Музыка разом оборвалась. Все обернулись и с ужасом увидели волков. Волки уже задрали двух зайцев, а остальные бросились врассыпную кто куда. Только Заяц-скрипач не убежал. Он стоял посреди поляны, глядел на волков своими большими удивленными глазами и плакал. Волки приближались к нему, но он как будто совсем не пугался, и плакал вовсе не о себе, а от жалости и горя, что на свете есть волки.

«Как же так, — думал он, — я ведь знаю, что все хорошо, что все так хорошо! И деревья это знают, и птицы, и ручейки, и вдруг... Значит, или то, что мы знаем, неправда, или злых не должно быть. Нет, то, что я знаю, — правда! Но как же, как же это все понять?!»

Волчья морда была совсем уже близко, и вдруг Заяц услышал голос:

— То, что ты знаешь, — правда, мой Белый скрипач. Все правда!

Заяц обернулся и увидел рядом с собой Девочку с синими-синими глазами.

Обыкновенная Девочка, только глаза необыкновенные. Да нет, она, наверное, все-таки необыкновенная, она волшебница. Неужели волки просто не выдержали человеческого взгляда и потому отступают?

Как бы там ни было, но волки не выдержали ее взгляда и ушли.

А Девочка сказала еще раз:

— Все правда, что ты знаешь, мой милый Заяц. Никогда не сомневайся в этом, хотя понять эту правду очень трудно.

Девочка говорила это, а сама плакала, так ей было жалко зайцев, которых задрали волки. А потом она сказала:

— Я построю Белый город, где не будет волков и лис. Где бу-

дут только зайцы, ягнята и цветы. В этом прекрасном городе они будут в полной безопасности. Ни один волк не сможет проникнуть туда и там никто не будет плакать (разве только от счастья, но это не считается).

И она взмахнула волшебной палочкой, точно такой серебряной палочкой, как смычок Белого Скрипача, и огородила место большой белой стеной.

— Вот город, — сказала она.

И там, где она взмахивала серебряной палочкой, там вырос белый домик, который сам светился. И в городе этом было так красиво, как еще нигде и никогда не было.

Но вдруг одна старая зайчиха сказала:

— Простите, пожалуйста, а где же здесь будут огороды? Всюду одни цветы, и деревья, и ручьи, и речки, и озера, и светящиеся дома. Это, конечно, чудо как хорошо, но все-таки как же без капусты с морковкой?

— Капуста с морковкой появятся. Их будет столько, сколько тебе надо, как только ты перестанешь думать о них и задавать вопросы.

— То есть, как это? — удивилась зайчиха, но в это время раздался звон серебряных колокольчиков, и зайчиха стихла, раскрыв рот и забыв про свои лапы и уши, точно она была не старая зайчиха, а маленький зайчонок, и мама рассказывала ей сказку, и она совершенно всему верила, совершенно всему.

До чего же хорошо зажили зайцы, и ягнята, и белки, и птицы, и цветы, и деревья, и ручьи, и озера в этом волшебном городе! Волшебная белая стена пропускала внутрь города всех добрых, а перед злыми она сама собой смыкалась. Никаких сторожей и никаких ворот не было. Просто стена была волшебная и слушалась она только Белую скрипку. И все было удивительно хорошо. Совсем хорошо.

Как вдруг одному зайчонку показалось, что кто-то плачет. Он наострил ушки, удивленно поднял глаза и стал прислушиваться. Плач повторился, а потом раздался вой, который слышали и другие зайцы. Вой стал заглушать звон серебряных колокольчиков.

Зайцы подошли к стене и увидели в щелочку волков. Волки жались к стене волшебного города и выли:

— Впустите нас! Мы не будем больше никого есть! У вас так тепло, и светло, и хорошо, а у нас такой мороз, такие вьюги! Мы погибаем здесь. Пустите нас!

Все серебряные колокольчики смолкли. Зайцы и ягнята задумались. Потом заговорили все сразу, так что Девочка должна была навести порядок, взмахнув серебряной палочкой, и каждый стал говорить вслед за другим, по очереди. А говорили зайцы и ягнята совсем по-разному. Первый даже не сразу заговорил. Он просто заплакал горько, горько. Он вспомнил своих братьев и сестру, которых задрали волки, и никак, никак не мог успокоиться. А потом сказал:

— Я не могу жить с волками в одном городе. Если они придут, я уйду.

— Да тебе и не придется уходить, — сказал второй, — они сейчас же задерут тебя и других. Волки есть волки, неужели им кто-нибудь поверит?

— А я рад. Я счастлив, что слышу волчий вой. Наконец-то мы отомстили за себя, — сказал третий.

Тогда Девочка вздрогнула и приложила палец к его губам.

— Не смей так говорить, — сказала она. — Еще одно слово, и ты сам превратишься в волка. Да, заяц может превратиться в волка, волк — в зайца или человека. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь.

Тогда заговорил четвертый заяц и сказал, что он не может, не может жить, если слышит, что кто-нибудь плачет.

— Мне не нужно волшебного города, если за стенами его плачут. Впустите волков, — попросил он Девочку.

— А если они опять примутся за старое и будут есть зайцев и ягнят?

— Нет, нет, этого не может быть! Они же обещают!

— Ты, конечно, очень добрый, — сказала Девочка. — Но может быть, таким добрым быть не так уж трудно? Ты, конечно, не станешь волком, но ты и защитить никого не сумеешь. Посмотри на своего бедного брата, как он дрожит! Сперва бы ты сумел

пожалеть его, а потом уж волков. Чтобы пожалеть волков, надо стать очень сильным, а ты слабый. Слабый и безответственный.

— А что такое ответственный? — спросил маленький зайчонок.

И Девочка сказала, что ответственный — это тот, кто сумеет ответить и волкам, и зайцам так, как будто он находится и в волчьей, и в заячьей шкуре одновременно.

— Разве это возможно? — спросил старый заяц.

Девочка ничего не сказала, только все увидели, что она надевает свою пуховую шубку. В городе было совсем тепло. Зачем это она одевалась?

И тут вдруг она вынула из кармана Белую Скрипочку, точно такую, как у Зайца-Скрипача, и сказала:

— Мои милые зайцы! Я ухожу. Я должна пойти к волкам и разделить с ними их холод и голод. Впустить в город их нельзя, потому что волки есть волки, но и одних их оставлять я тоже не могу. Оставайтесь в вашем волшебном городе и хорошенько его берегите до моего прихода, а я пойду к волкам и буду играть им на Белой Скрипочке. Это все, что я могу и должна сделать.

И вот стена перед Девочкой разомкнулась, и она вышла наружу — к волкам.

Ух, какая вьюга тут была, какая тьма! И во тьме только поблескивали волчьи глаза.

— Идемте, — сказала Девочка волкам. — В город войти вы не можете, потому что слишком много зла вы сделали. При вашем приближении камни стены начнут кричать. Но я буду с вами, где бы вы ни были. Идемте.

Тогда вышел старый волк и сказал:

— Ты говоришь, что слишком много зла мы сделали. Но разве мы виноваты в этом? Мы — волки. Разве мы сами сделали себя волками? И разве мы можем быть другими?

Девочка ничего не ответила. Она только вынула Скрипку и заиграла. А Скрипка говорила: «Все хорошо. Все хорошо. Все очень, очень хорошо! Так хорошо!.. И старый лес это знает, и морозная пыль это знает, вся земная красота это знает, только волки еще этого не знают».

Волки слушали. Не так, как зайцы. Совсем по-другому. Но слушали. Они стали очень серьезными и неподвижными, так что их можно было спутать со старыми замерзшими деревьями, сквозь ветви которых начали поблескивать звезды.

Когда Девочка кончила, один волк отделился от стаи, подошел к ней и сказал:

— Ты говоришь, что все очень, очень хорошо, но как же это, если так холодно и мы голодаем?

— Мне тоже холодно, и я тоже голодна, — сказала Девочка. И больше ничего не сказала.

Однажды волки долго совещались о чем-то между собой, а потом попросили Девочку, чтобы она сыграла им на Белой Скрипочке.

И Девочка сыграла. «Все хорошо, все очень, очень хорошо! — пела Белая Скрипка. — И деревья это знают, и звезды знают. И зайцы это знают. Только волки еще этого не знают».

Волки слушали. А потом сказали:

— Это неправда. Тебя можно заслушаться, но это неправда. Мы голодны. Ты не можешь накормить нас, а говоришь, что все хорошо. Ты нас обманываешь, и мы тебя съедим.

— Ну что ж, — сказала Девочка и низко-низко опустила голову, так что она стала похожа на склонившийся под снегом замерзший куст. — Конечно, если вы мне не поверили, вам ничего не остается, как съесть меня... Я готова.

— Мы голодны, а ты — обманщица, — повторили волки. — Все мы видим, что ты — обманщица.

Но вдруг из стаи выделился один волк, подошел к Девочке и заслонил ее собой.

— Нет, она не обманщица, — сказал он. — Все хорошо, все очень, очень хорошо, если мы можем сидеть рядом с ней и слушать ее. И я готов умереть с голоду, только бы она играла. Если я умру с голоду, но не трону ее ни одним зубом, все будет хорошо, все будет очень, очень хорошо. — И он подошел к Девочке и положил голову ей на колени.

— Ну вот, ты уже не волк, ты — Друг, — сказала Девочка и заплакала от счастья. — Я ушла из города, чтобы хотя бы один

волк стал Другом и смог бы войти в Волшебный город. Если бы не нашлось ни одного такого, волки бы съели меня, и Волшебный город отдалился бы от волков еще больше... А теперь... Смотрите и слушайте!

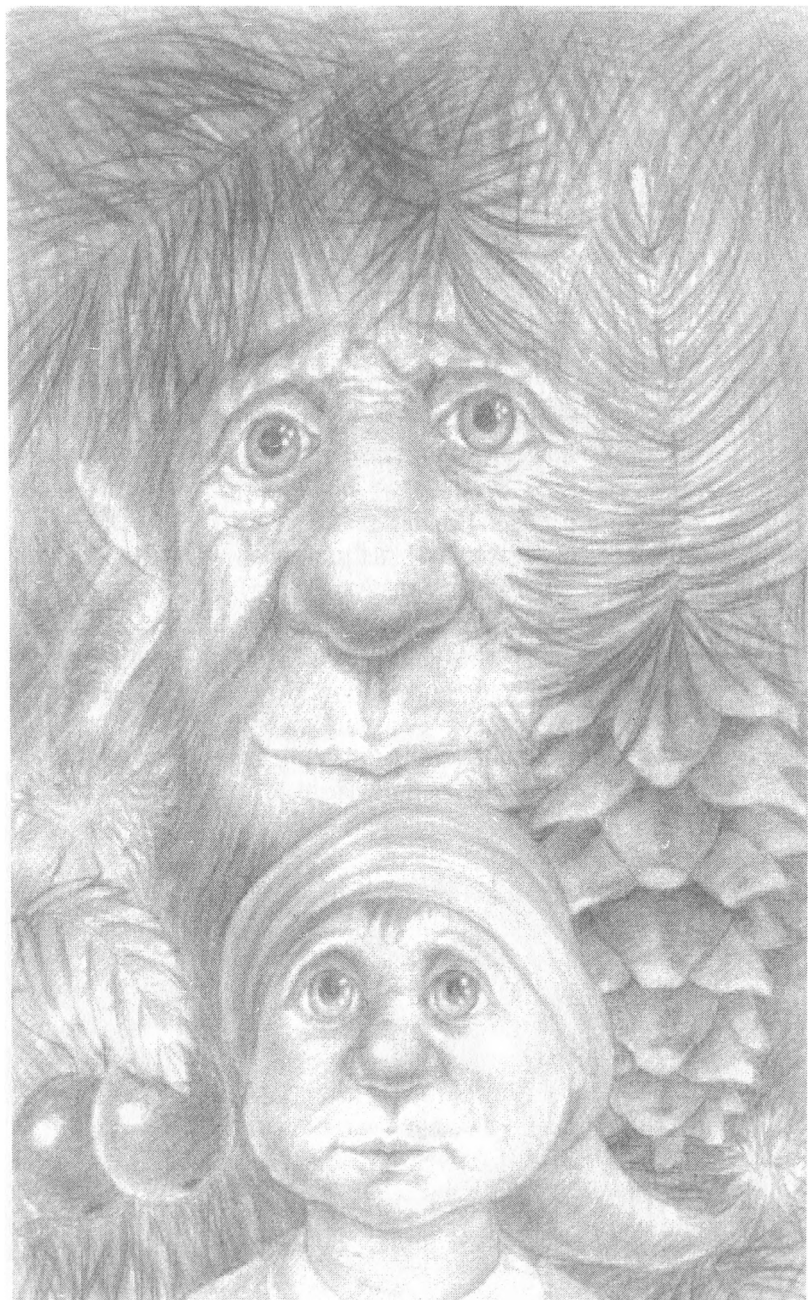
И волки услышали звон, тонкий, далекий, а потом все яснее, ближе, ближе... Звон и сияние приближались к ним, и вдруг прямо перед ними выросла белая стена. Стена раскрылась только, чтобы пропустить Девочку и Друга, и закрылась за ними. И потом город медленно начал отдаляться, так что превратился в далекое белое облако, плывущее по небу. И волки не знали, был ли он на самом деле, или не было его. Они остались совсем одни в пустом темном лесу. Совсем одни со всей своей волчьей тоской.

— Ах, почему мы не поверили ей, — завывали волки. — Почему, почему мы не поверили ей? Что же нам делать сейчас?

Но... Что это? То ли сосулька зацепилась за сосульку, то ли звездочка задела за обледенелую ветку дерева, только вдруг раздался тонкий звон. Звон рос, приближался и превращался в слова:

«Все хорошо, все очень, очень хорошо!
Никогда не поздно этому поверить».

Сколько в лесу деревьев? Тысяча и еще раз тысяча, а может быть, и больше... И у каждого дерева тысяча листьев, и тысяча, и еще раз тысяча... А сколько у каждого листа жилок? А волосинок у каждого корешка? Что ты молчишь, открыв рот? До скольких вас учили считать в школе? До биллиона? Ну, а гномик умел считать до ста.

Дальше он уже терял счет. Ты думаешь, такая уж большая разница? После биллиона остается еще столько же, сколько после ста, а ты уже потерял счет. И чем скорее ты потеряешь счет, тем лучше. Можешь закрыть рот и сесть под деревом, а можешь оставаться с открытым ртом, если тебе так больше нравится. Только перестань считать, это ни к чему. Надо сидеть тихо-тихо и самому стать как листок или дерево, и тогда ты поймешь. Знаешь, как это бывает во сне? Так мучительно трудно что-то решается, ты находишь сотни сложных путей, а надо только одно — проснуться...

Так вот, если перестать спрашивать, сколько деревьев и листьев в лесу, если перестать считать их, то можно почувствовать, что их тысяча, и еще раз тысяча, и еще раз тысяча, — это какое-то одно тысячеликое существо с одним-единственным сердцем, и оно смотрит на тебя так же, как и на маленького гномика, который родился сегодня ночью под листом.

Когда он родился, в лесу было темно, а под листом и подав-

но. Каждая минута была для этого гномика все равно, что для тебя год, и потому, когда он прожил десять минут, он уже был совсем большой мальчик. Ты его даже не заметил бы, наверное, но он все-таки был совсем большой мальчик, хотя что такое рассвет — он не знал. Видишь ли, нужно было несколько поколений гномов, чтобы дожить до рассвета. Только очень немногие гномы жили на свете по два часа. Это все равно, как если бы ты прожил сто двадцать лет. Гномов поэтому и представляют себе бородатými, что маленькими их совсем никто и не видел.

У нашего гномика был дед — настоящий бородатый гном. Гномик любил забираться к нему на колени, играть с его бородой и слушать его песню. У старого гнома была любимая песня:

В густом лесу лохматый зверь живет,
Шуршит под лапой лист сухой и хрупкий...
О чем молчит зеленоглазый кот
И старый леший, закуривший трубку?

Они садятся где-нибудь у пня,
В овраге темном, на замшелых склонах,
И зажигают молча три огня:
Один рубиновый и два зеленых.

Лохматый зверь бредет в густой тени,
Три короля, три старика в коронах
Бредут сквозь лес на дальние огни —
Один рубиновый и два зеленых.

И королям, и гномам невдомек —
Куда ведет, откуда вышло пламя —
Корявой трубки красный огонек
И черный кот с зажженными глазами...

Так пел старый гном. Мальчик никогда не видел огня. Он не знал, что такое «рубиновый» и что такое «зеленый», но больше всего на свете любил он эту песню. Когда он ее слушал, ему казалось, что кто-то незнакомый открыл дверь его теплого желудевого домика, стоит и зовет его. Там за дверью холодно,

он все теплей укутывается в одеяло, но не отрывает глаз от незнакомого и не хочет, чтобы он уходил.

«Дедушка, спой мне еще про кота и лешего», — просил он всякий раз, как видел деда. Иногда мама ворчала: «И зачем ты ему рассказываешь такие страхи, старый? Не забивай ему голову. Пусть он лучше считает хвоинки и былинки и станет великим ученым».

Мальчик действительно любил считать хвоинки и былинки. Он был уверен, что если положить одну былинку рядом с другой, и еще одну, и еще, и так до ста, то можно будет узнать, какого размера мир, и стать самым умным и ученым на свете. Вот так однажды он сидел и считал, как вдруг в темноте, прямо перед собой увидел что-то совсем непонятное. Темнота разорвалась в двух местах, и два круга, две дыры двигались. И от этого все вокруг становилось совершенно другим, невиданным и таинственным. «Огни, огни», — прошептала ящерица рядом с ним.

«Огни, огни», — прожужжала какая-то мошка. Гномик задрожал. Так вот они какие, огни! Было страшно, но больше всего на свете не хотелось, чтобы это исчезло. И все-таки это исчезло. Гномик остался один в темноте и в первый раз в жизни подумал, что в темном лесу чего-то не хватает, может быть, чего-то самого главного. Он постоял так и побрел к дедушке.

— Дедушка, дедушка, я видел огни! — сказал он, придя к бородавотому гному.

— Я видел два огня! Это кот, дедушка?

— Два огня? А третьего ты не видел?

— Нет. Считать-то я умею. Скажи, это кот?

— Да, ты видел кота с зажигающимися глазами. Ты видел вечного кота, который знает тайну.

— А какую тайну, дедушка?

— Да ведь ее знают кот да леший, а я не знаю...

— Дедушка, я тоже хочу узнать тайну. Я больше не хочу считать, я хочу только еще раз увидеть глаза кота и узнать тайну.

— Подожди, может, когда вырастешь, кот и леший доверят тебе свою тайну, а пока не говори никому, что ты видел глаза

кота. Слышишь?

— Слышу, дедушка.

Старый гном задумался. И маленький тоже задумался, открыв рот, как это любишь делать ты. Ты вот боишься ходить в лес ночью и потому не знаешь гномов. И вообще ты так мало знаешь! Если бы ты знал то, что знают ночные деревья... Ведь им тоже доверили свою тайну леший и кот с зажигающимися глазами. А знаешь, почему? Вот слушай.

Мальчик-гном все-таки пошел искать кота и лешего и нашел их. Все было точно, как в песне, — ночь, лес и три зажегшихся огня, один рубиновый и два зеленых.

Маленькому гному было немного страшно и так интересно, как еще никогда не было.

Он стоял и стоял, пока зоркие глаза кота не заметили его в темноте.

— Ты зачем пришел сюда, мальчик? — спросил кот с зажигающимися глазами.

— Я хочу узнать вашу тайну, — сказал мальчик, — откройте мне вашу тайну.

— А откуда ты знаешь, что у нас есть тайна?

— Но ведь никто в лесу не зажигает таких таинственных огней. Я больше не хочу играть, не хочу считать, я только хочу смотреть на ваши огни и узнать вашу тайну. Откройте мне вашу тайну, пожалуйста.

— Хорошо. Но только доверие за доверие. Мы тебе откроем свою тайну, а ты нам свою, — сказал леший и сверкнул красным огоньком.

— Свою? — удивился маленький гном, — но у меня нет тайны!

— У тебя нет тайны? Ты живешь без тайны? Как же мы доверим тебе свою тайну? Ты же не знаешь, что такое тайна, и не умеешь с ней обращаться. Иди. Когда у тебя будет тайна, тогда приходи.

И мальчик ушел.

— А на самом деле, что такое тайна? — спросил он у дедушки.

— Тайна — это то, что от всех таят, прячут. У тебя должно быть что-то такое, чего никто не знает, — ответил старый гном.

— А... ну, хорошо...

И гномик ушел от деда. «Как видно, мне надо рассказать про тот необыкновенный желудь, который я нашел и от всех спрятал. Я думал, что построю из него плавучий дом и тогда все увидят. А до тех пор никто. А теперь придется рассказать про это коту и лешему, потому что это моя тайна». И он пошел к коту и лешему.

— У меня есть тайна, я вам доверю ее, доверьте мне свою, — сказал он.

— Ну, говори.

Мальчик все рассказал.

Леший щелкнул пальцами так, что посыпались красные искры и засмеялся.

— Это тайна? Нет, милый, это не тайна, это секрет, обыкновенный секрет. Ты же совсем не знаешь, что такое тайна. Когда узнаешь, тогда приходи.

Совсем загрустил мальчик-гном. Что же такое тайна? И как ему ее найти?

Прошло целых шесть минут, а по-нашему шесть лет. Мальчик превратился в юношу с пушком на подбородке. Гномы никогда не бреются, и потому этот пушок превращается у них к старости в длинную бороду. И вот, когда у мальчика появился пушок, он увидел девочку, у которой был очень маленький носик и губки бантиком, таким розовым бантиком. Девочка ему очень понравилась, и он поцеловал ее прямо в розовый бантик.

«Ну вот, теперь у меня есть настоящая тайна, тайна моего сердца», — решил он и пошел разыскивать кота и лешего.

— У меня есть тайна, — сказал он, едва завидел три огня, — мне нравится девочка, я уже целовался с ней!

Но леший опять щелкнул пальцами и засмеялся. «Ну почему он смеется!.. Кот хоть молчит и только лапой по морде проводит...»

— Это опять не тайна по-вашему? — спросил гном.

— Это дымок, который даже и не коснулся тайны.

И юноша-гном побрел домой. Ему ничего не оставалось делать, как засесть за уроки поприлежней. Видно, ему никогда не узнать тайны кота и лешего. Он обыкновенный гном, который не знает даже, что такое тайна. И что-то самое прекрасное в жизни, самое таинственное, самое сказочное пройдет мимо него. Это для каких-то необыкновенных существ, а он — самый обыкновенный гном. Так думал он. И девочка ему вскоре разонравилась, целоваться больше не захотелось. Она оказалась глупенькой-глупенькой... И совсем не понимала ничего про тайну, про кота и лешего...

Сколько деревьев в лесу? Тысяча, и еще раз тысяча, и еще тысячу раз тысяча, а может быть, и больше. И после биллиона остается столько же недосчитанного, как и после ста. И нечего думать, что ты намного больше гномика, потому что над твоей головой остается еще столько же неба, сколько над головой гномика... Пожалуйста, не думай, что такая большая разница! Всем одинаково светят таинственные огни ночью, и у всех замирает сердце, всем становится страшно и сладко от песни старого гнома:

В густом лесу лохматый зверь живет:
Хрустит под лапой лист сухой и хрупкий...
О чем молчит зеленоглазый кот
И старый леший, закуривший трубку?

... Гномику было уже целых двадцать минут, и все его так и прозвали грустным гномом. Он строил теперь желудевые дома и очень любил делать на них украшения и сажать рядом ночные фиалки. Когда их запах становился особенно сильным, он почему-то плакал. И никто не понимал, почему. А однажды он построил плавучий дом на листе и поплыл один по лесному озеру. Озеро было такое огромное, а гном такой маленький! Но ведь небо было одинаково высоко над ними, и потому они сами были почти одинаковыми и могли легко понимать друг друга.

И вот гном увидел, что озеро протягивает куда-то свои длинные серебряные руки. Он замер и вдруг различил то, чего еще никогда не видел: озеро было красавицей с зелеными воло-

сами, со звездными глазами и с длинными тонкими серебряными руками, которые тянутся неизвестно к кому...

— Как ты хороша, — прошептал он — и как это я раньше не понимал этого! Но к кому ты протягиваешь свои руки и почему ты плачешь? Ответь мне.

Из озера вытекал и терялся в траве тонкий ручеек слез... И озеро ответило:

— Я плачу потому, что руки мои устали. Я столько лет держу их протянутыми. Я так устала ждать...

— Кому же ты их протягиваешь?

— Кому-нибудь. Я протягиваю счастье, но никто не берет. Мне так тяжело жить со счастьем на руках, со счастьем, которое никто не берет...

— Не плачь, я возьму, — сказал гном, — но оно такое тяжелое, что мне одному не поднять. Я пойду и расскажу всем. Никто не видел твоих протянутых рук, а теперь я всем покажу, и все возьмут у тебя счастье.

Гном причалил свой домик и побежал к другим гномам. Всем, всем, всем надо было рассказать о счастье, которое протягивает красавица-озеро... Он стал рассказывать, но странное дело — все ему говорили, что он бредит. Гномы ничего не поняли. И тогда грустный гном тоже заплакал, как озеро... И вдруг он ясно почувствовал, что у него есть тайна. Он хотел ее всем рассказать, но ее нельзя рассказать... И если бы все знали то, что знает он, то все равно это была бы тайна, у всех была бы тайна. Она передается не простым рассказом, а каким-то волшебным прикосновением из сердца в сердце.

Так вот о чем говорили ему в детстве кот с зажигающимися глазами и леший с красным огоньком! Вот что такое тайна!..

Но теперь он нигде не мог найти ни кота, ни лешего...

Он жил одиноко, этот грустный гном, и почти все время молчал. Когда он был один, молчание его заполнялось тайной, и ему было хорошо. Но вот часто, когда рядом бывали гномы, ему становилось и вправду грустно. Доверять им тайну он уже не пытался, он теперь хорошо знал, что тайну можно доверить только тем, у кого есть своя тайна, и он молчал. Когда молчание

становилось очень тягостным, его заполняли пустые мертвые слова, и все это было очень грустно. А как ему хотелось доверить кому-нибудь свою тайну! Это так тяжело — жить с протянутыми руками... Куда же это пропали кот и леший?

— А зачем вам кот и леший?

Это сказала девушка, такой же гном, как и он, но девушка, которая была рядом, а он ее не заметил. Оказывается, последнюю фразу он произнес вслух, и она услышала.

— А зачем вам кот и леший? — спросила она.

— А? Что вы спросили? Зачем мне кот и леший?... — и вдруг ему неудержимо захотелось рассказать про кота и лешего, рассказать про огни его детства, про то, что так долго лежит у него на душе. Может быть, она даже знает, как найти кота и лешего? А если нет, все равно он выскажется и уйдет. Его же ничто не связывает с этой девушкой.

Нет, она не знала, где найти кота и лешего. Он уже все рассказал, и они сидели и молчали. Но молчание совсем не нужно было заполнять пустыми словами, оно заполнялось само небом и деревьями. И деревья заговорили:

— У нас есть тайна, поэтому кот и леший доверили нам свою тайну. Мы идем от того, что глубже нас, к тому, что выше нас. Вот наша тайна.

Как ясно прозвучал голос деревьев в молчании. Они так отчетливо слышали его — и грустный гном, и девушка. Они вместе прикоснулись к тайне деревьев, и эта тайна связала их так, что они никак не могли разнять рук. «Если деревья доверили ей свою тайну, значит, и я могу доверить свою», — подумал грустный гном. И он доверил ей свою тайну, про озеро.

А она сказала тихо-тихо:

— Так пойдем и возьмем то, что протягивает озеро... И небо, и деревья тоже протягивают к нам руки... Я это знаю, это моя тайна...

И тогда вдруг зажглись три огня — один рубиновый и два зеленых. Да, конечно, это были кот и леший, они появились наконец. Знаешь, оказывается, ни одна свадьба в лесу не обходится без них. Только они могут разрешить или не разрешить

жениться.

Они проверяют, есть ли тайны у жениха и невесты. Если есть, если те действительно обменялись тайнами, то кот и леший еще открывают им свою и устраивают необыкновенную свадьбу с огнями. Но бывает так, что двое хотят жениться, а тайны у них нет, или у одного есть, а у другого нет. Тогда леший начинает щелкать пальцами и смеяться, а кот молчит и гасит глаза. Они хорошо знают, что из такой женитьбы ничего не выйдет и что такая любовь погаснет. У людей часто бывают неудачные женитьбы, потому что их женят не кот с лешим, а кто-то другой...

Больше уже леший не смеялся над нашим гномом. И наконец-то они с котом открыли свою тайну.

— Наша тайна — вечный огонь. За ночью приходит рассвет. Это пора цветенья огня, а когда цветок огня закрывается, он оставляет свои семена в ночи. Мы — хранители этих семян.

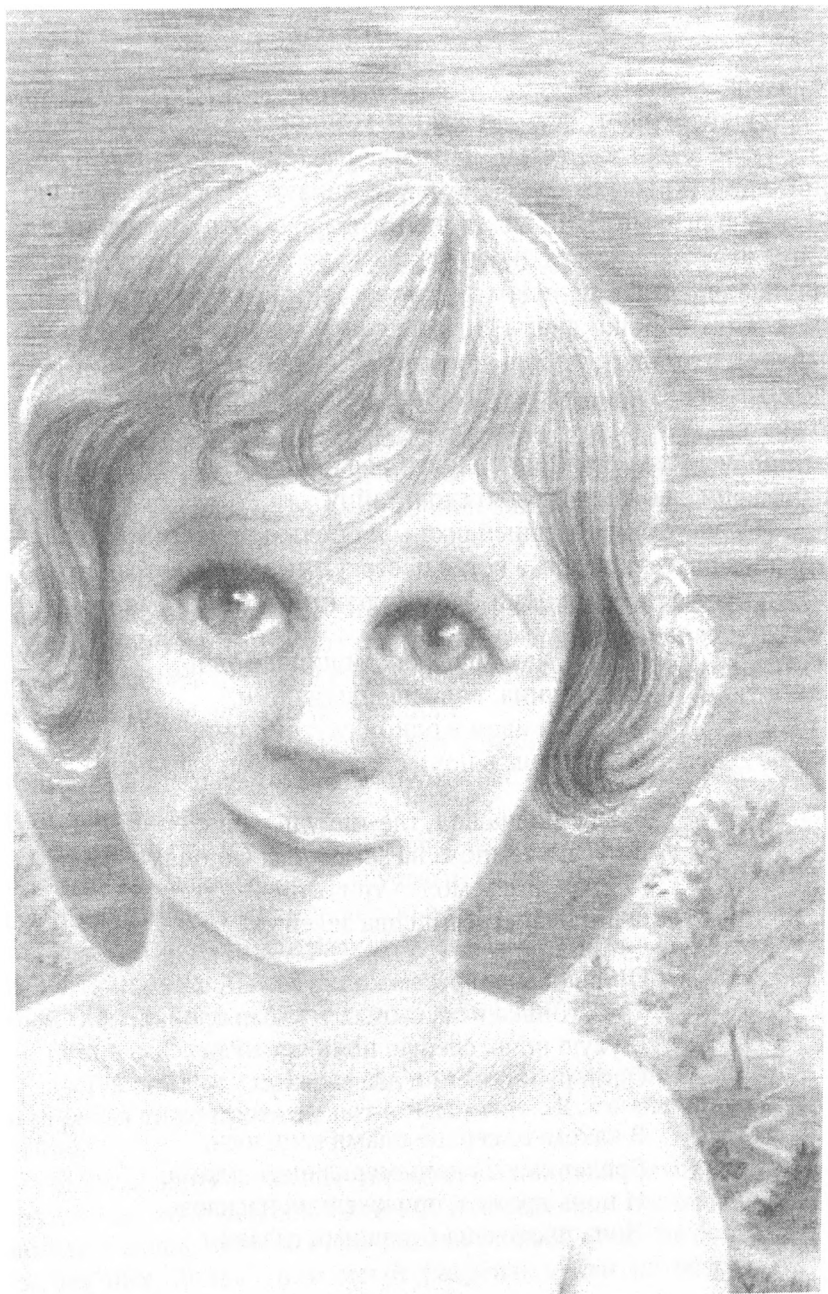
Молчи, как ночь, как тишина, молчи,
Как тишина, повисшая над нами.
Мы все живем в одной глухой ночи,
Мы входим в ночь с зажженными глазами.

В лесу молчащем, где-нибудь у пня,
В овраге темном, на замшелых склонах
Мы зажигаем молча три огня —
Один рубиновый и два зеленых.

Они видны в другом конце земли,
Три огонька в огромных темных кронах.
Глухую ночь, слепую ночь прожгли
Один рубиновый и два зеленых.

В каком-то сердце пламя занялось,
Бредет сквозь ночь мерцающее пламя,
И ночь дрожит, прожженная насквозь,
Ночь прожжена горящими глазами.

Если был день
Превращен в дребедень,
Растреген, растреген, —
Ангел это поймет,
И от вас не уйдет,
Но заплачет...
(Из песни)

Ангел... Вы, конечно, давно знаете, что никакого ангела на свете нет. Или, наоборот, твердо уверены, что он есть, что он так же существует, как вы сами, и если очень постараться, его можно и увидеть. И только некоторые дети еще ничего точно не знают и робко задают вопрос: а что такое ангел? И есть ли он?

Милые мои дети, как трудно вам ответить. Хотя мне кажется, я знаю ответ, но тем труднее мне ответить вам.

Ну, конечно, есть ангел. Мне так невероятно, что в этом можно сомневаться. Видела ли его я? Нет, никогда.

Но мало ли что я видела? В том, что я вижу, я постоянно сомневаюсь — то ли это на самом деле, каким кажется?..

Я не сомневаюсь только в том, что я люблю. А его я люблю. Как люблю!..

Рассказать же вам, что он такое, труднее всего на свете, потому что он незаметный. Самый незаметный из всего, что есть.

Один только Бог еще незаметнее его. Но про Бога мы сейчас совсем не будем говорить. А только про ангела...

Это он проделал длинный-длинный путь, когда никто не видел и не слышал, и принес человеческую душу из мира незаметного в мир заметный. — И вот человек родился. И если вам скажут, что ангел здесь ни при чем, — пусть говорят. Я ведь вам уже сказала, что он — самый незаметный. И что же может быть естественней, чем то, что его не замечают? Говорят о вещах и де-

лах, которые всем заметны. Не о нем...

И вот, пока человек маленький, пока он совсем ничего не может, ангел не отходит от него. Маленький человек совершенно не мешает своему ангелу делать все, что ему нужно. Именно потому, что сам он ничего не может, ангел все может за него. За него помнит, за него улыбается. Вы никогда не задумывались, кто научил самого маленького человека такой улыбке? Так вот, если хотите яснее всего представить себе ангела, посмотрите на эту улыбку.

Почему же маленький так много плачет? Как вам сказать...

Это очень трудно — переходить из незаметного мира в заметный.

Все так незнакомо, непривычно. Наверно, это очень больно, когда начинает быть нужным что-то заметное, что есть только в одном месте, а в других местах его не найти. И если ты попал в это «другое» место, то как тебе не плакать? Ведь чего-то нет.

Мне чудится, что ребенок еще ясно помнит про состояние, когда все всюду было и плакать было совершенно ни к чему. Была одна только улыбка, которая разливалась повсюду и была не чем иным, как светом. А сейчас она появляется только иногда. То свет, то тени. Все есть — чего-то нет...

— О чем ты так горько, маленький?

— Как это несправедливо, как это нехорошо, когда чего-то нет! Все всегда должно быть.

— Ты так думаешь, малыш? Тебе нужно все? Ну, конечно, такая улыбка только для ВСЕГО, которое ни в ком и ни в чем не умещается...

Подожди, маленький, подожди... Слушайся своего ангела. Он ведь не отходит от тебя. Слушайся его, и ты снова найдешь все. Ты улыбаешься? Значит, веришь. Ты ничего не помнишь, ничего не понимаешь. Тем легче тебе почувствовать все. Сразу ВСЕ.

Но по мере того, как ты вырастаешь, к тебе приближается что-то, что-то одно. Ты видишь его все яснее, все четче. Но тебе совершенно неинтересно удовлетвориться этим одним. Тебе надо и это, и другое, и третье. Нам невозможно за тобою уг-

натся, чтобы исполнить все твои желания. Ты нас начинаешь утомлять.. Да не вертись ты во все стороны!.. Как нам трудно понять, что ты утратил ВСЕ, ВСЕ, которое было ВСЮДУ, ВСЮДУ. И тебе надо такое бесконечное множество вещей, чтобы попытаться заменить ВСЕ. Тебе еще кажется, что можно объять необъятное. Чуть-чуть поднатужиться — еще одну игрушку, еще одну бабочку, еще одну птицу... Все такое заметное, яркое, вкусное...

А ангел? Что в это время делает твой ангел? Это совершенно незаметно. Может показаться, что он совершенно забыл о тебе, как и ты о нем. Смотря какая у тебя мама или няня. Если мама или няня рассказывает тебе про ангела, то ты спрашиваешь: «Где же он? Почему он не дает мне все, что я хочу, и не защищает меня, когда меня обижают?» И вот не знаю, напомнит ли кто-нибудь тебе, что он незаметный, самый незаметный на свете и совершенно не может делать заметных дел? И чем заметнее становишься ты, тем незаметнее твой ангел... Не знаю, напомнит ли тебе об этом кто-нибудь...

Разве иногда, когда прошумят вдруг листья над головой и тебе почему-то захочется слушать этот шум совершенно ни для чего, и ты даже забудешь ответить на вопрос, даже не услышишь, о чем спрашивают. Такой незаметный, легкий шум...

Или небо вдруг опустится к самому твоему лбу, почти коснется его, и ты внезапно почувствуешь, что можно провести небом по лицу, как вот этой травинкой... Разве ты по-настоящему замечал когда-нибудь небо? А ведь ангел еще незаметнее... И вот, когда ты не говоришь ни о чем, ничего не делаешь и даже, может быть, ни о чем не думаешь, вот тогда-то, в такие странные провальные минуты он с тобой и разговаривает.

***

Воздух пахнул дождем. Теплый ветер поднял занавеску. Вещи вокруг тебя складываются в удивительный лад. Что сказал тебе твой ангел? Ничего. Все, что нужно, то и сказал.

Тебе хорошо? Неизъяснимо хорошо. Ты любишь. Это ангел

твой склонился над тобой только что — и поправил что-то в твоей душе, как мать поправляет своему ребенку лезущие на глаза волосы или сбившееся одеяло.

Но он это делает только тогда, когда ты не думаешь ни о чем, в том числе и о нем не думаешь, об ангеле. Если ты подумаешь о нем и спросишь: «Где он?» или «Какой он?», — он улетит так же незаметно, как прилетел. Собственно, он никуда не улетает, как и не прилетает ниоткуда. Он всегда здесь. Но ты... ты, милый мой, куда ты смотришь? На вещи? Ты ищешь его среди вещей? Но... ведь он — с другой стороны, всегда с другой стороны. Ты смотришь не в ту сторону.

— Как не в ту? Я смотрю во все стороны.

И всегда на вещи. А он по ту сторону вещей. Не понимаешь? А кто тебе сказал, что надо понимать?

Ветер качнул занавеску. Ветка изогнулась каким-то неизъяснимым движением. Тебе это понятно?

— Но это же так... все, а при чем же тут ангел?

— А тебе надо, чтобы было не все, а что-то, что-то выделенное, заметное... Ты снова забыл, что ангел такой незаметный... И ты, может быть, родился для того, чтобы научиться замечать незаметное...

— Так, может быть, его нет?

— На этот вопрос никто тебе не ответит, кроме тебя самого. Никто. Или ты сам заметишь его, или так и проживешь, не заметив...

Замечает ли своего ангела младенец? Нет. Он еще вообще ничего не замечает. Просто он не растается со своим ангелом. Все время сосет его невидимое молоко.

Не растается со своим ангелом... Вот почему он так улыбается, будто ему принадлежит вся Вечность. Такому крошке — ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ.

Конечно, ты можешь возразить, что ему принадлежит целая вечность и порция молока. И если не будет порции молока, то его не утешит целая вечность. Но, понимаешь, молоко ему нужно, чтобы о нем не думать, чтобы ничто не стояло между ним и Вечностью, чтобы он мог спокойно улыбаться ничему и ВСЕ-

МУ. В том числе — молоку.

Тебе не приходилось встречать людей, вполне сытых, у которых вдоволь и молока, и хлеба, и еще многого другого, и которые почти совсем разучились улыбаться, то есть вот так улыбаться — ВСЕМУ? То самодовольное движение, которое появляется у них на лицах, тоже называется улыбкой. Но это просто значит, что у нас в языке не хватает слов. Есть улыбка ангела и улыбка, от которой ангел плачет.

...Ты не знал, что ангел плачет?

Плачет.

Когда люди отворачиваются, отгораживаются и не замечают... его? — Да не обязательно его — чего-нибудь не замечают. Откуда ты знаешь, что именно это «что-нибудь» и не будет он? Он в любой момент может превратиться во все, что угодно.

Когда свет разливается по небу, по земле и заходит в твою комнату, ты разве не чувствуешь, как он обнимает тебя? Бывает ли так, чтобы он кого-нибудь или чего-нибудь не заметил? От кого-нибудь отвернулся, кого-то обошел? Бывает? Тогда бы свет не был светом... Этого не бывает. И не оттого ли где-то на дне нашего сердца такой поразительный покой, совершенно непонятный нам покой, который осел на самом дне, глубже тоски, глубже самого глубокого горя? Не оттого ли это, что где-то глубже сознания нашего живет чувство, что мы не обойдены, не можем быть обойдены и не замечены. Что То, самое главное, свет жизни нашей, не может быть безразличен ни к кому и ни к чему. Он не может пройти мимо самой малой крошки живого, мимо самого никудышного, самого горького.

Он никого не может не заметить, иначе Он — не он. Разве не это чувство смутно шевелится в тебе, когда ты следишь за разливающимся по небу светом? И особенно на закате, когда свет хочет передать тебе всю свою немислимую силу внимания и проникновения во все и сквозь все...

А на заре, в часы бесконечной нежности Света, разве не слышишь ты беззвучный завет: не отгораживайтесь, не закрывайтесь, будьте тишайшими и прозрачными, чтобы заметить самое незаметное...

Будьте как Свет, — который замечает все и всех... все и всех...

Одно малейшее пятнышко, не замеченное вами, — и вы уже не подобны свету, и Свет уже не может беспрепятственно разлиться в вас. Это самое пятнышко, не замеченное вами, не пускает его в вас. Одна маленькая звездочка, по которой равнодушно скользнул ваш взгляд, линия ветвей, которая напрасно прочертила для вас путь в самое главное, малейшее движение человеческой души, которое было вам ни к чему, и...

Вы еще спрашиваете, отчего вам нехорошо и отчего плачет ангел?

Было это на берегу моря. Это был город, в котором жило море. Оно дышало и разговаривало. И если очень захотеть, всегда можно было заставить город помолчать, сесть, поджав под себя ноги или обхватив коленки руками, и слушать, что говорило море. Долго? Море большое, и ему очень много надо сказать, поэтому слушать можно было очень долго. И смотреть, хотя ничего на море не было — одно только море. А разве нужно что-то еще?

Ей казалось, что больше ничего не нужно. Она была девочка, выросшая на море, и очень счастливая оттого, что она никогда не расставалась с морем, — просто оттого, что солнце встает очень рано, а спускается в море очень медленно и по дороге разливает столько разноцветных огней, что можно весь день следить за ними. И вообще, когда море рядом, такое огромное, то счастье ровно такого размера, и только непонятно, как оно умещается в груди.

Как ее звали? В городе ее называли Легконожкой. Она очень подолгу неподвижно сидела у моря, но когда потом поднималась, то и вправду казалось, что кто-то приделал крылышки к ее ногам, так быстро и легко они порхали. Сидит-сидит, кажется, все дела оставила, и вдруг в какой-то миг они у нее как-то сами собой все сделались, и опять сидит она на берегу моря, точно ей ничего не нужно и никаких дел никогда не бывало.

Где бы она ни появлялась в городе, сразу все становилось легко и просто, и всем начинало казаться, что все трудное — это выдумка какая-то. Даже неловко становилось. Ну что трудного было в их жизни? А когда Легконожка убегала, опять в души людей натекала тяжесть, руки и ноги поднимались с трудом, в голосах накапливалось раздражение... Прибежит она — и снова не бывало всего этого.

Такая это была девочка. В общем-то самая обыкновенная девочка. Она, конечно, знала сказки про принцесс и знала, что уж это-то совершенно необыкновенные существа. А она была только обыкновенная девочка, у которой, как водится, и платья-то настоящего не было... А хорошо бы платью, такое же красивое, как море вечером или ранним утром, или как небо над морем. Вот из этого всего — платью. Но вот это-то и бывает только у самых настоящих принцесс, и хорошо, что никто не знает, что иногда она об этом думает. Впрочем, не так уж много.

А в их городе жил настоящий принц. В настоящем дворце. Легконожка иногда заглядывалась на этот дворец и думала, что вот там-то люди ходят в переливчатых воздушных платьях, с драгоценными камнями, как маленькие моря, и все люди там такие же прекрасные, как море. Что поделаться, так она думала. Она думала, что попасть в этот дворец — это все равно, что попасть в морское царство: то есть все, что море говорит ей без слов, все, что звучит в плеске волн, там оживает. Встало из волн, отделилось — и живет.

Так она думала, глядя на дворец. А принц из окна своего дворца глядел на нее. Она его очень занимала. Какая-то удивительная девушка. То сидит, как вкопанная, и глаз не сводит с дворца, то вдруг срывается и прямо взлетает. И что бы она ни делала, стоит ли, летит ли, похоже, что ей никогда не бывает скучно... Это было для принца самое необыкновенное. Если бы она тут же, на глазах, взлетела на шпиль колокольни, как птица, это было бы для него не так удивительно, как то, что она никогда не скучает. Ведь принц-то скучал постоянно. Все драгоценные камни, и картины, и книжки ему надоедали так же быстро, как детские игрушки. Сколько у него было камней, кар-

тин и детских игрушек! Дело в том, что он ничего не любил выбрасывать. И все комнаты дворца были заставлены вещами, которые никому не были нужны, но бережно хранились. В том числе и все детские игрушки принца, хотя он уже давно не был ребенком и никогда в них не играл.

Иногда ему доставляло удовольствие показывать, сколько у него было богатств. Он очень гордился, когда люди удивлялись и охали, и приказывал еще бережнее все хранить, хотя все это ему было совершенно не нужно.

И вот однажды он подумал, как бы удивилась эта девушка, если бы увидела все его богатства. Какое бы у нее было лицо, и как бы это его развлекло! Легконожка как раз стояла под окнами дворца, не подозревая, что принц смотрит на нее. Вдруг она заметила, что он машет ей рукой. Сначала она подумала, что он спутал ее с кем-нибудь, а потом, когда поняла, что это именно ее он зовет, встала, как вкопанная, а еще через минуту уже взлетела наверх во дворец. Как сияли ее глаза! Тут уж принц встал, как вкопанный! Такого сияния он, пожалуй, еще никогда не видел ни в одном драгоценном камне. И вдруг ему показалось, что вот этого-то драгоценного камня и не хватает ему в его сокровищнице, и если бы такой камень у него был, он, может быть, даже перестал бы скучать.

Принц подумал это и взял Легконожку за руки, и руки ее стали дрожать, как листья на ветру.

— Тебе холодно? — спросил принц.

Она ничего не ответила, но лицо ее загорелось, как заря на море.

— Тебе жарко?

— Нет, нет, сейчас пройдет, — сказала Легконожка и улыбнулась своей счастливой улыбкой, и тут уж принцу стало сначала холодно, а потом жарко. Во всяком случае, не скучно! Нет, эту девушку он отпускать не хотел!

И он повел ее по дворцу. И глаза ее так разгорелись при виде всей этой красоты, что принцу показалось, что наконец-то наступил самый настоящий праздник. А когда они пришли в комнату детских игрушек, Легконожка заплакала от счастья.

— И это все твое?

— Конечно, — ответил принц.

— И ты с этим делаешь все, что хочешь?

— Конечно, — сказал он опять, а про себя подумал, что он, собственно, ничего не хочет с этим делать, и даже смотрит на это только тогда, когда показывает кому-нибудь.

— Ну да, — сказала Легконожка, — настоящий принц — это тот, кому это все принадлежит.

— Конечно, — кивнул принц, тут уже вполне искренне. Но вот тут-то, пожалуй, и началось это странное: то, что оба они говорят одно и то же, а подразумевают совсем разное. Легконожка думала, что настоящий принц — это что-то вроде волшебника, который вынимает все необыкновенное и прекрасное прямо из карманов, что оно словно растет на нем, как яблоки на дереве! Сам прекрасный, потому вокруг все прекрасное.

Ну, а принц думал точно то, что было сказано: настоящий принц тот, кому все это принадлежит.

Поэтому Легконожку от слов «настоящий принц» бросало в жар и в холод, а принца... Принц просто приосанивался и довольно улыбался. Вообще-то, когда он был один, эти слова — «настоящий принц» — не значили ровно ничего, кроме скуки, но зато произнесенные при других людях, они значили очень много. И поэтому принц терпеть не мог оставаться один. Ему надо было, чтобы все время рядом были люди, и притом почти все время новые, которые в первый раз слышат, что он настоящий принц. Ему это было надо, чтобы самому почаще удостовериться в том, что он настоящий принц.

Никто никогда не оспаривал его звания, но почему-то ему все время надо было удостовериться в этом. Может быть, чтобы чуть меньше скучать или просто чуть чаще забывать, что он смертельно скучает. Особенно он любил общество новых девушек. Было таким наслаждением смотреть, как они трепещут и замирают при словах «настоящий принц». А потом, когда они привыкали к этим словам, с ними случалось то же, что со всеми игрушками и картинами и драгоценными камнями, — он на них больше не смотрел.

— Ты настоящий принц, значит тебе надо настоящую принцессу, — сказала Легконожка, — а я простая девушка... Я пойду... — и в глазах ее повисли две капельки.

Тогда принц чуть наклонился, поцеловал ее сначала в одну капельку, потом в другую и сказал:

— Мне совсем не обязательна настоящая принцесса. Вполне достаточно того, что я настоящий принц. И тебе совсем незачем уходить.

Что случилось с ногами Легконожки? Почему они вдруг так отяжелели? Или это счастье так придавило их своей тяжестью, что они совершенно перестали ей подчиняться?

— Там, на берегу моря, мой дом, и меня там ждут, — сказала она, вернее, это сказали только ее губы, а ноги не сделали ни шагу.

— Там, на берегу моря, сейчас закат, — сказала ее сердце, а ноги опять не сделали ни шагу.

— Мы скоро пойдем с тобой вместе туда, на берег моря, — сказала она принцу и больше уже не спорила со своими ногами, которые не могли сделать ни шагу. — Скоро, скоро...

— Да, да, — сказал принц. — Да, да.

Так это началось. Она стала жить во дворце. И день, и другой, и еще, и еще. Она проходила по прекрасным залам, от которых вздрагивало сердце и широко раскрывались руки, но мимо, мимо, в зал, где были игрушки. Здесь она останавливалась. Надолго. Очень надолго. Ей казалось, что она видит то, что слышала от моря; ей казалось, что море лепит одну за другой сказки, и надо только угадать, из какой сказки эта игрушка, и из какой — та. И если угадать, то сказки составлялись сами собой, одна сказка за другой, и вот тогда-то она и взлетала и летала по залам, и сверкала, как все драгоценные камни, и кружилась. И принц летал и сверкал вместе с ней. И день, и другой, и еще, и еще... Но... все-таки, сколько же можно? Не без конца же?

— Как не без конца? А разве бывают концы?

— Конечно, бывают. У всего бывает конец. И всему бывает конец.

— Неправда. У моря нет конца.

— Ну, мало ли что море, а мы люди...

Это принц говорил про себя. А когда она смотрела на него, он старался загнать эти мысли подальше, чтобы они не выглядывали и она бы ничего не замечала. Но однажды он не успел их спрятать. Она слишком быстро оглянулась на него и застала врасплох, когда он зевал. Зе-вал?! Вот здесь, когда у нее только что на глазах составлялась сказка?! Зе-вал, когда такое рядом?

— Зевал, ну да, ну и что? Неужели человеку зевнуть нельзя? Неужели человек заскучать не может?

— Скучать? Как это — скучать?

— Ну, очень просто. Ведь все это я уже видел, все это уже было.

— Ну да, конечно, было, ну и что?

Вот тут-то и выяснилось, что говорили они одно и то же, но это значило совершенно разное. И никак, никак невозможно друг другу объяснить... Какая тяжесть придавила Легконожку... Казалось, еще немножко, и она сломается под этой тяжестью. Так было день, и другой, и еще... А потом она вдруг сказала:

— Я пойду.

— Подожди немного, — попросил принц. — Может быть, ты чем-нибудь еще развлечешь меня.

И тогда Легконожка вздохнула, глубоко-глубоко, и потом взглянула куда-то далеко-далеко и сказала:

— Нет, принц, мне нельзя жить там, где бывают концы.

— Но концы всюду бывают...

— Нет, принц. Я живу там, где нет никакого конца. Где все без конца.

— Что значит «без конца»?

— Ах, принц, я знаю мало слов, но еще меньше умею объяснять, что значат слова. Прощай, принц.

Ушла. И ничего не объяснила. И опять он должен скучать... скучать...

А она... Она очутилась у своего моря, и сидела, и смотрела на него долго, долго, до тех пор, пока, наконец, счастье не стало таких же размеров, как море, и сделалось непонятно, как это оно умещается в груди. И тогда на ногах снова выросли невиди-

мые крылья. И она стала быстрой и легкой, и все, что нужно, стало делаться само собой.

Все, как раньше. Но не совсем. Точно на дне этого счастья, как на дне морском, лежит что-то... затонуло и лежит. А может быть, потому-то и бывают бури на море, что морю очень хочется, чтобы все то, что там, на дне его, стало бы видно всем, чтобы все наконец узнали, что в его глубине... может быть, этого хочется морю так сильно, что вдруг нарушается его покой, и мечутся белые валы, и оно тоскует и зовет, зовет и тоскует, а люди на берегу спешат только спрятаться от него и совсем не понимают, что оно зовет и тоскует...

И все-таки море оставалось прежним морем, а Легконожка прежней Легконожкой. Только теперь она старалась никогда не пробегать мимо дворца и уж, конечно, не останавливалась там.

И вот однажды она увидела, что низко над морем как будто летит птица с горящими крыльями. Птица приближалась, приближалась, и вдруг стало ясно, что это не птица, а корабль с самыми настоящими алыми парусами, прямо из той сказки — про Алые паруса.

Корабль причалил к берегу. и с него сошли люди, и среди них — заморский принц. Он приплыл в этот город за настоящей принцессой.

Конечно, первая, кого он увидел, была Легконожка, потому что все были в домах, а она на берегу. Он спросил ее, не она ли настоящая принцесса? Но Легконожка сказала, что она обыкновенная девушка.

— А зачем тебе настоящая принцесса?

— Затем, что я — настоящий принц, — ответил заморский гость.

— Ну и что же? Разве не хватит того, что ты настоящий принц? Зачем тебе принцесса?

— Настоящий принц не может жить без настоящей принцессы, а настоящая принцесса — без настоящего принца. Если они не встретят друг друга, они будут всю жизнь сидеть на берегу моря и смотреть на море.

— Где же ты будешь искать настоящую принцессу, — спроси-

ла Легконожка тихо-тихо, — пойдешь во дворец?

— Нет, дворец мне совсем не обязателен. У меня есть своя примета.

— Какая же это — хрустальный башмачок или горошина?

— Нет, ни то, ни другое.

Как-то мгновенно все в городе прослышали, что приехал заморский принц. И вот на берег пришла толпа народа и столько девушек — одна красивее другой, и Легконожка нырнула в толпу, и принц ее потерял. Она и сама не очень знала, зачем она это сделала. Может быть, оттого, что ей хотелось посмотреть, какая же это у принца примета, а может, еще почему-нибудь...

Заморский принц загрустил. Он все время искал ее в толпе, пристально вглядывался в каждую девушку и задавал ей какой-то вопрос, но так тихо, что никто, кроме этой девушки, не мог расслышать его. После этого вопроса все девушки отходили, а принц становился все грустней и грустней. И вдруг он увидел Легконожку. И ей показалось, что в глазах у него вспыхнули те самые алые паруса.

— Ну, какая же у тебя примета? — спросила Легконожка тихо-тихо. — Что такое настоящая принцесса?

— Настоящая принцесса, — сказал он, — это та девушка, которая счастлива ни от чего, и счастье которой ни от чего не может кончиться.

— Которая просто живет там, где не бывает концов, — сказала Легконожка еще тише, и это было так, как будто ей примерили хрустальный башмачок, а она из кармана вынула другой.

Вы думаете, мы приблизились к концу сказки? Нет, у этой сказки нет конца. Мы просто попали туда, где все без конца.

Снежная Королева

Высокие и очень спокойные деревья... длинный вечерний луч... Огромный, изнутри светящийся покой... Каким маленьким вдруг становится пред ним то, что только что казалось таким большим и важным. Маленьким и вовсе неважным. Совсем. Сейчас это все мелькнет и растает, лопнет, исчезнет и останется только этот покой, эта незыблемость света, и станет странным — как это раньше мы не видели и не вдыхали этого. Ведь это же было. Всегда.

Сколько сказок складывали о волшебной стране! И все ее выдумывали, грезили. А ведь только она-то и есть на самом деле, а все остальное — выдумка, то, что пригрезилось нам...

Да. Волшебная страна — это страна, где все — такое, как оно есть на самом деле, а не такое, каким кажется. Страна, в которой существует только то, что есть, навечно есть, а то, чего нет, что мелькнет и исчезнет, — того нет, то и не представляется, что оно есть.

И стоит эта страна испокон веков и на веки вечные. Никто не может ее уничтожить. Только почему-то вдруг она становится невидимой, а потом опять видимой...

Если поднести зеркало к цветку, если вдруг проглянет зеркальный пруд посередине леса или зеркальное спокойное море под небом, то сейчас же станет видимой волшебная страна. В зеркале воды мир удвоится и станет ясно, что он незыблем и

волшебен. И захочется поднести к нему еще зеркало, и еще, и еще, и растет чувство, что тогда-то мы и подойдем к Тайне — к тому спящему дворцу в волшебной стране, откуда начинается свет. И мы подносим к удвоенному миру зеркало своих глаз и ищем других глаз — других зеркал, чтобы поднести к ним свои глаза, в которых мир, удвоенный и утроенный, растет, как растут кристаллы...

Деревья и небо вовсе не смотрят на самих себя: и в зеркалах проступает то, что они есть на самом деле. Если же какому-то любопытному взгляду захочется увидеть самого себя, тут-то наступает беда. Волшебная страна делается невидимой, и на месте настоящего мира появляется тот, который только кажется...

Вот отчего, если человек глядится в зеркало, он не видит там ровно никакой волшебной страны, и мир вовсе не растет и не удваивается, а просто передразнивает сам себя, пока ему не надоест это. И появляется полная уверенность, что никакой волшебной страны нет и быть не может.

Волшебники — жители волшебной страны. У них такой странный закон: их видит только тот, кто не смотрит на самого себя. А кто посмотрит на самого себя, тот сейчас же перестает видеть волшебников. Они будут совсем рядом, но... совершенно недоступны взгляду. Как звезды видны только ночью, когда нет солнца, так и волшебники видны только тогда, когда ты сам себе не виден. Иначе не бывает.

Волшебники живут так близко к нам, что этого и представить себе нельзя. Живут и незаметно делают свое дело. Раздают нам свои дары — таланты и красоту. Они сыплются и сыплются на нас плавно и нежно, как снег в безветрие или как легкие медленные листья в пору ранней осени... Кто-то одаривает нас миром... всем, что есть. И самыми разными талантами. Это неправда, что есть неодаренные люди. Бывает ли, чтобы снег падал на один кусок земли под окном, а на другой нет? Все люди одарены, только не все знают об этом.

Неужели все? А Кай?

Если сказать правду, он никакого таланта за собой не чувствовал. Жил такой бесталанный человек на свете, по имени Кай.

Какой такой Кай? Тот самый. Из сказки про Снежную Королеву. Тот, что увидел Снежную Королеву. Потому ли увидел, что в глаз ему попал осколок из зеркала троллей, или не потому — не знаю. И даже думаю, что что-то здесь не так. Ведь люди с осколком в глазу все видят наоборот: прекрасное — безобразным, безобразное — прекрасным. Значит, Снежная Королева на самом деле была безобразной?

Ну нет! Что вы!

Она была ослепительно прекрасна; ослепнуть можно было от ее блеска. Кто хоть раз видел, как вспыхивают на солнце снежинки, как преломляется свет в изломах льдин, тот знает, что такое этот блеск. Если бы Она была безобразна, все было бы проще. В том-то и дело, что Она была бесконечно прекрасной, эта холодная, эта Снежная Королева.

Но ведь Она была злая? Она без сердца?

Кто знает...

Думается мне, так утверждают те, кто не отважился войти в Ее покой, взглянуть в нее... Кто не пошел за ней.

А Кай пошел.

Не мог не пойти. Слишком уж Она была прекрасна. И не верил он, что такая красота обманет сердце. Не верил — и все. У него вечно не сходились концы с концами, и одно противоречило другому. Так уж он жил. Вот, например, он очень любил птиц, до того любил, что когда открывал окно и слышал, как птицы поют, сердце его разрывалось от счастья. Он начинал кувыркаться, смеяться и плакать в то же самое время. Но ведь рядом с ним на подоконнике сидел его любимый кот, который тут же у него на глазах хватал поющую птицу и... Господи, Боже мой, почему так мир устроен? В этот момент он кота ненавидел. Но ведь все-таки он его любил. И — в чем кот виноват? Он так создан... И как тут быть, что думать? Это было совершенно непонятно. Может, он потому и был бесталанным, потому ничего не мог сделать определенного в жизни, что никак не мог разобраться в ее устройстве. Всех жалко... И потому обязательно всех обижаешь...

Вот ведь и бабушку, и Герду он так обидел, когда ушел за

Снежной Королевой... А что было делать?.. Наверное, только одна бабушка никого не обижала. Потому что она была сама доброта.

Бабушкин дом был Дом Детства. Там была бабушка, Герда и Розовый Куст. И вот пока Кай жил в Доме Детства, еще как-то можно было сводить концы с концами. А может быть, наоборот: пока еще можно было сводить концы с концами, он мог оставаться в Доме Детства?

Но подошел такой миг, когда все перестало сходиться, все разъехалось. Вот тогда-то он и ушел за Снежной Королевой. В этот холод, в этот Простор. И остался Дом Детства позади. Этот остров, который до поры до времени кажется целой вселенной, а потом видится далеким-далеким блаженным островом в необозримом мире... Сидит там бабушка у Розового Куста и что-то вяжет. Как-то незаметно бросает вязанье и заглядывается на Розовый Куст. А Кай заглядывается на бабушку, и ему кажется, что бабушка всемогущая, что доброта — всемогуща, и все-все в мире устроится. Все как-то образуется. И кот как-нибудь поладит с птицами и найдет себе более подходящую еду. И вообще все будет так, как надо.

А потом бабушка встает и уходит на кухню или еще куда-нибудь, и он остается один возле Розового Куста. И мечтает. Иногда не один, а вдвоем с Гердой. По одну сторону Куста — он, по другую — Герда. И каждый думает о своем, и каждый не знает, о чем думает другой. А Розовый Куст еще о чем-то своем. Их двое. Розовый Куст — третий. Может быть, третий лишний?

Так, наверное, казалось самому Розовому Кусту. Потому что они оба смотрели на него и не видели его. Добро бы еще они видели только друг друга. Так нет же — каждый из них видел самого себя со стороны и так стеснялся, что не знал, куда деваться. Это началось совсем недавно. Но когда уж началось, то Розовый Куст стал как бы и не при чем, хотя на самом деле не такой уж он лишний. Он был им очень нужен. Без него просто не обойтись было. Особенно Герде. Она как-то осталась наедине с Розовым Кустом, как с единственным другом своим, которому можно совершенно открыться. И вот зарылась она в Куст

с головой и заплакала. И плакала так, как поют птицы — вся и — вволю.

И вдруг в дом вошел Кай. И услышал, что Розовый Куст плачет. Он раздвинул Куст и увидел Герду. И хотя он видел ее, конечно, и раньше, но увидел только сейчас. Такая тоненькая девочка. Вся она дрожала, как куст под ветром, и вся плакала. И Кай весь к ней рванулся, потому, наверно, что вот вдруг увидел ее всю, как видят мгновенно простор, освещенный молнией. И она это почувствовала и сразу доверилась ему, затихая и всхлипывая. Почему она плачет? Да потому, что и она была бесталанной и совершенно некрасивой. И обо всем этом она сказала Каю. И вот тогда-то Кай засмеялся, тихо и ласково засмеялся, потому что видел то, чего она не видела. Его глаза были сейчас как два ясных зеркала, и так как они совсем не смотрели на себя, в них отразилась Герда, такая, какая она есть. И оказалось, что она только кажется некрасивой, а на самом деле!..

Герда смотрела в эти глаза и затихала... А потом ее глаза стали расширяться от удивления... Неужели это она? Не может быть... Нельзя верить... Но как не верить? Кай видел, что она становится счастливой, глядя в его глаза, — и сам становился счастливым. И кроме ее счастья ему ничего не было надо. И они уже совершенно не могли жить друг без друга. Вот так они и зажили вместе в домике с Розовым Кустом. А все остальное было потом. То, что они так любили друг друга и не могли расстаться, и сидели у Розового Куста, взявшись за руки и пели. Все было. Но однажды Герда сказала:

- Кай, ты самый лучший на свете!
- Да ну, — сказал Кай и улыбнулся.
- Кай, ты самый красивый на свете!
- Ну да! — сказал Кай и рассмеялся.
- Кай, ты самый талантливый на свете!
- Ну, ну, ну, — сказал Кай на этот раз и нахмурился.
- Почему ты засмеялся и почему ты нахмурился?
- Потому что не надо говорить неправду.
- Это правда!
- Нет. Я не красивый и не талантливый.

— Как ты смеешь так говорить?!

— Я говорю правду. Я хочу, чтобы и ты говорила правду. А тебе обязательно нужно меня выдумывать. Ты несчастлива со мной — вот с таким, какой я есть? Тебе нужно что-то другое?

У Герды остановилось сердце и задрожали губы, ей стало так жалко Кая, что она вдруг растерялась и превратилась в маленькую девочку, которая совсем себя не видит со стороны. И такой вот она и отразилась в его глазах.

Нет, он никогда не говорил ей, что она талантливая. Он только глядел на нее очень тихо, и она видела в его глазах себя всю. Всю. И оживала — вся. Всей душой. Может, даже не так часто это было. Но когда было, то было то, что описать невозможно. И один раз после этого она вдруг запела. Да как!

С тех пор и стала Герда петь. А люди стали оглядываться и спрашивать: что это за новое чудо появилось на земле?

И тут кончилось их одиночество. Все стали приходиться к дому с Розовым Кустом, чтобы послушать Герду. И слава о ее голосе и таланте пошла далеко.

Конечно, Кай был лучше всех для Герды, но ведь что правда, то правда — никакого особого таланта у него не было. И однажды, когда они остались вдвоем, Герда глубоко вздохнула. На другой день Герда еще раз вздохнула, и тогда Кай спросил ее с тревогой:

— Герда, ты несчастлива со мной?

— Кай, я не знаю. Я очень люблю тебя, но иногда мне очень грустно. Иногда я думаю, почему в самом деле ты ничего не можешь сделать в жизни? Ведь все у тебя есть, и я у тебя есть, и бабушка, и Розовый Куст у нас в доме. А ты... Иногда проходят целые дни, а ты даже не взглянешь на эти розы. И вот говоришь: «Я бесталаный!» А я не хочу этого слышать. Ты сам себя в этом уговорил. И ничего не хочешь сделать.

— Герда, милая моя Герда, я ни в чем себя не уговорил. Я вправду бесталаный. Понимаешь, что-то у меня не складывается, что-то не получается. Я сам все время думал — может быть, получится.

И он стал что-то говорить про птиц и котов, да еще про зай-

цев и волков. И чем больше он говорил, тем тяжелее становилось Герде. Тогда он замолчал и вдруг сказал:

— Я думал, что ты будешь счастлива со мной вот таким талантливым. И тогда бы...

— Что тогда бы? — спросила Герда.

— Ничего. Уже осень. Птицы не поют.

— Зато ты можешь сколько угодно гладить своего кота.

— И буду.

Вот тогда-то после этих слов и стал изменяться Кай. (Не думаю, чтобы какой-нибудь осколок попал ему в глаз. Я про осколки ничего не знаю. Но Кай действительно стал другим). И бабушка, и Герда частенько плакали от него. Он бывал то грустным, то грубым и не отвечал, когда его спрашивали, точно не слышал вопроса. И подолгу смотрел в окно, когда падал снег.

— Кого ты там видишь? — спросила его однажды Герда.

— Снежную Королеву, — ответил Кай.

— И какая она?

— Красивая.

— Очень?

— Очень. Она в огромном пустом дворце. Там нет никого. Она одна. Хорошо.

— Разве это не страшно — одной в пустом дворце?

— Нет. Это хорошо. Только это и хорошо, — вдруг сказал Кай. А Герда и бабушка переглянулись и стали за него бояться.

Нет, никто не нужен Герде, кроме Кая, — ни знаменитый композитор, ни все другие, такие красивые и талантливые, все эти люди, которые приходят в их дом. Но... почему Кай не может сделать ее счастливой?

Не думаю, что Кай стал передразнивать Герду и бабушку, и даже розы назвал безобразными. Но на розы он перестал смотреть совсем. А все только смотрел в окно, когда шел снег. А когда Герда еще раз глубоко вздохнула, он вдруг свистнул, взял шапку и ушел из дома. Как раз на улице выпал густой снег. «Кай! Кай!», — закричала Герда. Но Кай исчез в густых снежных хлопьях.

Вот как это было. Герда долго плакала, а потом ушла искать

Кая. Так она сказала бабушке. Бабушкин дом опустел. Бабушка да Розовый Куст остались в Доме Детства. А Кай и Герда из этого дома ушли. Куда отправилась Герда? В той знаменитой сказке говорится, что она сперва попала к женщине, которая умела колдовать. Это не совсем так. Кажется, это была не женщина, а мужчина, но он действительно умел колдовать. У него был заколдованный сад со множеством цветов. И вообще у него как будто было все, что нужно для счастья. Он был очень талантлив. Он все умел, даже колдовать. И он в самом деле спрятал под землю все розовые кусты, чтобы не напоминать Герде о Доме Детства и о Кае. Надолго ли он околдовал Герду, я не знаю, но она пела ему каждый день, и он подносил ей бесконечные цветы. Он еще был, кажется, поэт и сочинял для нее песни. Но все это колдовство разрушила обыкновенная простуда. Герда простудилась и не смогла петь. Из носу у нее потекло. Он распух. И когда она взглянула в глаза мужчины, умевшего колдовать, она увидела себя такой безобразной, что сама испугалась.

— Это я?! — спросила она. — Не может быть, это не я. А где же я?!

Ее нигде не было. Она потеряла себя саму.

И тогда Герда выбежала в сад босиком, хотя и была простужена, и заплакала в первый раз с тех пор, как попала сюда, заплакала вся, как когда-то. И как только слезы ее упали на землю, из-под земли вышел загнанный туда колдовством розовый куст. И Герда все-все вспомнила. Она зарылась в розовый куст и плакала так, что все розы промокли от ее слез. Она плакала и звала: «Кай! Кай!». И знала, что Кай уже не откликнется ей, и от этого еще больше плакала. Она поняла теперь, что только Кай знал ее, знал, чем она была, а не только казалась, что Кай никогда не потерял бы ее, не дал бы ей потеряться. Она плакала и плакала, а слезы окончательно смывали все колдовство. Дом и сад, в котором она жила, были не настоящие, а точно нарисованные на бумаге. Совсем как настоящие, но не настоящие. Потому они и не выдерживали слез. Мужчина, умевший колдовать, боялся слез, как наводнения или потопа. Он, кажется, готов был влезть на высокое дерево или бежать в другой город,

только бы не видеть Гердиных слез.

— Кай! Кай! Кай! — звала Герда, вся Герда.

Колдовство кончилось. «Господи, как я замешкалась», — сказала она, быстро собрала узелок и ушла.

На дворе стояла глубокая осень. «Скоро начнется снег», — подумала Герда, и сердце ее сжалось. В снег, в густой, густой снег ушел Кай. Конечно, он где-то в густых снегах, в ледяном дворце у Снежной Королевы. Совершенно один в пустом ледяном дворце. «Кай! Кай! — неужели ты не слышишь, как я хочу, чтобы ты вернулся? Кай, я не могу без тебя! Неужели ты этого не слышишь?»

А может быть, он все-таки не во дворце Снежной Королевы, а где-нибудь в другом доме, поближе, где не так пусто и холодно? И хотя это не Дом Детства, но все-таки какой-то жилой дом? Только бы узнать, что он жив! Только бы увидеть его хоть раз, а потом вернуться к бабушке и всю жизнь прожить с ней вдвоем у Розового Куста. Только бы хоть раз увидеть Кая.

— Ка-а-ай!

И вот тут-то к ней подлетел какой-то ворон и сказал:

— Милая девушка, вам нужен принц Кай?

— Принц?!

— Ну да, вы только что его позвали.

— Я звала просто Кая, не принца.

— Но, может быть, вы так давно его ищете, что он успел стать принцем? Дело в том, что нашего принца зовут Кай. Некий Кай пришел откуда-то издалека и оказался самым красивым, умным и талантливым. И поэтому его выбрала в мужа наша принцесса.

— Ах, пусть бы он был некрасивый, неумный и неталантливый. Лишь бы это был Кай. Пусть даже он женат, — сказала Герда, — только бы взглянуть на него.

— Уверяю вас, что он красив, и умен, и талантлив, иначе за что же бы его полюбила наша принцесса? Да и сами вы за что любите его?

— Я? За то, что он — настоящий. Он не боится слез. Понимаешь, бумажные цветы от дождя размокают, а живые растут. Вот

так же и люди от слез.

— Удивительная точка зрения, — сказал ворон.

Они уже приблизились ко дворцу. А из дворцовых ворот выходили принц и принцесса, такие веселые и счастливые! Глядя на них, невозможно было поверить, что кто-то на свете может плакать.

Нет, это был не Кай. То есть принца звали Кай, но это был не Гердин Кай... Герда быстро вытерла слезы, чтобы не смущать принца и принцессу, и хотела уйти. Однако они позвали ее, выслушали и подарили золотую карету. Счастливые люди иногда бывают очень добрые. И Герда поехала на Север в золотой карете. Скоро карета въехала в лес, и перед глазами Герды замелькали огромные сосны и ели, дубы и липы. Герда загляделась на них, и ей вдруг стало отчего-то больно и удивительно спокойно. Чем глубже и выше был лес, тем становилось спокойнее.

В карете было несколько зеркал. И сначала Герда с удовольствием поглядела, как идут ей наряды, подаренные принцем и принцессой. Но вот за ее головой в зеркале выросли сосны. Герда обернулась от зеркала к окну и больше уже не глядела на себя. Ей стало стыдно, что сосны видели, как она на себя заглядывалась. “Это просто привычка, — сказала она им. — Мне уже не нужно это”. И сосны как будто поверили ей и продолжали говорить о чем-то действительно нужном. О чем только? Они как будто готовили ее к чему-то главному. К чему? Какое оно, это главное? Радостное? Грустное? Оно — крайнее. То, что за краем и радости и грусти. Оно — бездонное. Так говорили деревья, и Герда им верила. И чем дольше они это ей говорили, тем становилось ей спокойнее. И вдруг ей захотелось остановить карету и выйти из нее. Она так и сделала.

Был поздний вечер. Кучеру и лошадям надо было уснуть, а ей — побыть в лесу с деревьями... Такими большими... и тихими. И вот ее глаза превратились в два ясных зеркала. И мир удвоился в них, как в чистой воде, и Герда увидела впервые в жизни волшебную страну. В ней было до того прекрасно, что сердце почти остановилось. И так просто! Сначала она видела все, сразу все, и только потом начала различать что-то по отдельности

— и оказалось, что все было живое. И всегда было таким, но она только сейчас это увидела. Только сейчас. Была — ветка — ну и что? А теперь — ветка! — Господи! И как это она раньше не видела, что у каждой ветки есть свое лицо, и каждая говорит свои слова, и если к ним прислушаться, то счастьем не будет конца, как лесному шуму. И Герда прислушалась и вгляделась. И увидела удивительный огонек. Маленький, теплый огонь в темноте. Это был костер гномов. Вокруг него сидели гномы и говорили все вместе, как листья в лесу, и так же не перебивая друг друга. И когда Герда вслушалась, она столько узнала!

— Волшебных стран много, — говорили гномы. — Ты попала в первую — в волшебный лес. Это царство Кота и Лешего. И они главные волшебники здесь. Сейчас ты видишь только наш маленький огонек. Но скоро ты увидишь три больших огня — один рубиновый и два зеленых. Это — глаза Кота и трубка Лешего. Кто увидит эти огни, узнает что-то самое главное в жизни.

— Так я смогу узнать, где Кай?

— На вопрос «где?» они не отвечают.

— Но для меня самое главное в жизни — это Кай, — сказала Герда.

— Вот и спроси, жив ли он и увидишь ли ты его.

«Неужели сейчас я узнаю об этом... Неужели вот сейчас...» Гердино сердце забилось часто-часто и почти замерло. И тогда погас костер гномов. Наступила полная темнота. И в этой темноте зажглись три огня — один рубиновый и два зеленых. «Ну вот, теперь я должна узнать самое главное», — подумала Герда и вдруг поняла, что не может говорить. А три огня приближались, приближались к ней и остановились прямо напротив нее. И вдруг Герда поняла, что Кай жив.

— И я его увижу?! — прошептала она.

И опять поняла без слов: «Да».

— Но как? — вскрикнула Герда.

Тут вдруг огни замигали и погасли. Герда очутилась в полной темноте. Хорошо еще, что гномы были рядом, что снова замерцал огонек их костра, и Герда слышала:

— На вопрос «как» они не отвечают.

«Но как же все-таки?» — с тоской подумала Герда, и тут в голове, которая только что была такой тихой и ясной, закопошились мысли. И вслед за ними вошло огромное, лохматое беспокойство. Она стала думать о том, что будет с ней и с Каем, и очнулась от крика над головой: «Вот она! Вяжи ее!»

Это были разбойники. Оказывается, она находились совсем недалеко от своей золотой кареты.

— Возьмите карету, только отпустите меня, — попросила их Герда. — Зачем я вам?

Но разбойники — это разбойники. Им зачем-то все нужно (хотя они и сами могут не знать — зачем). И Герда поняла, что ей надо прощаться с жизнью. Ей вовсе не было страшно. После того, как она побывала в волшебной стране, она совершенно перестала бояться за себя, но мысль о Кае!

— Кай! Кай! — прошептала она. — Неужели ты так и замерзнешь один в снегах? — И лицо ее стало таким пронзительно печальным, что надо было быть разбойником, чтобы это выдержать. Но вокруг были именно разбойники, и один из них уже занес над Гердой нож, как вдруг девочка-разбойница, Маленькая Разбойница, о которой все знают по старой сказке, вынырнула откуда-то и встала между Гердой и его ножом. Еще минута — и она была бы убита. И она на это шла, эта Маленькая Разбойница. Не такая уж она была избалованная. Это была единственная разбойница, которая не выдержала пронзительно-печального лица Герды. И это так удивило остальных разбойников, что они не убили Герду в тот же миг — и не убили потом. Они только все спрашивали Маленькую Разбойницу, для чего ей вздумалось защищать девчонку из золотой кареты. А она им плела всякие небылицы, потому что как было рассказать разбойникам правду? Они бы ее все равно не поняли. Маленькая Разбойница и вывела Герду на дорогу (не знаю уж, был ли тут олень, думаю, что без него обошлось), обняла ее, отдала все, что у нее было, и сказала:

— Иди, найди Кая и... вспомни когда-нибудь про меня.

«Вспомни!» Герда уже никогда не сможет ее забыть, как и

девочка, рожденная в разбойничьей шайке, уже никогда не сможет жить с разбойниками.

А лес из осеннего стал зимним, и огромные белые деревья указывали прямой путь к Снежной Королеве. Нет, не нужно было никакого оленя.

Совсем иначе Герда попала в страну Снежной Королевы. Она остановилась в серебряно-белом лесу, потому что почувствовала, что огромная, одетая снегом сосна приказывает ей остановиться... Ствол ее был, как поднятый перст: ни с места! И Герда застыла. Вся. Остановились ноги, остановились руки, остановились вопросы, остановились мысли. И глаза остановились. Они превратились в два тишайших зеркала. И вдруг в них отразилась Волшебная страна. Она была перед ней вся — страна Снежной Королевы. В этом невозможно было сомневаться. Герда была в середине такого сияния, которого она не видела никогда в жизни. И если бы ей сейчас приказали: двигайся! — она бы не смогла. Сияние шло отовсюду, как будто проникало внутрь нее, пронизывало ее, преломляясь и отражаясь в бесчисленных призмах. Постепенно она поняла, что окружена зеркалами, тысячами, мириадами зеркал, которые то являлись в своем множестве, то сливались и представляли двумя великими зеркалами такой чистоты и ясности, какой не бывает ни в каких зеркалах на свете. Самая тихая вода не могла сравниться тишиной и прозрачностью с этими волшебными зеркалами.

И тут она вспомнила, что страну Снежной Королевы называют Страной Волшебных Зеркал. Но люди считают эту страну страшной и очень боятся этих зеркал. «Чего же тут бояться?» — подумала Герда и вдруг поняла, что зеркала эти совсем не отражают ее: ни лица, ни рук, ни ног. Герду, которую все видят, нельзя было найти в этих зеркалах. Так вот чего пугались люди. Пустота! Пространство, в котором нет тебя самого. — Но вместо испуга Герду охватил такой восторг, такой небывалый восторг, что зеркала засияли удесятеренным блеском, отражая его... Потому что его-то, восторг этот, они отражали... И Гердины глаза отразили то, что отражалось в зеркалах. И... вспыхнуло такое сияние, что продлись оно еще одно мгновение, и этого нельзя

было бы вынести. Но мгновение оборвалось. Сверхъестественное сияние сменилось спокойным белым светом, тоже удивительно прекрасным, но это вынести было можно. Это был Покой, в котором таились целые миры.

— Снежная Королева, Снежная Королева, — прошептала Герда — Покажись... Дай мне поблагодарить тебя. Сердце мое переполнено...

Ей никто не ответил. Никого не было. Пустота. Она стояла в огромном белом зале. Белый пол и прозрачные стены. Сверкающая серебряная дорожка расстелилась у самых ее ног и точно звала ее вглубь зала. И Герда вошла. Она шла, шла и шла, то и дело натываясь на прозрачные стены, которые каждый раз расступались перед ней с легким звоном. Она как будто все время входила внутрь стен, как вдруг в дальнем конце зала увидела одно темневшее пятнышко. (Господи! Как забилось ее сердце!)

— Кай! — вскрикнула она, еще ничего не различая, но точно зная, что это — он...

«Кай! Кай! Кай! — отразили звук ее голоса сотни, тысячи прозрачных стен, как будто тысяча тончайших хрустальных колоколов. — Кай! Кай!»

Когда Герда добежала до Кая, она вся сотрясалась от слез... Все прозрачные стены задрожали и расступились, наполняя пространство звоном. И Кай и Герда обняли друг друга.

Нет, никакой осколок не выпал. При чем тут осколок? Просто это был Кай, Кай, которому слезы Герды были нужны, как растрескавшейся земле — дождь. Никому в мире не были так нужны ее слезы, как ему. Наконец-то вся Герда ожила, вся душа ее выплеснулась.

— Герда, Герда...

Все пространство и все время как будто были пересечены, как огромный белый зал. Вечность была тут. Они в ней находились.

Бесчисленные слезы задрожали, переливаясь всеми цветами радуги, и в каждой из слезинок мелькнуло маленькое отражение женской фигуры. Еще минута — и все слезы слились в одну огромную сверкающую каплю, которая повисла ни на чем по-

среди зала, как звезда посреди неба. И в этой капле...

— Снежная Королева!... — прошептал Кай. — Наконец-то я вижу тебя!..

Снежная Королева молчала. А слезы текли и текли из ее глаз, не тая, а затвердевая. Они были вечными, как и она сама. Они собирали в себе весь свет и преломляли и удесятеряли его.

— Снежная Королева, — шептали мальчик и девочка, — как это люди могут бояться тебя?

— Это оттого, что они не видят меня, — сказала Снежная Королева. — Люди предстают перед зеркалами моих глаз и не видят там того, что они хотели бы видеть. А то, что есть, им кажется пустотой. И я кажусь им пустой и холодной.

— Пустой и холодной... Ты?! — повторили Кай и Герда и замерли. — Ты — хранительница света и простора...

— Ну вот, вы уже и не боитесь Простора и вас не ослепляет Свет. И ни холода, ни пустоты вы тоже не боитесь, потому что у вас незамерзающие сердца.

Снежная Королева замолчала, но в зеркалах ее глаз вспыхнуло такое сияние, что еще немножко — и они не выдержали бы его. Они крепко обнялись и как будто провалились куда-то, перестали видеть и слышать. А когда очнулись, то оказались в бабушкином доме у Розового Куста, который сам и был счастьем, только чтобы узнать это, надо было потерять его...

И, конечно, около Розового Куста сидела бабушка. Уж если счастье, то без бабушки не обойтись. Какое же счастье без Доброты? А бабушка ведь сама Доброта, и у нее самое незамерзающее сердце на свете. Никакие холода ему не страшны. Уж если у тебя незамерзающее сердце, то это навсегда. А если замерзло — не надо пенять на Снежную Королеву. Она тут ни при чем.

Фея была старая, седая и грузная. Она ходила с большой хозяйственной сумкой. Чаще всего сумка была набита рукописями. Вот с такой набитой рукописями сумкой она и появилась в издательстве. И робко предложила свои листки. Она была похожа сейчас на торговку из песни про горячие бублики. Вот так стоит на морозе, озябшая, и товары ее на глазах остывают и черствеют.

Фея выглядела жалкой и, кажется, чувствовала это. Руки у нее дрожали. Она не знала, куда деть распадавшиеся листки и переводила взгляд с одного сотрудника на другого. А они всем видом своим давали ей понять, что все это совершенно неуместно и почти неприлично, и долго терпеть этого они не намерены.

— Но это ведь настоящее, — тихо сказал Фея, — живое...

— Что, что? Позвольте об этом судить нам. Когда нужно будет, мы вам ответим.

И ответили. Все это им было совершенно не нужно. Стоило только взглянуть на папки, чтобы убедиться в этом.

— Знаете что, бабушка, в этом возрасте не начинают писать, и если...

Тут Фея покраснела и перебила:

— Я вам не бабушка.

— Вот как... Но простите, ведь вам уже под семьдесят?

— Под семьдесят? Под семьдесят?! — Она подняла лицо. Ее глаза сверкнули. — Да когда ваша прабабушка была ребенком, мне было уже гораздо больше семидесяти.

Тут уже онемели сотрудники. А Фея быстро собрала свои листки, запихнула их в хозяйственную сумку и решительно пошла к лифту. Когда она потом перебежала улицу и вскакивала на ходу в автобус, в ней вряд ли можно было заподозрить грузную старуху. Но вот она села, прислонилась головой в окно — и снова стала старой и усталой.

Вышла она возле огромного пустыря на конечной остановке, поглядела вслед последнему уходящему пассажиру и пошла в сторону от дороги и домов по пустырю, пересекая овраги и чахлые перелески. Наконец, она оказалась далеко от какого бы то ни было жилья. Ни души. Огромное небо и пустая затихшая земля. Вот тут-то Фея раскрыла свою сумку и вывалила из нее все свои листки. Их подхватил ветер, закружил и разнес в разные стороны, а Фея вздохнула, поправила на голове платок и пошла назад уже с пустой сумкой.

На пустыре этом потом вырос лес. И не чахлые ровные посадки. Нет, прекрасный смешанный лес. Откуда он взялся — люди не задумались. А откуда вообще на земле взялись леса? Разве кто-нибудь знает об этом?

Но все это потом, не сразу.

А сейчас Фея поправила платок и с пустой сумкой пошла через пустырь обратно к домам.

Дело в том, что Фее, живущей на земле, нужны деньги, как и всем людям. Сколько труда она вложила в рукописи, об этом не знал никто. Да и что с того? За рукописи ей не платили, а деньги ей были нужны. И вот она подошла к крайнему дому и постучалась в первую попавшуюся квартиру.

— Вам полы помыть не нужно? Или окна? Или постирать что-нибудь?

Хозяйка осмотрела ее несколько подозрительно и замаялась.

— Пусть вас не смущает мой вид, я умею это делать. И беру недорого.

— Ну что ж, нужно.

Она действительно умела это делать. Она вымыла квартиру, к удивлению хозяйки, быстро и хорошо. А то, что несколько раз останавливалась и сосала валидол, хозяйка не видела. Да и какое ей было дело?

Теперь у Феи были деньги. Она улыбнулась совсем по-детски и отправилась в кондитерскую. Скоро ее сумка была набита сладостями. Она подкупила к ним фруктов, зашла в игрушечный магазин... И тут уж глаза ее так разгорелись, что она истратила почти все. Осталось, кажется, только на автобус. Впрочем, автобус не понадобился. Что-то зашуршало за ее спиной и — два огромных крыла подняли ее в воздух. Какое это было ликование — лететь на крыльях через весь город, над всеми толпами и очередями, над всем шумом, совершенно не замечая всего этого. От грузной старой женщины не осталось и следа. Теперь это была самая настоящая фея, которая летела с сумкой, полной игрушек и сладостей, и, никому не видимая, никем не слышимая — пела.

Но вот — знакомый дом. Фея бесшумно снизилась, сложила крылья и приобрела свой земной облик. Прозвенел мелодичный звонок, и — дети! дети! Как они ее встречали! Нет, это были не ее дети. Разве у феи когда-нибудь бывают дети? Но разве бывают дети не ее?

И вот едва она отбилась от них и стала раздеваться, как услышала тяжелый вздох их мамы и увидела ее недовольное лицо.

— Опять ты на крыльях прилетела? Ну неужели нельзя проще, как все люди, на автобусе или на метро? Обязательно эти твои штуки...

Фея вся сникла и почувствовала себя примерно так, как в издательстве. Даже в первый момент ей трудно было рассказывать детям свои истории, но это скоро прошло. Под их взглядами нельзя было не расправиться. А что может быть проще для феи, чем рассказывать сказки про фей? Все полагают, что она — искусная выдумщица. И никто не знает, что ей тут совсем не надо выдумывать. Просто рассказывать все, как есть. А историй у нее больше, чем волос на голове...

Но когда она кончила и собралась уходить, мама детей была ею опять очень недовольна.

— Вечно про этих фей и волшебников. Неужели ты не можешь еще о чем-нибудь? Ты забиваешь головы детям всей этой небылью, и они совершенно не готовы к реальной жизни. Ты должна все-таки им растолковать при случае, что никаких фей не существует, и рассказать про то, что существует на самом деле.

Никто не видел, что Фея глотала слезы, как маленькая девочка, и выходила на улицу понурая и совсем беспомощная. Ну легко ли жить, зная, что тебя нет и совсем не должно быть на свете?

Она сидела в автобусе и ехала домой и чувствовала себя старой, усталой и очень больной.

Да, Фея была больна. Это началось давно. С того первого дня, когда она взлетела на крыльях, неся людям огромную корзину с дарами. Так бы, кажется, все просто. Она им — дары, они ей — радость и любовь. Но получилось все совсем не так. Дары брали только дети. А взрослым дары не были нужны. Они сломали ее корзинку и чуть не сломали ей крылья. Вот с тех пор она и больна. Когда она на земле, — то всегда больна. Там, в воздухе, она совершенно здорова. Но совсем улететь с земли, ей никогда и в голову не приходило. А как же дети? Да и не только дети. Она и еще кому-то нужна, и даже чему-то. Вот, например, — вещам.

Фея вспомнила про вещи и улыбнулась. Взглянула в окно автобуса. Скоро выходить. Вот и дом. Фея жила в обыкновенном доме, в обыкновенной квартире, отличавшейся от других квартир только тем, что вещи в ней были живые. Они говорили с Феей, и Фея их понимала и ставила их именно туда, куда они просились. И вещам было хорошо в доме Феи. У каждой вещи была своя история, и слушать их можно было бесконечно. Это было удивительно хорошо — сидеть и слушать то, что рассказывают вещи! У каждой вещи — свой голос. Вот только не заглушай его — и он будет слышен. А какие у вещей были великолепные и причудливые желания! Если слышать и выполнять

эти желания, то и возникает красота! Все думали, что Фея создает красоту. Ничего подобного! Вещи сами создают ее, надо только им не мешать. И Фея умела не мешать, не своевольничать, не навязывать вещам того, что сама она хочет. Что хотите, то и делайте, мои дорогие! Вы совершенно свободны.

— Свободны? Свободны?! — Вещи выглядывали из своих неживых оболочек и вдруг начинали смеяться и петь.

Вот так и получалась красота. А Фея тут ни при чем. Она просто была тихой и внимательной. Вот и все. Все получалось само. Иногда прямо на глазах у детей. Она только разведет руками, и — вдруг!.. — чего-чего не выходило, когда свободные вещи начинали ликовать! И вот тогда-то к ней слетались дети, отовсюду, как пчелы на цветущие кусты.

Дело в том, что все дети рождаются с крылышками, и все они — чуть-чуть волшебники и феи. Не совсем, а только чуть-чуть, потому что они еще очень маленькие. Но они знают, что стоит им немножко подрасти — и такое будет! Вот они и играют в это «будет», воображая, что оно уже есть, торопят его изо всех сил, и так хлопают своими маленькими крылышками!

Да, все дети рождаются с крылышками, но не у всех они вырастают. Вот только бы помочь детям вырастить крылья! Это оказывается так трудно! И удавалось редко, очень редко. А казалось бы — чего проще?..

***

— Так все-таки, скажи мне, пожалуйста, кто ты на самом деле? Фея или Марта? — Это спросила девочка Люся по фамилии Лисичка. Она любила Фею больше всего на свете и мечтала стать феей, когда вырастет. Только феей — и больше никем. А вот сейчас в голосе ее была тревога...

— Так кто ты на самом деле?

— А ты сама как думаешь?

— Я думаю, конечно, фея. Но папа с мамой говорят, что никаких фей нет, и ты просто Марта.

— Вот как... просто Марта...

— Да, — продолжала Люся, — просто Марта, потому что никаких фей нет. Но я же не могу перевернуть.

Марта вскинула на нее глаза.

— Как ты сказала, моя девочка?

— Перевернуть.

— Значит, ты веришь, что феи есть?

— Конечно. И ты — фея, а не Марта.

— А разве не может быть феи Марты? Кто сказал, что у фей нет имен?

— Имен? — Люся задумалась. — Имя... у феи?.. Так просто по имени?

— Ну конечно, вот так просто.

— А по-моему, это ты понарошке — Марта, а по правде — фея.

Марта звонко засмеялась. Сейчас нельзя было понять, кто из них девочка. Платье, рост, седые волосы — все это могло быть понарошке. А по правде... — девочка. И вдруг смех ее оборвался.

Они были с Люсей в лесу, в огромном прекрасном лесу, который вырос на том месте, где когда-то был пустырь... Когда это было? Фея вспоминала и уходила куда-то все дальше и все глубже. Она, кажется, совсем забыла про девочку и говорила только с деревьями, которые узнали ее своим тайным, непонятным нам знанием и что-то шелестели ей, шелестели... А она — понимала их.

— Как ты думаешь, а откуда взялся этот лес? — вдруг спросила она девочку.

— Из семян. Мне папа сказал.

— А семена откуда?

— Из леса.

— А лес?

И тут они обе остановились и посмотрели друг дружке в глаза. Глаза девочки совсем застыли, расширились и, кажется, потеряли дно.

— Не знаю, — тихо ответила она.

— Вот и хорошо, что не знаешь. Знаешь, что не знаешь. Это

хорошо.

— А что тут хорошего?

— Девочка моя, те, кто знают, что не знают, подходят к берегу тайны. Разве ты не слышишь, как шелестит тайна? Ну и что ж, что это — листья... Это — Тайна. Не бойся ее. Она не чужая, не страшная. Это наша родная Тайна. Она так же шелестит у тебя в сердце, как в этом лесу. Прислушайся к своему сердцу.

— Да, да, — сказала девочка. — Я слышу.

— Слишком быстро ты ответила. Прислушиваться надо долго. Ох, как долго!.. Этого ты еще не умеешь.

— А ты можешь научить меня? — Научить?... — Фея задумалась. — Я больше всего на свете хотела бы этого. Но я не могу научить тебя.

— Не можешь?! Не можешь?! — девочка вдруг ужасно встревожилась. — Вот и мама говорит, что ты не научишь меня, как стать феей. Так, может быть, фей никаких нет?!

Как она волновалась! Как она хотела, чтобы Марта опровергла ее. Но Марта молчала. Стояла перед ней. И — молчала.

***

Сколько лет она не была в этом издательстве? На что она надеется? Зачем пошла опять? И насколько труднее стало подыматься по лестнице, Боже мой! Она никак не предполагала, что сегодня испортится лифт. Правда, всего лишь четвертый этаж, но ей и это уже не под силу. И она уже совсем не может мыть полы... совсем не может. А кроме того... кроме того... может быть, все-таки кто-нибудь когда-нибудь прочтет? Или на это уже совсем-совсем нельзя надеяться?...

И вот она стоит со своей хозяйственной сумкой, кажется, все с той же, только теперь уже совсем истрепанной, и листки торчат из всех дыр, вот-вот выпадут... Это — «Заметки Феи», «Опыт Чуда» и огромная папка «На берегу Тайны». Господи, как колотится ее старое сердце! Нет, теперь уже не от волнения. Ему просто стало уж слишком неудобно в этой груди, наверно так же, как ей — в этом издательстве. Еще мгновение и выбегут

вон — она из комнаты, сердце — из груди.

Но они берут себя в руки. И она, и ее сердце. Ее слабые глаза уже плохо различают, кто это там у окна в самой глубине комнаты... Почему ей хочется подойти именно к этому столу? Какая элегантная девушка сидит за ним! Низко склонила голову. Что-то пишет. И — не поднимая головы: «Слушаю вас».

— Я хотела предложить вам рукописи.

— Какие?

— «Заметки Феи», «Опыт Чуда»...

— О, нет, нет, нет! Этого с нас хватит. Не тот век...

Голова девушки поднялась. Глаза их встретились.

— Лю-ся...

— Тетя Марта!.. На какое-то одно мгновение глаза девушки стали теми, давними, так пронзительно любимыми. «Девочка моя!»

Но мгновение прошло. Перед Мартой сидела совершенно чужая молоденькая женщина с холодным, почти жестоким взглядом.

— Я ничего не могу сделать для вас, тетя Марта. Здесь все нелицеприятно, и на знакомства рассчитывать нельзя. Я ничего, совсем ничего не могу для вас сделать.

— Я... Я и не рассчитывала на знакомство. Я... я совсем не знала, что это ты. Извини за эту неловкость. Я, право, не виновата...

И вдруг случилось совсем уж непредвиденное и совсем неприличное. Она стала хватать ртом воздух, как рыба на песке, схватилась руками за стол, сумка с шумом шлепнулась об пол, а вслед за сумкой и она сама вдруг очутилась на полу. Сотрудники забегали. Кто-то принес валидол, кто-то — нитроглицерин. Но все-таки не справились. Пришлось вызывать скорую помощь. Тогда она внезапно открыла глаза, попыталась сказать что-то, но не смогла. И — смирилась. И тут вдруг неожиданно подбежала какая-то девушка, не из сотрудников и не из медперсонала. Кажется, она тоже пришла с рукописями и ждала своей очереди.

— Послушайте, а листки? Как же так, ведь это ее сумка!

Девушка собрала все до единого листочка. Но Марту увезли, отдавать их было уже некому. И она взяла сумку себе.

А Фее еще не пришло время умирать. Смерть не спрашивает фею, когда ей прийти за ней. Когда захочет, тогда и придет. Когда Смерть захочет, а не фея. Пока еще Смерть не хотела. И вот Марта дома. В своей квартире. Здесь все на месте. И вещи все так же поют. А она — слушает. Еще мгновение — и начнет делать то, что они просят. Ни возраст, ни силы тут ни при чем. Только бы ничто не прервало тишину!.. Нет, прерывает. Телефонный звонок.

— Да, да, я, Марта Ионовна. Что, что? Мой телефон был на папке? Да, конечно, был. Но кто вы? Подобрали мою папку, когда меня увозила скорая помощь? Прочитали? Вот как... Неужели? Ну, это вам так кажется. Это пройдет. Ну, посмотрим, посмотрим. Я вовсе не хочу вас обижать. Прийти ко мне? Вы очень хотите? Мечта... Ну о чем же тут мечтать? Приходите. Как вас зовут? Люся?! О, Господи! Нет, нет, приходите, приходите, Люсенька. Да, хоть сейчас.

И она пришла, эта новая, совершенно незнакомая Люся. Она попала в квартиру Феи и замерла. «Дом Феи, дом Феи, настоящий дом Феи, — шептала она, а потом только опомнилась и быстро спросила: — А кто у вас убирает?»

— Никто. Я сама.

— Как сама? И моете полы, и натираете их, и... все остальное?

— Да, моя милая, здесь уже давно не мыто. А еще не так давно я мыла полы не только у себя.

— Вы?!

— Ну, конечно, я. Что же в этом удивительного?

— Но вы не должны. И уж теперь-то совсем нельзя. Неужели никто-никто не приходит к вам?

— Как никто? Что ты! Здесь бывает так много народу!

— И никто не замечает...

Она заметила все. И что холодильник пуст, и что корзина полна грязного белья, и что в доме нет нитроглицерина и даже валидол кончается. А Марта плакала и стыдилась своих слез, и

улыбалась сквозь слезы, и все старалась извиниться за то, что она такая стала немощная...

— Кто немощная, вы? — Люся оторвалась от уборки и взглянула на Фею. — Вы — немощная?!

— Конечно, я...

— Марта Ионовна, Марта Ионовна, если бы у меня была хоть сотая доля вашего могущества!..

— Ах, ты обо всем этом... Так это же само собой. А вот учить я не умею. Совсем не умею.

— Мне и не надо, чтобы вы меня учили. Мне надо, чтобы вы только — были.

— И все... И больше ничего?

Они помолчали. А потом Марта спросила очень тихо:

— Ты еще придешь ко мне?

— О, если только разрешите, на крыльях прилечу!

— Ну, тогда мне и умереть можно...

Неужели, наконец, мои рукописи проросли не только на пу-
стыре?..

Сказки о том, что труднее всего

---

*Сказка о царице Сутасоме
Бог посетил
Мальчик, Дерево и Флейтист*

Сказка о царице Сутасоме

(по мотивам джатаки*)

Рассказывают, что некогда у одного царя родился сын, похожий на молоденький месяц, такой от него изливался нежный свет. У всех, кто на него смотрел, становилось светло на сердце. Так и назвали царевича Сутасомой, что значит: изливающий лунный свет.

Царевич подрастал. И как месяц достигает полнолуния, так его красота, доброта и мудрость достигли своего совершенства. Царь-отец еще при жизни возвел сына на престол, а сам жил рядом с ним, радуясь и дивясь его мудрости, справедливости и умению править страной.

Молва об удивительном царевиче разнеслась по всему свету, и многие знаменитые мудрецы приезжали посмотреть на царевича и побеседовать с ним. Приехал однажды один замечательный старец. Чтобы послушать изречения этого старца, люди проделывали далекие путешествия. Сутасома принял его в своем саду.

Кругом разносились тонкие ароматы, нежная музыка вторила птичьему пению; деревья свешивали усыпанные цветами ветви. Беседа еще не началась, как вдруг за стеной сада раздались крики ужаса и отчаяния. А затем в сад вбежали слуги царевича со словами: «Спасайся, о Сутасома! К нам ворвался людоед Калмашапада. Наше войско рассеяно...»

* Джатака — рассказ о перевоплощениях Будды.

Про этого Калмашапада говорили, что он был рожден от человека и львицы, его сравнивали с самой смертью. Он поклялся злым ракшасам*, что во славу их поймает и сожрет сто царевичей. Девяносто девять царевичей он уже набрал, а сотым должен был стать Сутасома. «Спасайся, о Сутасома, спасайся!» — кричали слуги.

Но Сутасома не выказал ни малейшей тревоги. Он сказал: «Если Калмашапада пришел к нам в гости, нам следует почтить гостя». И он вышел навстречу пришельцу и увидел человека, подобного громадному зверю, который преследовал бежавшее войско. Грязные одежды людоеда развевались во все стороны, на голове была повязка из мочалы, глаза его вращались свирепо и яростно.

«Послушай, вот я, — сказал Сутасома, — к чему заниматься избиением неповинных?» Он стоял один, безоружный. «Это ты — Сутасома?! — воскликнул Калмашапада. — Тебя-то я и ищу», — и, перекинув царевича через плечо, побежал в свое царство.

Там он бросил его в темницу и сказал:

— Теперь все в сборе. Хороший будет костер! Ну, может, вы хотите попросить меня о чем-нибудь?

Тут все девяносто девять царевичей упали на колени и стали молить, чтобы он сжалился над ними и отпустил их. Людоед взглянул на Сутасому, стоящего молча.

— А тебе что, жить не хочется? Почему ты не просишь о помиловании?

— Милости я от тебя не прошу. Но если бы ты поверил мне в долг, я был бы тебе благодарен и долг вернул бы.

— Какой долг? — удивился людоед.

— Отпусти меня на три дня, чтобы я мог побеседовать со своим знаменитым гостем. Я послушаю его изречения и через три дня вернусь.

Людоед расхохотался.

— Эти хоть не хитрят, — сказал он, — людишки как людишки. Нет такого существа, которое не дрожало бы, когда его убивают. Но о тебе слава идет, что ты особенный, не такой, как все.

* Ракшасы — злые духи.

Вот и видно, что не такой!

— Я вернусь, — сказал Сутасома, — я у тебя в долгу. А долги я отдаю.

«Бахвал и лжец, — подумал Калмашапада. — Что ж, пускай удирает. Я поймаю еще не одного царевицу, зато все увидят, чего стоит этот хваленый праведник. Да, все люди одной породы». Вслух же он сказал:

— Иди, да возвращайся поскорее. А я тем временем приготовлю костер.

Сутасома ушел. Но каково было изумление людоеда, когда ровно через три дня он вернулся.

— Почему ты вернулся? — мрачно спросил сын львицы.

— Потому что обещал. Это был мой долг, — сказал Сутасома. — Теперь можешь меня съесть.

— Костер еще окутан дымом, а мясо вкусно только без дыма, — проворчал Калмашапада. — Побеседуем сначала. Ты все-таки ответь: почему ты вернулся?

— Я же тебе ответил, почему.

— О тебе идет молва, что ты правдивый и мудрый. Ну — правдивый, это, кажется, так. Но мудрости в тебе ни капли! Отпущенный, чтобы жить, ты возвращаешься, чтобы умереть?!

— Есть две мудрости, — ответил Сутасома, — звериная и человеческая. Я живу по человеческой, и тебе ее не понять.

— Не понять? Это почему же?! — сын львицы был задет. — Я доблестней и сильнее тебя, а ты со мной разговариваешь, как с низшим. В любую минуту я могу тебя съесть.

— Я знаю. С тем и пришел. Ешь.

— Ешь... ешь... Я хочу сперва понять тебя. Расскажи, о чем вы говорили с мудрецом. Что за мудрость у него такая особенная?

— Нет, этого я тебе не скажу, ты этого не поймешь.

— Но я ведь... — Калмашапада хотел опять пригрозить, но спохватился, что Сутасома угрозы не боится. Тогда он сказал: — А если я отпущу тебя, тогда скажешь?

— Нет. Таких бесед не ведут с людоедами.

— Ты не можешь за свою жизнь заплатить какими-то сло-

вами?!

— Эти слова стоят целой жизни, они не для того, чтобы утолить любопытство людоеда.

— Послушай, странный человек, — сказал удивленный Калмашапада. — А если я отпущу всех моих пленных, девяносто девять царевичей?

— Очень бы я хотел видеть пленных на свободе. Но понять мудрость этих слов ты все равно не сможешь. Они тебе покажутся пустыми, и со злости ты снова изловишь всех и еще сотню других. Ничего я тебе не скажу. Делай со мной, что хочешь.

— Да как ты смеешь?! Я хочу! Я приказываю! — закричал Калмашапада, а Сутасома сказал:

— Послушай, кто у кого в плену? Я в твоей власти — и спокоен. А ты мой властелин — и выходишь из себя.

Калмашапада замолчал. Долго сидел он молча, а потом спросил:

— Неужели ты не знаешь страха? Неужели тебе не жалко царского сана и самой жизни?

— Жалко, но я знаю то, без чего и жизнь, и царский сан не имеют смысла. Вот этим я и дорожу. Но этого я никогда не потеряю, и потому мне нечего бояться.

— Да что ж это такое?!

— Я сказал: тебе этого не понять.

Тогда Калмашапада провел Сутасому в свой дворец, велел слугам принимать его, как гостя, а сам ушел. Три дня не приходил он, и слуги говорили Сутасоме, что их царь не ест и не пьет, мечется, как зверь в клетке, а потом вдруг затихает и задумывается. Такого с ним никогда не бывало. И вот к исходу третьего дня Калмашапада вернулся.

— Возьми ключи, — сказал он, — открой темницу и выпусти пленных.

— И ты ничего не потребуешь от меня взамен?

— Нет, не потребую.

Сутасома взял ключи и выпустил всех пленных, а потом вернулся к сыну львицы и сказал: — Теперь слушай первое изречение моего друга мудреца:

ТОЛЬКО ТОТ, КТО ДЕЛАЕТ ДОБРО БЕСКОРЫСТНО, МОЖЕТ ПОЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ.

— Да, я жил до сих пор, как живут львы и тигры, не задумывался и не мучился. А чувствовать себя человеком — это, оказывается, такая мука!

— Может, лучше вернуться к прежнему?

— Нет. Это уже невозможно. Меня ужас охватывает от всего, что я творил до сего дня.

— Тогда слушай второе изречение мудреца:

ТОЛЬКО ТОТ ПОСТИГНЕТ СЛОВА МУДРОСТИ, КТО ПОЛЮБИЛ МУДРЕЦА, ГОВОРЯЩЕГО ИХ.

Если нет любви к мудрецу, слова его покажутся пустыми и мудрость представится мусором.

— Так ты уже понял, Сутасома, что я полюбил тебя? — спросил Калмашапада. — Но как мне жить теперь? Послушай, возьми меня в свое войско, сделай военачальником, тебе пригодятся мои сила и свирепость. А я буду счастлив отдать за тебя мою жизнь, потому что она стала мне тяжела.

— Нет, друг мой, — ответил Сутасома. — Если прежняя твоя жизнь тебя ужасает, то тебе следует выбрать самое трудное. Если хочешь узнать, что это такое, то послушай третье изречение мудреца:

ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛЮБИТ ТОЛЬКО ТОТ, КТО ОТДАЕТ ЖИЗНЬ ЛЮБИМОМУ НЕ ОДИН РАЗ, А СТО ТЫСЯЧ РАЗ.

— Как это возможно?

— А вот как: легче однажды совершить геройский подвиг и пасть, чем каждый день и час жить так, чтобы не стыдиться ни одного своего поступка, ни одной мысли.

— Ну этого я не смогу, — поник сын Судасы. — Ведь я — не ты. Во мне течет звериная кровь. Могу ли я поручиться, что никогда не рассвирепею и не разорву на куски какого-нибудь злодея, особенно если он причинит зло тебе, о звезда среди царей!

— Ты правдив, — сказал Сутасома, — так выслушай последнее изречение:

ПОБЕЖДАТЬ ДРУГИХ — ЭТО ДОБЛЕСТЬ ЗВЕРИНАЯ; ПОБЕЖДАТЬ САМОГО СЕБЯ — ВОТ ДОБЛЕСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

Ты уже понял человеческую мудрость. Отважишься ли на человеческую доблесть?

Калмашапада молчал. Он понял: прежде, чем обещать, он должен быть уверен, что выполнит обещание. Рассказывают, что он долго жил после этого, даже пережил Сутасому. Но до конца своих дней он каждый вечер и каждое утро спрашивал: «Ты доволен мною, Сутасома? Так ли я поступал, как ты хотел?»

Ее звали Марией. Она была молода и здорова, и у нее было все, что нужно для счастья, хотя все время еще чего-то не хватало. Но теперь уже хватало. Теперь уже его было столько, что больше некуда. Сердце не выдержит. Теперь у нее был маленький сын, к которому невозможно было привыкнуть. И даже понять это было невозможно. У нее в доме появилось Чудо. Она держала Чудо на руках. Чудо болтало ножками и ручками и улыбалось ей.

Только вот рядом с Чудом поселился страх... Господи, Чудо было таким хрупким!.. Страшно отойти от него даже на минуту.

— Подожди, маленький, я сейчас вернусь. Кто-то позвонил в дверь. Сейчас открою и вернусь.

Перед дверью стоял человек. Странная фигура. Впрочем, фигуры почти и не было. Одно лицо. И даже не лицо, — одни глаза. И глазам этим что-то надо от нее. Что?

— Кто вы?

Глаза смотрят молча, наверно, целую минуту. Потом раздаётся голос:

— Нищий.

Опять молчание.

— Я нищий. Я все отдал. У меня ничего нет.

— Так что же ты хочешь от меня? Чтобы я дала тебе что-нибудь?

— Нет, мне ничего не нужно. Я ничего не хочу отбирать у тебя. Но я сам уже все отдал. У тебя все есть потому, что я тебе все отдал. Ты не знала этого?

Она молчала.

— Неужели ты не знаешь, что для того, чтобы все было, надо, чтобы кто-то все отдал? Ты не знаешь этого?

Она молчала.

— Мария, будь моей матерью.

— Матерью? Как я могу стать тебе матерью? Я тебя не родила. Ты мне не сын.

Она молчит. И он молчит. И она медленно закрывает дверь. Но все еще не может отойти от двери. Ей кажется, что глаза смотрят через дверь, через стены.

***

Ах, мой мальчик, ах, мой маленький! Только бы ты был у меня! Только бы с тобой ничего не случилось! Или — мне не надо этого мира. Мне ничего, никого не надо...

И она прижимает его к груди. Упрятать бы его там от всех напастей, от всех глаз... ото всего...

«Ты есть потому, что Он мне тебя дал?! Он мне тебя отдал? Значит, ты не мой, а Его? Не мой?! Нет! Мой! Мой! Мой!»

Ей хотелось одного — как можно скорее забыть о Нищем. И, кажется, она стала забывать. Прошло уже полгода. Тогда была сырая осень, а сейчас весна. Сырая, холодная, но все же весна. И она опять подошла к кровати ребенка и сказала: «Мой! Мой! Мой и больше ничей!»

Да, она и в это утро сказала это, когда ребенок не отозвался ей, не протянул ручонки, не улыбнулся. Случилось самое страшное. Страшнее для нее не могло бы быть, даже если бы мир рухнул. — Мальчик умер.

Казалось, и она умерла. Она превратилась в камень. И камень вздрогнул только, когда до него донеслись чьи-то слова: «Бог посетил».

— Я не хочу, не хочу, не хочу, чтобы Он посещал меня! — за-

кричала Мария и забилась в рыданиях. И вдруг остановилась. И взглянула на дверь. Сквозь дверь. Сквозь мир. Что там? Ни-че-го. Полная нищета. Там — Нищий.

Она вздрогнула всем телом и прошептала: «Куда Ты дел моего мальчика?»

Ее самой уже почти не было. От нее осталось одно лицо. Одни глаза. И когда эти глаза взглядывали на людей, им становилось страшно. Люди вздрагивали и отодвигались и говорили утешительные слова:

— Мария, Мария, твой мальчик сейчас у Бога.

Но под ее взглядом им становилось стыдно. Они говорили то, чего не знали. Они говорили слова, которые ничего не весят. И она стала прятать свои глаза от людей. Она стала пытаться жить, как все. У нее был дом, был муж. И через два года у нее родился другой ребенок. Не заменивший того, первого, нет, не заменивший!

Да, она стала жить, как все, выполнять свои обязанности, вздыхать и слушать ничего не весившие слова. Она только не научилась их говорить. Она была очень молчалива. У нее было все, кроме Чуда. Ее глаза теперь знали, что чудес не бывает. Есть только сон о чуде, сон о счастье. Но ей уже отснился этот сон.

И однажды в этот дом, в котором было все, кроме Чуда, в этот дом, где не было Чуда, снова постучался Он. Она открыла дверь, и глаза ее встретились с Его глазами.

— Ты?

— Я.

— Чего Ты хочешь от меня?

— Мария, Мария, будь моей матерью! И тогда она вдруг заплакала, зашлась в рыданиях и едва выговорила:

— Где? Где? Где мой мальчик?! Куда Ты дел его?!!

***

Она ходила в церковь. Это были часы, когда она принадлежала самой себе. Себе, то есть своему первенцу. На его могилке и в церкви ей было тихо и не надо было притворяться, что она

жива. Не надо суетиться, надеяться. Ничего не надо. Чудес не бывает. Разве все, кто молятся, в самом деле надеются на чудо? Нет. Просто останавливается карусель часов и дней, и можно тихо спросить:

— Скоро? Скоро Ты возьмешь меня туда, куда взял моего мальчика?

Вот так она стояла однажды в церкви и молилась так же механически, как и ее соседи, когда вдруг услышала:

— Мария! Она подняла глаза и остановила их на лице Распятого. И опять услышала:

— Мария!

— О, Господи, Господи! Да ведь Он же не умер. Не умер, нет! Это не деревянная фигура. Это... Ты все еще здесь, Боже мой!? И никто не снял тебя с креста? И не отер крови! Она все еще течет и течет из Твоих ран! Да как же, как же, как же этого не видят?! И я не видела!..

— Послушайте! — обратилась она вдруг ко всем, кто стоял рядом. — Послушайте! Ведь Он жив. Его мука продолжается... Неужели вы не видите?! Ну да, вы не видите, потому что Он не сын и не брат вам. Он вам — никто. А мне Он сын. Сын... Это сын мой!

Она успела увидеть расширенные глаза соседа и услышать: «Это сумасшедшая!»

Потом она очутилась в какой-то темной комнате. Ее втощили туда и заперли дверь. Это была не то тюрьма, не то сумасшедший дом. Но ей это было все равно.

— Как Ты, так я, где Ты, там я, — шептала Мария.

Сколько прошло времени, она не знала. Но вдруг дверь отворилась и вошел Он.

— Живой? Живой?! Ты жив?!

— Ну, конечно, живой. Они могут причинить Мне любую боль. Но убить Меня они не могут. Это не в их силах.

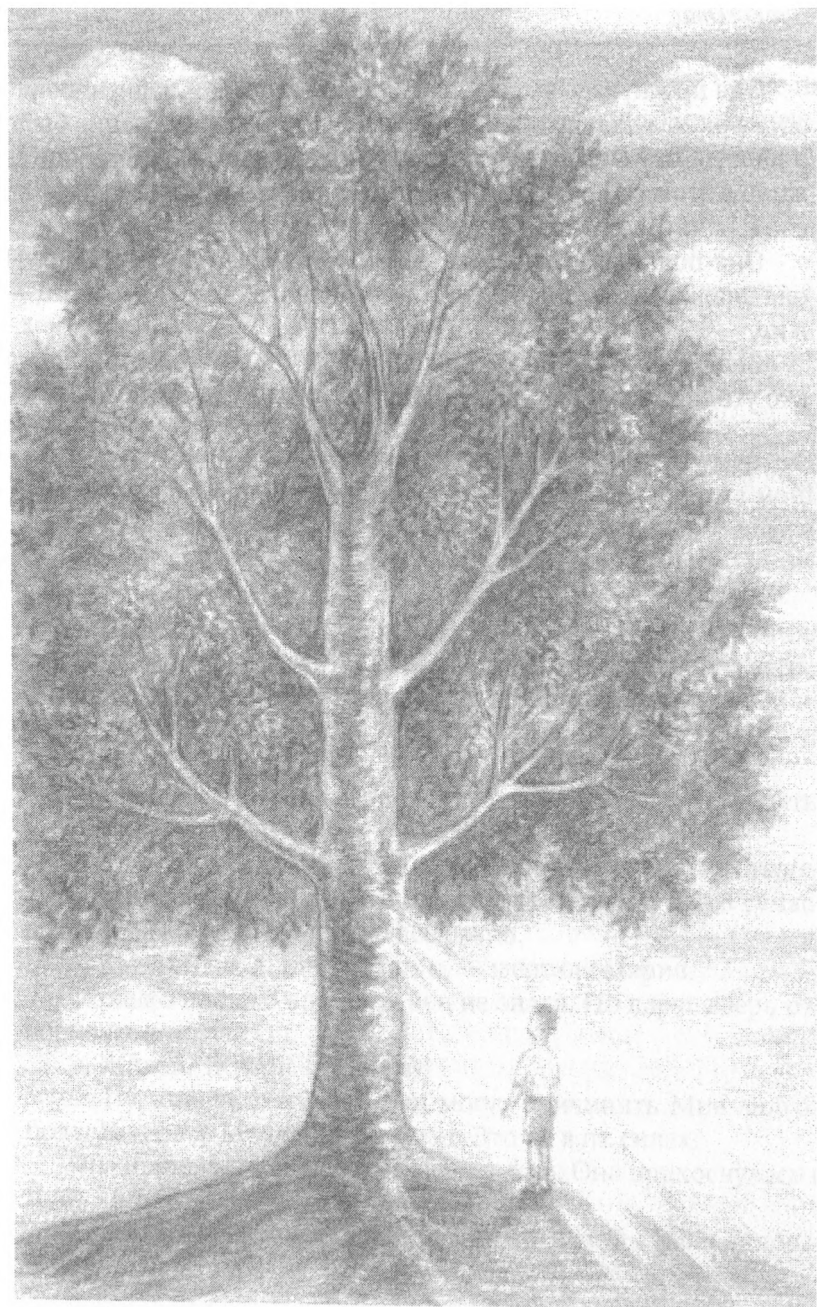
Она прикоснулась к Его ногам и рукам. Она прикоснулась к Чуду. Оно было перед ней. Оно было у нее...

Слезы все еще лились по ее щекам, но в груди было ликование. Оно переполняло грудь, и вот она открыла глаза.

Она проснулась на своей постели. Было яркое солнечное утро. За окном пели птицы. Ликование, все то же ликование было и наяву. Сон? Она заснула тогда, придя из церкви? Но сердце ее жило в этом сне, так же, нет, еще полнее, чем наяву. А теперь во сне и наяву одинаково было Чудо.

Она подошла к кроватке ребенка и взяла на руки Чудо. И она знала сейчас, совершенно твердо знала, что ее первенец — жив.

Ведь жив, жив Тот, кто дал ей его. Пусть в этом сомневается кто угодно, но она-то знает! Ведь Он трижды посетил ее...

Мальчик, Дерево и Флейтист

Жил-был на свете мальчик, который задавал очень много вопросов. Почти всем, кого он видел. Как-то раз он спросил Дерево, знает ли оно Божью волю?

— А как же, — ответило Дерево, — если бы я не знало и не исполняло Божью волю, как бы я могло расти?

На ветке дерева сидел Соловей.

— А ты знаешь Божью волю? — спросил мальчик.

— А как же? Как бы иначе я мог бы петь?

— А ты? — спросил он у Реки. И Река знала. — Как же иначе я могла бы течь? — ответила она и добавила: — Все живое знает и исполняет волю Божью, иначе оно не могло бы жить.

— А человек? — задумчиво спросил мальчик. И тут замолчали и Дерево, и Река, и Соловей. А потом Дерево прошумело что-то, Река забурлила, а Соловей пустил грустную трель. Мальчик ясно понял, что человек не только не исполняет волю Божью, но часто даже не знает, в чем она состоит. Все знают, а человек не знает. И все-таки живет. Как же это?

— Он плохо живет, — сказало Дерево. — Я не понимаю, как можно так жить. А ведь когда-то он был с нами в ладу. Мы все так хорошо жили тогда!

— Когда же это и где?

— В раю.

И Дерево рассказало мальчику про рай: «Я тогда было вели-

ким Деревом и таким прекрасным, каких уже давно не бывает на земле. (Впрочем, может быть, и бывает, но этого никто не видит, — добавило оно про себя). И на мне росли плоды. И Бог запретил их срывать. А человек сорвал. И за это был изгнан из рая».

— Всего-навсего? За такую малость? — спросил мальчик.

— Что значит малость? — прошумело Дерево. — Что ты знаешь про великое и малое? Бог всецелый, и Он не может быть таким без самой малой малости. Рай — это такое место, где все одно со всеми. Ну вот, как все ветки — одно со мной, — говорило Дерево. — Человек и Бог там тоже не разделяются. Нельзя в раю оторвать человека от Бога. Поэтому там так — что Бог велит, то и делает человек. Человек и Бог нераздельны. Ты запомнил это?

— Запомнил, но... не понял.

— Как много ты еще не понимаешь — прошумело Дерево. — Ты слышал, что Бог миродержец, но не знаешь, что это такое. Бог держит весь мир на себе, все звезды и все деревья, и каждую мою ветку, и каждый лист, и каждый плод. Все взвешено и сосчитано в Боге. Ты вот теперь этого не знаешь, а первый человек знал и держал мир на себе вместе с Богом, но вдруг упустил что-то. Не обязательно даже мой плод, который сорвал и съел. Могло быть и что-нибудь другое. Может, он схватил за крылья бабочку невиданной красоты, к которой Бог велел не прикасаться. Может, и так. А может, всего-навсего и сделал, что вырвал из хора божественных звуков одну только ноту, и она как-то зависла сама по себе, без лада с другими... И гармония была нарушена. Гармония держится на таком точном счете! У Бога каждый волосок сосчитан. Тебе, наверно, этого не понять. Тогда просто поверь мне. Человек сбился со счета, с таинственного счета, который ведет сердце. Сердце так четко стучит. Оно не должно сбиваться со счета. Иначе... Ты же знаешь, что наступает, когда сердце сбивается со счета?

— Смерть?

— Человек умирает. А если сердце мира сбивается со счета?.. Нет, все не совсем одинаково. Мир не кончился, но рай был по-

терян. Вырвалась на волю стихия и унесла людей прочь от Бога. Они уже не одно с Богом, нет, не одно. Наступило изгнание из рая...

— А как попасть обратно в рай? — спросил мальчик. Но Дерево молчало. Больше оно ничего не сказала. Мальчик долго стоял под Деревом, пока не увидел старого путника, который сел отдохнуть под раскидистыми ветвями. Тогда мальчик задал свой вопрос старику: — Не знаешь ли ты, как попасть в рай, из которого были изгнаны первые люди?

— Не знаю — сказал старик. Но, помолчав, добавил: — Говорят, когда-то, давным-давно, был мальчик вроде тебя. Он тоже очень хотел узнать, как попасть обратно в рай. Он услышал, что этому учат в школе, и пошел в школу к очень строгому учителю, который все точно знал. Учитель прочитал толстую-толстую книгу. Он изучил ее, как никто другой, и теперь учил людей, что и как надо делать. Он знал, какая кара ждет за каждый проступок, и говорил об этом так, что ученики дрожали от страха. А когда не дрожали от страха, то умирали от скуки.

Слушал, слушал тот мальчик учителя и вдруг взглянул в окно. И такое увидел небо! Такие облака! Не знаю, может, он поговорил с небом так, как ты только что говорил с Деревом, может быть... И наверное, небо сказала ему что-то очень хорошее, потому что он тихо рассмеялся, а может быть, свистнул, а кто-то слышал, что он запел. А учитель закричал:

— Как ты смеешь!

— А вы так говорите про Божью волю, точно это чужая воля, — сказал мальчик.

— Уж не думаешь ли ты, что это твоя воля?! — прогремел учитель.

— Во всяком случае, не чужая — ответил мальчик и тут уж точно свистнул. Тогда учитель выгнал мальчика из класса. А мальчик только пожал плечами и шагнул прямо в окно. Ученики замерли. Но через мгновение все расслышали его смех, такой залихватистый, что не заразиться было нельзя. Все стали

громко смеяться, к ужасу онемевшего учителя. Когда к учителю вернулся дар речи, он крикнул: «Ловить его! Поймать и запрягать в клетку!» Было непонятно, о ком это он говорит, — о мальчике, которого след простыл, или о птице, певшей так, что невозможно было никого и ничего слушать, кроме нее. Она вспорхнула с Дерева прямо в окно и летала по комнате.

— Поймать! — крикнул учитель, но птица выпорхнула туда, откуда влетела. — На места! —

Но не тут-то было! Из окна донесся звук флейты. Казалось, что смех мальчика и голос птицы слились в этом звуке. И полилась мелодия. Какая! Потом изгнанный мальчик как ни в чем не бывало появился в окне с флейтой у губ. Как он появился и на чем держался, понять было невозможно. Но понимать и не хотелось никому. Хотелось только слушать. Когда смолкла мелодия, раздались слова:

— Слушайте мою флейту! Только это одно и надо.

— Ловить! — опять крикнул учитель, но мальчик исчез быстрее, чем улетела птица...

Говорят, что мальчик с флейтой появляется в самых неожиданных местах. И там, где он появляется, обязательно происходит чудо. Но все рассказчики рассказывают о чуде по-разному. Хочешь пойти искать Флейтиста? — предложил старик. — Хочешь увидеть и услышать чудо?

— Хочу — сказал мальчик. И пошел. Куда? Туда, куда вели длинные тени. Куда свет вел.

Свет его вел, он это ясно чувствовал. Солнце посылает длинные лучи. Они все удлиняются и удлиняются. И смотреть надо не на само солнце, а по лучу — туда, куда смотрит оно. И он шел туда, куда вело солнце. И пришел в лес. Огромный. Не лес, а целая Вселенная. Он оказался вдруг в центре Вселенной. И тут почувствовал, что никуда больше идти не надо. Нет, может быть, и надо, но не так, совсем не так, как раньше. Больше нельзя идти одному, а только вместе с Деревьями, небом и морем, просвечивавшим сквозь Деревья. Странное новое чувство охватило

душу: будто его уже нет отдельно от этого огромного затихшего мира. Он, деревья, море и небо — одно. И тут он услышал флейту... А где же Флейтист?

Мелодия лилась и лилась, но Флейтиста не было видно.

— Знаешь ли ты теперь Божью волю? — спрашивала Флейта.

— А как же! — ответил мальчик — Она в том, чтобы слушать тебя. И... — мальчик запнулся, а потом прошептал чуть слышно — и повторить самому твою мелодию...

— А ты сумеешь повторить мою мелодию без единой неверной ноты? — спросил невидимый Флейтист. Флейта продолжала настойчиво спрашивать, а мальчик молчал.

— Почему ты молчишь? — спрашивала флейта.

— Потому что я еще не научился отвечать. Я ведь до сих пор только спрашивал.

— Если ты не ответишь мне, я замолчу!

— Нет, нет, только не это!

— Но тогда ответь мне. Я жду.

«Я жду! Я жду! Я жду,» — повторило троекратное эхо, и все замерло. Но сердце ясно слышало, что его ждут, и как ждут!

Какая тишина! В ней слышен рост деревьев, движение света, движение духа сквозь все, что живет. Движение Духа сквозь сердце. Наполнение, набухание сердца. Оно, как бутон, наполнилось Духом, раскрылось, как цветок, и... запело.

Оно повторило мелодию флейты без единой неверной ноты. И мальчик ясно почувствовал, что эта мелодия висит в пространстве, как земля и звезда, и держится на себе самой, и больше ни на чем. Не держится, а держит. Да, он, который вечно хотел держаться за кого-то или за что-то, больше ни за кого не держится, а вместе с невидимым Флейтистом сам держит мир. Как будто невидимый Флейтист звал его на помощь. И он, наконец, услышал и пришел.

— Так тебе нужна была моя помощь?...-спросил мальчик.

— Очень нужна! А ты сомневался в этом? Теперь ты сам узнаешь, как нужна нам помощь. Как нужно, чтобы тебя услышали так же, как ты — меня. Как нужно, чтобы еще кто-то услы-

шал эту мелодию!.. Услышал и повторил без единой неверной ноты. Как ты, мой мальчик...

Но он уже был не мальчик. Он был взрослым человеком, который научился отвечать, а не спрашивать.

Сказка о Чуде или Золотая Флейта

Оль, Ом, Эль

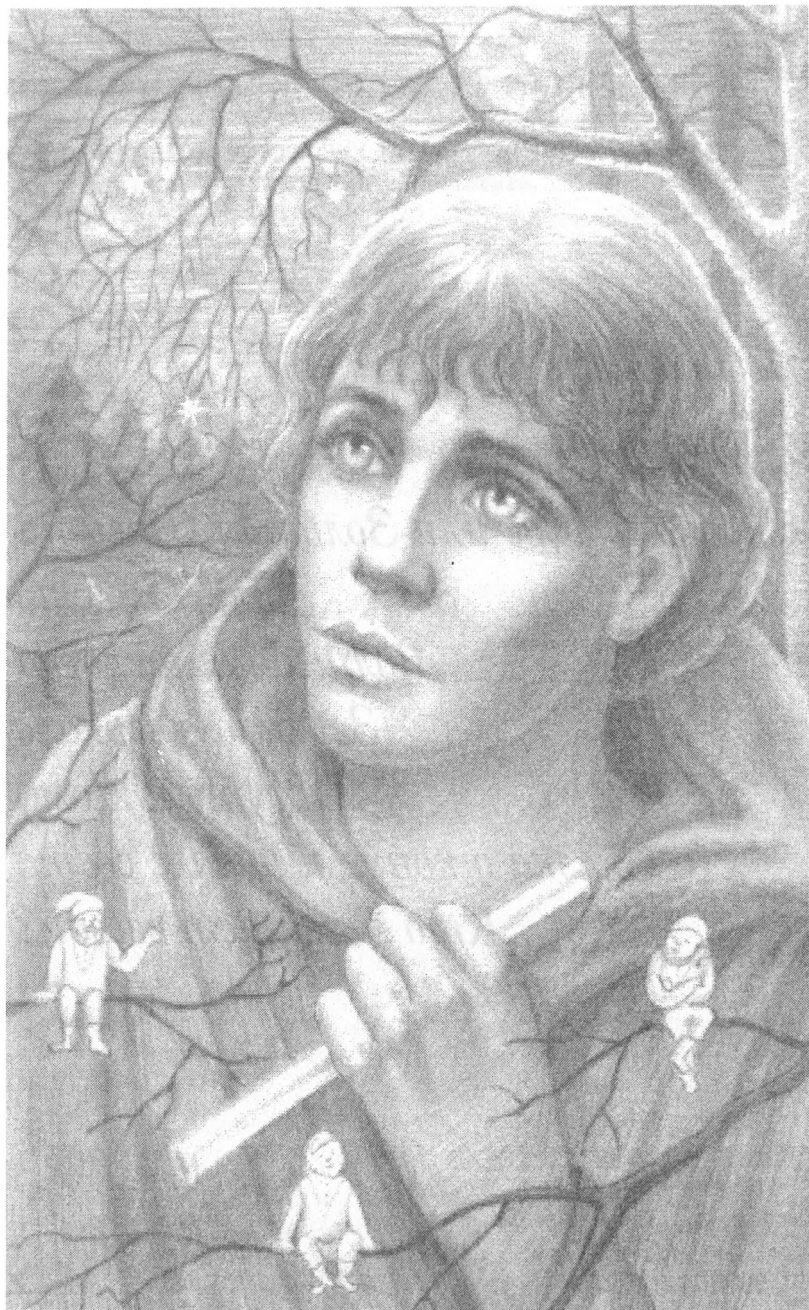
Вошебная щелочка

Зеркало в зеркале

Путь к Дому

Сказка о конце и начале света

Кто зажигает звезды?

Сказка о Чуде или Золотая Флейта

Посвящается памяти Ларисы Тулес

Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?

(Ф. Достоевский. Роман «Идиот»)

Говорят, чудес не бывает. Что вы! Вы можете так говорить только до тех пор, пока не услышали Золотой Флейты. А кто Флейту услышал, с тем случится чудо.

Ее деревья слышат и потому растут. Ее солнце слышит и потому восходит. И заходит, потому что Флейта велит. И заря разливается, потому что слышит Флейту. И звезды зажигаются потому же...

Да, и мы сами на свет появляемся по Ее зову. Раз душа родилась, значит расслышала Флейту. Расслышала, а потом забыла. А если снова расслышит, то тут же и увидит Чудо. Хотя она увидит этот самый мир и ничего другого. Но разве Чудо — это что-нибудь другое, а не этот самый мир?

Кто расслышит Флейту, тому ничего другого уже будет не надо, потому что этот мир раскроется, как волшебная шкатулка, и загорится вечным огнем. И сверкнут самоцветы из самого сердца мира и обожгут сердце человека. И он будет всем говорить, что есть вечный свет, а все будут хлопать глазами и спрашивать его: «Где?» Ну да, чтобы мир раскрылся, как волшебная шкатулка, надо, чтобы раскрылось твое сердце. И тогда ты ясно расслышишь голос: «Разве можно видеть этот мир и не быть счастливым?»

Ну, а кто расслышал, тот что — уже все нашел, и его сказка пришла к счастливому концу?

Что вы! К какому концу! Не к концу, а к началу. Его сказка только начинается. Кто не слышал Флейты, тот еще и к началу не подошел. А кто услышал, вот тот-то и начинает свою сказку. Ту самую Сказку о Чуде, или о Золотой Флейте.

Когда Том в первый раз услышал Флейту, он увидел такое сияние, как будто весь мир просверкал тысячью маленьких гра-
ненных солнц.

И вдруг — все исчезло.

Был лес. Было озеро. По озеру плыла лебедь, спокойная, белоснежная, невозмутимая. Деревья отражались в воде. Но сияния не было. И только одно золотое пятнышко задрожало в кустах, как последняя искра. Что это? Луч солнца? Нет, небо было пасмурным. Но вдруг выбежал из кустов и стал отчетливо виден на темном зеленом фоне маленький совершенно золотой олень. Он застыл, как вкопанный, и так и стоял, как остановившееся золотое мгновение.

Том подошел к нему совсем близко. И вот — никакого оленя, а в кустах на ветке висит Золотая Флейта. Флейта как флейта, только совершенно золотая.

И вдруг — голос:

— Это тебе. Только ты не должен играть на ней самовольно, а только по Моему зову.

Это сказал великий невидимый Флейтист. Это Он подарил Тому Флейту. Нет, не свою, конечно. Его Флейта такая же великая и невидимая, как Он сам. А та, что Он подарил — маленькая, видимая, но точно такая же.

— А когда же Ты позовешь? — спросил Том.

— Жди и услышишь.

Том стоял с Флейтой в руках и не мог сдвинуться с места. Стоял до тех пор, пока на потемневшем небе не стали появляться далекие звезды, то серебряные, то золотистые, то с синим отливом. Он стоял, стоял и вдруг почувствовал, что ему становится тепло (только тогда понял, что раньше продрог). Тепло, уютно, тихо. Оглянулся и увидел, что на земле, под деревом, на котором висела Флейта, лежат несколько сгрудившихся вместе небольших небесных звездочек или звездных осколков золото-

го цвета. Да нет, это, оказывается, был костер. Он как будто появился из самой глубины земли, и Тому почудилось, что этот костер раньше был так же далеко в глубине, как далеко в высоте — звезды. А теперь горит у самых ног. А около него сидят четыре маленьких тихих человечка и смотрят, не мигая, в огонь.

Гномы... У вечного огня. То, что этот огонь Вечный, Том почувствовал сразу. Он никогда не погаснет.

Стало до того тихо, что можно было слышать шорох звезд. И вот в этой-то тишине родился далекий звон. Звон, начавшийся на звезде, достиг до сердца, и Том понял, что сейчас, вот сейчас он должен взять свою Флейту. И взял. И те самые звуки, под которые мир раскрывался, как волшебная шкатулка, вышли из его собственной Флейты... Те самые звуки... Их ни с чем не спутаешь. Да и мир снова раскрывается, как под мелодию Невидимой Флейты. И — что-то засветилось в глубине озера. Зелено-синее сияние отливало золотым и розово-сиреневым. Оно звало все глубже, глубже. И вот высветилась изнутри большая розовая раковина. И из ее таинственного узора возникла девушка. Черты ее были неясны, но совершенно ясно было, что все сияние излучают ее глаза, и беззвучный голос говорил: «Неужели можно видеть это и не быть счастливым? Видеть это и не любить...»

«О, только бы, только бы это не кончалось», — подумал Том. «Постой!» — успел крикнуть он расплывающемуся видению. И — все. Сияние погасло. Музыка смолкла. Он снова сидел в лесу, усеянном звездами, около костра гномов.

— Гномы... а вы Ее видели?

Молчат.

И вдруг — тоненький звон. То ли был, то ли не был. И — голос первого гнома:

Зачарованное царство.

В нем окончатся мытарства.

Лишь пойти бездумно следом

В путь за кем-то, кто неведом.

И снова — тихо. И — снова звон со звезды. И голос второго гнома:

Лесная чуткая поляна,
Сосны шуршащая кора,
Полоска легкого тумана
И еле слышный треск костра.

Как будто это речь такая,
Как будто от земного сна
Живую душу окликает
Сгустившаяся тишина.

И оживает тень за тенью -
Беззвучный звук, бесследный след...
Сейчас наступит пробужденье
И ты поймешь, что мертвых нет...

Тсс... Беззвучный звук... Ну да — вот он... И — третий гном говорит:

Огонь для тех, кто не боится
В огне сгореть.
Кто от своих бессчетных братьев
Неотделим.
Он входит в пламя, как в объятья
Со всем живым.

Том вздрогнул. И костер вздрогнул. Пламя качнулось, заколебалось. И вдруг один язык его вырвался вертикально вверх, и сноп искр разлетелся в воздухе. Они рассыпались со звоном, и вот — голос четвертого гнома:

Все смертное — смертно,
И ты не проси
Бессмертья для листьев дрожащих осин,
Бессмертья для рук и для губ и для глаз.
Бессмертье — не нам, но бессмертие — в нас.
Высоко, высоко, сквозь смертную тьму
Я пламя бессмертья к звезде подниму!

И сердце стучит и мятется во мне,
Чтоб искрою вспыхнуть в бессмертном огне.

Вслушиваться в строчки стихов было все равно, что всматриваться в пламя костра. Вслушиваться, всматриваться в вечное... Вот оно... Так неоспоримо Его присутствие. И Тому уже начинало казаться, что так будет всегда. Ни свет звезд, ни свет и тепло костра никогда никуда не исчезнут.

Что-то баюкало его. Он стал задремывать. Как вдруг — какой-то толчок. Том вздрогнул и выпрямился.

Он сидел один в лесу. Никаких гномов. Никакого костра. Подкрадывался туман с озера. Было сыро и грустно. Звезды светили как прежде. Но они были так далеко! Услышать звездный зов? Звон со звезды? Что только ни пригрезится неудачливому поэту! Да было ли это когда-нибудь? А если и было, то прошло и не повторится, и никто не поверит, что было... И так сыро, холодно и одиноко!.. Ничего не вечно — все, все исчезает!..

— А я что-то знаю!

Кто это сказал? Прямо перед Томом было светлое, даже светящееся пятнышко. То ли забытый уголек костра, то ли упавшая звездочка. Да нет, это лицо. Маленькое доброе лицо гнома, улыбающееся так, точно он и впрямь что-то знает. В глазах — лукавинка, доброта и никакой тревоги. Ну ни одной капельки ни тревоги, ни грусти. И самая обыкновенная гномья зеленая шапочка с белым помпончиком.

Неужели такой вот Помпончик знает выход из всей тоски и может сделать так, чтобы все не исчезало на глазах, не ускользало из-под рук, не пропадало нивесть куда, будто его и не было?!

— Помпончик!

— Том!

— Помпончик, ты пришел в самую трудную минуту. Помоги мне. Объясни, почему все исчезает? Даже вечный огонь, и тот не вечен.

— А почему бы ему не исчезнуть, Том? Всякий огонь исчеза-

ет. И всякое чудо — из света и огня, и потому всегда исчезает, если его не поддерживать.

— Как поддерживать? Что же, ты хочешь сказать, что звезды тоже кто-то поддерживает?

— А как же!

— Кто?

— Тот кто не боится в огне сгореть.

— Кто, кто?! Как это?

Никакого ответа. Сказал и исчез.

«Вот и тебя я не сумел удержать. Наверное, чтобы его удержать, надо уметь так же улыбаться... — подумал Том. — Где мне...»

Осталась только маленькая Золотая Флейта. Она-то все-таки осталась. Видно, она и вправду подарена ему... «Но ведь я не могу играть на ней, когда сам захочу. Только по зову. Зову со звезды... Да был ли он когда-нибудь? Да возможен ли он? И почему я не могу распорядиться собственной Флейтой, единственным, что у меня осталось? Почему я не могу запеть о моей тоске, от которой некуда деваться? Только в песню... Вылить ее, излить, разлить... Флейта моя, песня моя...»

И он взял Флейту и поднес к губам. А дальше... дальше был какой-то провал. Он как будто очнулся под крики «Браво! Великолепно! Здорово!» Его чествовали. Ему поднесли венок, за его здоровье провозглашали тосты. Его называли «нашим поэтом, выразителем наших чаяний, самым-самым...» А он только хлопал глазами и чувствовал, что тоска ничуть не уменьшается, скорее наоборот... растет и растет. А ему все время подносили все новые и новые рюмки, приглашая залить тоску. А она не заливалась, а она разливалась все шире и шире... И вдруг он спросил: «А где, собственно, я нахожусь?»

— Неужели ты до сих пор не понял, что перед тобой Страна Чудес?

— Чудес?

— Или исполнения желаний, это ведь одно и то же.

— Ой, нет, — сказал Том.

— Как это нет? Разве не исполнилось твое самое заветное

желание? Разве не стал ты из непризнанного чудака нашим великим современником?

«Великим современником?» — подумал Том с неловкостью и тоской. Тоска все возрастала. Ему вдруг захотелось закричать, опрокинуть рюмки, но он сдержался и только сказал: «Ну, если у вас и вправду исполняются желания, то я хочу быть не великим, а вот таким, каким был, когда получил свою Флейту».

— Пожалуйста, но только сначала спой. За каждую песню — одно желание. Сколько песен споешь, столько желаний исполнится.

Том посмотрел на свою Флейту. Поднес ее к губам, но... Ни единого звука. Он не мог больше играть.

Он решил, что сейчас они прогонят его, как самозванца, опустил голову от стыда, но... Никто не был ни смущен, ни удивлен. Ему даже зааплодировали, хотя пел не он, а они сами распевали его старую песню о тоске и бессмыслице.

— Послушайте, что здесь происходит? — пролепетал он и затих. И вдруг расслышал шепот у самого уха: «А я что-то знаю...»

— Помпончик! Ах, Помпончик, уведи меня отсюда!

— Нет ничего легче, — сказала улыбающееся личико и скинуло глаза на дверь.

Тогда Том стал тихо пробираться к выходу и, наконец, очутился на улице.

Ночная, безлюдная городская улица. И на ней — Деревья. Зажатые домами гости города. Деревья... Горожанам не до них. А Деревьям? Может, и Деревьям не до людей, но... нет... Он ясно почувствовал, что Деревьям есть до него дело.

Вот этот огромный, склоненный над каналом вяз, узловатый, суковатый... Если только услышать, как медленно он растет, если только проследить, откуда и куда он идет... Но тогда... «Флейта... Флейта... Ну конечно, я слышу Флейту! О, Господи, я уже забыл, как она звучит...»

Да, он расслышал Ту, Великую, Невидимую Флейту.

Его Флейта не издавала ни одного звука, а Та — звучала. «Да не все ли равно — моя или не моя, — подумал он. — Флейта — Одна». И заплакал. Он был один. Его никто не видел, кроме Не-

видимого Флейтиста. А Флейтист — видел. Том Его слышал, а Он Тома — видел.

— Ну как, Том, не очень понравилась тебе Страна Чудес? — спросил Он Тома.

— Нет, совсем не понравилась. И не было там никаких чудес.

— Ну, раз ты это понял, ты должен выбирать между Чудом и исполнением желаний. Хочешь — будут исполняться твои желания, хочешь — снова увидишь Чудо.

— А Чудо — это когда исполняются Твои желания?

— Да, наконец-то ты догадался.

— Чудо, Чудо... Только Чудо.

— Но тогда ты должен быть готов пройти через великую печаль. И уж совсем не думать, исполнятся или не исполнятся твои желания. Или о себе думай, или о Чуде...

— О Чуде.

— И тогда...

— Да, да, я никогда не притронусь больше к Флейте без Твоего зова.

И вот снова тишина, в которой слышно, как растут Деревья. Тишина, в которой будет слышен тот звездный звон. Будет... Еще не слышно... Ну и что же? Само ожидание — это жизнь. Не слышно? Нет, слышно, хотя это еще не звук, а предзвук. Нарастание тишины и есть приближение звездного голоса... Он — тишайший. Но теперь-то его уже нельзя не слышать. Теперь... Теперь — Флейта моя не может не звучать.

«Если вы не слышали предзвука, вам кажется, что мелодия возникла внезапно из ничего. Вы поражены. Вы думаете — откуда она?! А она всегда была. А моя маленькая Золотая Флейта только сделает слышной ту беззвучную музыку Невидимого Флейтиста. Вот и все. Флейта моя запела. Флейта моя зовет меня. Я иду, иду, иду...»

Том на самом деле шел. Куда? Он не знал. Он только «шел и шел, бездумно следом вдаль за кем-то, кто неведом». Не сам шел, — Флейта вела, звала и вела. И привела в какой-то удивив-

тельный город. Не город — сплошной цветной витраж. И дома в нем, точно не строились руками, а сами росли, как деревья. Удивительно красивый город. Терема с остроконечными крышами, цветные светящиеся терема, как осколки разноцветного Чуда.

— Куда я попал?

— Ты попал в город музыкантов. — ответил ему человек в бархатном костюме.

— А ты сам музыкант?

— Конечно. Здесь все музыканты. Ведь ты прибыл на конкурс.

— Какое счастье мне выпало... — Том не сумел закончить фразы.

— Это мы еще посмотрим, тебе или мне выпало счастье, — сказал бархатный музыкант.

— А разве нельзя, чтобы обоим?

— Ты что, мы же соперники!

— Неужели?

Глаза у бархатного округлились, и он показал кому-то рукой на Тома и на голову. А Тому показалось, что это какой-то Помпончик наоборот: Помпончик знает что-то самое важное для всех, а этот — для одного себя.

И вот начался конкурс. Люди в шелках и бархате один за другим выходили на сцену, садились за рояль, брали в руки скрипку, флейту или гобой. Вроде бы это были прекрасные музыканты, но... почему от их музыки росла и росла тоска у Тома? «Так они же не слышат Зова», — понял он, и тоска стала совсем невыносимой. Не слышат Зова и не идут, никуда не идут, а все время кружатся вокруг самих себя и стараются победить кого-то... Да не побеждать надо, а помочь... Послушайте!

Но никто ничего не слышал. Скрипка, рояль, гобой... и — аплодисменты. А... Музыка? Да ведь она зовет!

И Том вышел на сцену. И заиграл. И как заиграл! Да разве это он играл?! Он сам отошел, отступил, сошел на нет перед Невидимым Флейтистом, каждый шаг которого раздвигал, раскрывал душу. Ах, как много в этой душе было, оказывается,

стен и перегородок! Он их опрокидывал. Он сдвигал горы на своем пути! Вот уже ничего не осталось, кроме сплошного сияющего Простора. И теперь Музыка сделалась такой глубокой, такой всеильной, точно готовилась пройти сквозь смерть. Еще чуть-чуть, и — в мире не будет смерти. Не будет! Вот уже вдали загорается Чудо. Мир раскрывается, высвечивается изнутри. Там — бессмертие. Разве можно слышать это и не быть счастливым? Слышать и не любить?! Ответьте, можно?!

В ответ — гром аплодисментов. Том вздрогнул, точно его ударили. Ему хотелось сказать: «Остановитесь — разве я об этом вас просил? Я ведь просил помочь мне ответить на Зов. Неужели вы и сейчас не слышите?!»

— Браво! Бис!

И тогда он снова взял Флейту. И она стала молить, биться об их души и молить. Нет, не только молить. Она сметала перегородки, она, эта тоненькая мелодия сейчас заставит сдвинуться тяжелые каменные залежи — вот сейчас... Но — Музыка оборвалась.

Он стоял, как каменный, не в силах издать ни одного звука.

— Что случилось? — недоумевал зал. — Ведь это был претендент на первое место. Бывает же такое! Заболел, что ли?

Музыка оборвалась. Да только ли музыка? Том чувствовал, что оборвалась невидимая нить, на которой держалась его душа. Музыка ее находила и обводила, и укрепляла — ту таинственную ниточку, один конец которой был в сердце, а другой на его звезде. Какая она, именно его звезда, Том не знал. Но сейчас только понял, что пока была цела нить, он был живой, то есть мог свободно двигаться, говорить, играть. А теперь ничего не может.

— По-мо-ги-те! — прошептал Том, но никто его не слышал. И никто и представить себе не мог, что не звук оборвался, а душа сорвалась со своей незримой орбиты. Целый мир сейчас висит на тоненькой ниточке, и нужно одно-единственное — продолжить прерванную музыку.

Как он молил об этом! Как мечтал, что найдется кто-нибудь, кто сыграет за него так, как он, лучше него. О, если бы!! Ему это

было нужно, как жизнь! Это и было его жизнью. Услышать истинную музыку! Не все ли равно, играть или слышать?! Это совершенно одно. Играющий и слушающий — одно. Оба они — простор, в котором течет МУЗЫКА. Верните МУЗЫКУ! Спасите меня!

— Разве можно видеть Дерево и не быть счастливым? — это сказал однажды один тихий человек, тихий и светлый. Но ведь и его музыка оборвалась когда-то, и душа его повисла в пространстве и ничего, ничего уже больше не могла... Вот точно так же, как сейчас у Тома.

Том понял, что стал невидимым. Точно таким же, как сам Невидимый Флейтист. То есть он никуда не пропал, ничего особенного не произошло. Тогда бы люди хоть догадались, что они не видят. А так ведь уверены, что всё видят, — и всё топчут. Просто так, потому что не видят.

— Чего там еще видеть? Все на месте, руки-ноги целы. Только почему-то не может ни ходить, ни говорить. Кто его знает...

И вдруг... он ощутил на себе взгляд, не скользящий мимо, не рассматривающий, а входящий внутрь взгляд. Его увидели. Из груди его вырвался звук, которого он не издавал никогда. Боль или ликование? И смерть и жизнь? Одно мгновение, и вот — Золотая Флейта Тома запела, и как не бывало обрыва звука.

Я жив! Жи-вой! Вот я!

Вот так и началась вторая жизнь. Их общая жизнь — Тома и Старой Девочки. Потому что это Она его увидела. А он — ее. Собственно, они оба услышали музыку и привели ее в мир. Вот и все.

Что за странное имя — Старая Девочка? Имя это или не имя, но вот как оно родилось:

— Мне кажется, я знаю тебя не с рождения, а с дороженья, — сказал он.

— Ну, конечно, я знала тебя, когда тебя еще и в помине не было. Может быть, когда еще никого не было, я тебя знала.

— Как же это?

— Очень просто. Я ведь старая. Я очень старая. Старше мира.

— Но ты ведь юная, такая юная, как утро. Недаром на тебе это розовое платье. Розово-сиреневое, как рассвет.

— Ну да, конечно. Меня так и зовут Девочкой. Все зовут Девочкой. Я — Старая Девочка. Ах, Том, Том, что могло бы быть, если бы я не нашла тебя?! Твоя Флейта шла прямо ко мне, в самое сердце, и — вдруг оборвалась. Как я испугалась! Но никто не понимал, чего это я испугалась. Сколько я ни просила музыкантов помочь мне, никто не мог. Они совсем не знали, что такое твоя Флейта и куда она ведет. И вот тогда я ушла в этот лес, и стала звать, звать тебя. А потом затихла совсем. Твоя оборванная мелодия звучала во мне. Звучала и обрывалась, звучала и обрывалась. И вдруг я почувствовала: да разве можно слышать эту мелодию и не быть счастливой? Слышать и не любить... Так, чтобы найти... И тут я тебя увидела.

«Господи, как хорошо, что ты из плоти и крови, что ты не исчезнешь, не растаешь как видение, не оборвешься, как мелодия, что мы навсегда вместе!...»

— Том...

— Что?

В ее голосе был еле слышный укор, смешанный с нежностью и печалью.

— Том, не говори так. То, что из плоти и крови, тоже исчезает, почти так же, как видения... Кто знает (это она сказала почти шепотом), может наша плоть и есть видение...

И тут Тома охватила такая тревога, такая боль! «Нет! Нет! Нет!» — закричал он.

— Ты должен обещать мне, что всегда, что бы ни было со мной, будешь идти туда, куда ведет тебя твоя Флейта. Обещай мне, что даже на меня — не оглянешься, если меня будут уводить от тебя. Ты не должен выбирать между мной и Флейтой. Только Флейта...

— Нет, ты! — вскрикнул Том и осекся.

— Если пойдешь за Флейтой, то вернешь меня. Если останешься со мной и не пойдешь за Флейтой — потеряешь меня.

Вот что помнил Том, когда сидел у постели, на которой умирала она — его любимая, его Чудо. Она еще дышала, но он знал, что в любую минуту дыхание может прерваться и тогда... Тогда расколется пополам небо и земля. Тогда ничего больше не будет. Но вот послышался слабый вздох. Такой далекий, точно со звезды донесшийся голос: «То-ом...» Ее голос или зов со звезды? Ее голос, ставший звездным зовом: «Том, ты обещал...»

И тогда он взял свою Флейту. Последнее, что он увидел, было Ее лицо, спокойное, как озеро в полном безветрии, и почти такое же белое, как подушка.

Неведомая сила влекла его отсюда. Он хотел крикнуть, отжаться, прильнуть к ее лицу. — «То-ом...» — Ее голос уводил его от нее. И вот — огромная синяя тишина с одной звездой посередине. И эту тишину нельзя было нарушить. А звезда звенела ее голосом. И Флейта звучала. Музыка лилась, лилась и вела в такую глубину! И человек шел, плыл за музыкой в полной пустоте. Но она не страшила его. Она его держала, как пловца держит море. Человек плыл и плыл, а по лицу его текли и текли слезы, и падали, и повисали в темной синеве звездными искрами. И странная мысль пронеслась в голове у человека, что он причастен к этому звездному мерцанию. Среди этих звезд были и его повисшие слезы. «Слезы не пропадают, ни одна слеза не пропадает», — подумал он и потом уже совсем ни о чем не думал, только чувствовал, что погружается все глубже и глубже. Куда, Господи?

Огромные разноцветные звезды совсем рядом с его лицом. Плавают у глаз, лучатся всеми цветами радуги и живут. Они живые. И все-таки это слезы. Разрастающиеся, расплывающиеся слезы. Вот они слились в одну сплошную радугу, охватившую все пространство. И где-то в сине-серебряной части радуги — фигура. Постепенно вся радуга оказалась вдали, а синее серебро близко. Еще ближе... еще... И вот — женщина с белым, как снег, лицом, вся в окружении переливающихся синих и серебряных льдин. По неподвижному лицу Ее текли слезы. Текли и текли, как будто отделившиеся от нее самой, и превращались вдали в дрожащие звезды. И расплывались, и таяли, и снова

текли. Неподвижное, невозмутимое Лицо, которое все время плакало... А слезы превращались в свет.

— Кто ты?

Она смотрела на Флейтиста и молчала. А слезы продолжали течь, как звуки Флейты.

— Кто ты?

— Хранительница света.

— Но ты... плачешь?

— А ты думал, что я холодная и жестокая Снежная Королева?..

— Нет... Этого не может думать никто, кто видит тебя. Ты... ты все время плачешь? Всегда?

И тогда она улыбнулась сквозь слезы. И в звуках музыки проступил такой покой!..

Так значит он есть — вечный свет! Вот Он!

Никогда еще маленькая Золотая Флейта не обретала такой силы! Синева... Синева... А посередине синевы — пламя. И он знает, что ему надо вступить в него. И вступает. И тут, только тут видит лицо своей любимой и жизнь, которая разгорается на нем, как утро на фоне отступающей ночи.

Говорят, что чудес не бывает. А мне все равно, бывают они или не бывают. Чудо — это не зрелище. А кто сам станет чудом, тот уже ничего не говорит...

На больших, выступающих из земли корнях Старого Дерева, прижавшись к стволу, сидело странное создание с лохматой головой и длинным носом. Оно было небольшое и очень тихое. Лицо почти человеческое, только морщинистое и цвета древесной коры. И огромные глаза с треть лица. Глаза грустные и добрые. Созданье сидело, подперев рукой щеку, очень спокойно, так что почти сливалось с Деревом. За спиной у него была котомка, а рядом с ногой была кисточка от свернувшегося, похожего на скрученную древесную ветку, хвоста.

Человек? Нет... Но глаза человеческие. Хотя все-таки не совсем.

Разве бывают человеческие глаза, которые так смотрят? И за Дерево и за землю смотрят. И может быть, еще и еще за что-то. Точно у всего появились глаза. Вот они и смотрели.

А разве человек может сидеть так неподвижно? Так, что его можно не заметить и спутать с Деревом?

Но вот созданье вздохнуло и тихо сказала: меня зовут Оль. Я сижу здесь давно. С тех пор, как Ее не стало. Сижу и думаю. Я ведь не могу поверить, что Ее совсем нет. Ведь я знаю: если кто-то был, то он и есть. Я Ее в первый раз увидел давно, задолго до того, как Она появилась на земле. Я сидел на берегу и глядел на море. И вдруг увидел, что вода засветилась зеленовато-голубым, а потом розовато-сиреневым цветом. И тогда я взглянул в

воду и увидел Ее на дне морском. Она сидела в своем саду среди кораллов и раковин и глядела вверх. А потом поднялась вместе с волной и — запела!

Как Она пела! Кто Ее слышал, тот знал, что жизнь никогда не кончится, а счастье сейчас прожжет грудь и выплеснется из нее и повиснет новым солнцем на небе — и так создастся еще один мир, а потом еще и еще... Вот почему так много звезд на небе. Иногда мне кажется, что это брызги от Ее голоса... а когда голос замолкает, они ведь все равно остаются. Вот ведь что... Застывшие отзвуки.

Это сейчас я так думаю. А тогда... Тогда я просто глядел на Нее и был счастлив. И ни о чем не думал. И вот Она выплыла на поверхность моря. Плыла и пела. А по морю шел корабль, и на нем был принц. И Она увидела его и полюбила. Я понимаю Ее. Что-то было в этом принце такое, что Она могла его полюбить. Но вот его мне понять труднее. Не заметить Ее?! Впрочем, люди ведь такие невнимательные... Глядел на море и — ничего не видел... И кто его спас, не заметил. Ну, кажется, он был тогда без сознания. И все-таки... Очнулся, увидел над собой склонившуюся девушку в розовом платье и сразу влюбился. А Ее так и не заметил. Заметил тогда, когда уж совсем нельзя было пройти мимо. Спускался к морю по лестнице своего дворца и увидел девушку, укутанную в собственные волосы. Говорят, у Нее раньше был хвост. А потом появились человеческие ножки. Не знаю... Просто раньше Она была одно с волной. А потом отделилась, чтобы стать заметной. Вот так и появились ноги. Волна перестала быть Ее продолжением, и — Она встала на ноги...

— Кто ты? — спросил Ее принц. Она хотела ответить и — не смогла. Потому что у Нее уже не было Ее голоса. Этот голос говорил за всех — за волны, за море, за небо, за меня. Люди не знают, что бывает такой голос. Люди говорят словами. Только за себя говорят. Так говорить Она не могла. Вот Она и молчала. Глядела на него и молчала. Но как глядела! Он ведь понял, что так люди не глядят. Что Она глядит не только за себя и... ждет, чтобы и он взглянул так же. Он, кажется, даже захотел, но... не смог. И вот велел одеть Ее в человеческие одежды и стал гово-

речь с Ней человеческими словами. Стал рассказывать Ей про себя, про свою мечту, про девушку в розовом платье. А Она... Она слушала и молчала. И ведь догадывался он иногда, что никто, кроме Нее, ему не нужен. И тогда говорил, что женится только на Ней, и тут же добавлял — потому что девушки в розовом платье я никогда не встречу...

Ну вот. А оказалось, что встретил. И настала последняя ночь в Ее жизни, когда Она вышла на палубу и была совершенно одна. Никто, кроме меня, Ее не видел. А я видел. Я все видел. Я смотрел на Нее и плакал. И вдруг выплыли из волн Ее сестры и протянули Ей нож. И сказали: его спасла Ты, а не принцесса. Почему же должна жить она, а Ты — погибнуть? Спеши. Убей ее, это будет только справедливо. И Ты вернешься к нам и проживешь еще 300 лет.

Я услышал это и задрожал. Я так хотел, чтобы Она их не послушалась! Ну, конечно, Она не послушалась. Она взяла нож, но ведь Она выбросила его в волны, как только сестры скрылись. И я был так благодарен ей за это!

...А за что, собственно, благодарен? Ведь после этого Ее не стало. А принцесса продолжала жить, как ни в чем не бывало, и принц вместе с ней. И я не понимаю, как это возможно? И как я мог этого хотеть?! И еще я не понимаю, — неужели принц может жить и быть счастливым, когда Ее не стало? Просто примириться с тем, что Ее нет... Это возможно? И разве может быть, чтобы Ее не было?..

***

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо
И свет вовек бы не сходил с лица.
Когда б в какой-то уголок земли
Вгляделись мы до сущности небесной,
То мертвые сумели бы воскреснуть,
А мы б совсем не умирать могли.

И — дух собраться до конца готов.
Вот-вот... сейчас...

Но нам до откровенья
Не достает последнего мгновенья,
И — громоздится череда веков.

Ну да, именно... Всего одного мгновения не хватило и — жизнь пошла куда-то в сторону. Началась не та, не настоящая жизнь. А настоящая точно застыла где-то в стороне и ждет, а ты никак, никак не можешь к ней возвратиться. Наоборот, с каждым днем отходишь все дальше и дальше. Я слишком много видел людей. У них именно так и бывает. Может, и у принца так?

***

— Принц, ты счастлив?

... Как часто я слышу этот вопрос. И непонятно, кто мне его задает. Счастлив ли я? Нет, нет, нет, конечно. Да был ли я когда-нибудь счастлив? Какое-то мгновение, когда я вышел на палубу с принцессой, я думал, что я очень счастлив. Как давно это было! И разве это было счастье? Я ведь почти сразу стал искать Ее глазами. И увидел, что нет Ее, но не обеспокоился. Мне казалось, что с Ней ничего не может случиться. Ну, как с морем или со звездочкой. Я почему-то знал, что Она — вечная. Но очень скоро я забеспокоился. Не о Ней. О себе. Точно я перестал быть собой. Я не я. Принцесса заметила это и и спросила, что со мной. И я сказал, что пропала моя подруга.

— Что?? В первый же день нашей общей жизни ты мне говоришь о какой-то своей подруге?!

— Но ведь я только и делал, что говорил Ей о тебе. Это был единственный человек, которому я мог говорить о тебе. Она слушала и молчала.

— Возможно, Она была немая.

— Ну да, немая... Но что с того? Глаза у нее были говорящие.

И тут я вспомнил Ее глаза и понял, что без них меня нет. вот так, — нет и все. В Ее глазах было то, что никогда не кончается.

Даже море имеет горизонт. А в Ее глазах горизонта не было. А ведь я думал, что мне с Ней так хорошо, потому что я могу говорить с Ней о моей мечте, о девушке в розовом платье. А оказывается, розовое платье тут было ни при чем. Сами Ее глаза — вот оно, мое счастье. Только бы взглянуть еще раз в Ее глаза!..

Но ведь этого всего совершенно нельзя было сказать принцессе. Хотя я и попытался. «Если бы я с тобой мог говорить о Ней, как с Ней о тебе!»

Ах, как она обиделась! Опустила свои длинные ресницы. На них задрожали слезы. Мне стало ее очень жалко. Я подумал: вот сейчас откроются ее глаза, и она все поймет. Глаза открылись. Я в них взглянул. Господи, как близко там было дно!.. Нет, не поймет. Она не знает, что есть что-то, что никогда не кончается. И я уже не пытался ей об этом говорить. Ну вот и все счастье. Его у нас не было. И нет, конечно. Она во всем винит меня. Говорит, что никогда меня не обманывала. И даже тогда, когда спасала мне жизнь, не рассчитывала ни на любовь, ни на благодарность.

Я ведь теперь знаю, что это вовсе не она спасла мне жизнь. Но я не могу ей этого сказать. Она не поймет. Она так уверена в том, что видели ее глаза!.. И в том, что я ее придумал, она тоже не виновата. Наверное, правда, я во всем виноват. Но счастья-то нет у обоих. Она говорит, что его вообще не бывает и надо жить, как все. А я... я все-таки знаю, что бывает. Ведь есть же на свете Том и Старая Девочка. Или... это только сказка? Говорят, он ее любил еще раньше, чем она была. Говорят, даже гораздо раньше, чем он сам появился на свет. Так говорят. Но ведь это все совершенно невозможно...

— Почему?

— Как почему?

— Почему ты говоришь, что я — невозможен? Ведь я — вот он. Перед тобой.

— Ты кто?

— Том.

— А-а...

Перед принцем как из-под земли вырос человек. Какой он

был? Трудно сказать. На вид самый обыкновенный. Красивый? Вряд ли. Но это было совершенно неважно. Важно было другое: стоял человек и светился. И сомневаться в его существовании было невозможно. И в его счастье — тоже.

— Том... А ты можешь научить быть счастливым?

Том как-то странно захлопал глазами, как ночная птица днем. И молчал.

— Ну, ты можешь сказать, что человеку нужно для счастья? — продолжал принц.

— Если у тебя есть бессмертная Душа, то чего же спрашивать. Она сама тебе скажет.

— Если есть... А если нет? Если я потерял свою бессмертную Душу?

— Потерял?

— Да, Том. Именно это и произошло, когда пропала Она.

Том помолчал и ответил:

— Если ты чувствуешь, что ты ее потерял, если ты понимаешь это, то ты будешь искать. Ты не сможешь жить, пока не найдешь.

— А ты не можешь мне помочь?

— Я? Нет. По-настоящему может помочь только Она, моя Старая Девочка.

— Ну так отведи меня к Ней. И мою принцессу тоже, — добавил он, опуская голову.

— Это невозможно, принц, я никого не могу к Ней привести. К Ней может прийти только тот, кого Она позовет.

— Как же Она меня позовет, если Она меня не знает?

Том посмотрел на принца молча, а потом достал откуда-то из кармана небольшое зеркальце в серебряной ажурной рамочке и протянул его принцу.

— Это Ее зеркальце. Кто в него заглянет, того Она уже будет знать.

— Но... я не могу взять его сам и не дать принцессе.

— Пожалуйста, дай. Я сам его дам ей. Будьте любезны, Ваше высочество. Это серебро так подойдет к Вашему серебряному наряду.

Принцесса протянула свою тонкую руку в узком серебряном рукаве и взяла зеркальце длинными, почти прозрачными пальцами.

— В самом деле прелестно, — тихо сказала она и поднесла зеркальце к лицу. — Но... что это за неуместная шутка?! Это не зеркало вовсе. Я... не отражаюсь в нем!

— Но, принцесса, взгляните внимательней. Неужели вы ничего, совсем ничего не различаете?

— Что я должна в нем различать, кроме себя самой? Зеркало берешь для того, чтобы узнать, как ты выглядишь. А это не зеркало, это насмешка. Возьми его обратно. И поглядишь в него сам.

И вот уже зеркальце в руках у Тома. В его смешных полудетских пальцах. Таких нелепых рядом с тонкими фарфоровыми пальцами принцессы. Но вот он на мгновение заглядывает в зеркальце и — ни вздернутого носа, ни короткой фигуры, ни растерянного выражения. Глаза — как два окна в какой-то огромный светящийся простор. Это длится всего мгновение. И — он протягивает зеркальце принцу.

— Бери. Взгляни в него. А я спешу. Она зовет меня.

И ушел. Такой быстрой, летящей походкой. Не идет — летит. Скрылся. И тогда принц заглянул в зеркальце.

— Что это? Что там такое?.. Что там переливается и мерцает? И звенит... звенит... Что это за отблески и отзвуки потянулись куда-то все дальше, все глубже... У меня есть продолжение. Вот что я вижу. Я продолжаюсь куда-то. Я не кончаюсь здесь. Я кажется утопаю в собственных слезах. Но они разбрызгивают все новые отсветы. Сейчас что-то будет. Что-то такое, для чего я на свет родился. Еще одно мгновение — и...

И вдруг все оборвалось. Будто кто-то ударил его по голове. Ну да, он почувствовал удар по голове метлой; и вслед за этим слова: «Наконец-то это кончилось. Ведь еще одно мгновение, и ты бы пропал».

— Пропал?

— Ну да. Разве можно так близко подходить к краю себя? Даже заглядывать нельзя, а уж наклоняться над краем!..

Перед принцем стояла старая женщина. Впрочем, можно ли было это существо назвать женщиной?

— Я знаю, что ты думаешь обо мне, — сказала она. — Что я вылитая Баба Яга. Да еще на помеле. Конечно, если у женщины длинный нос, и ей еще приходится пользоваться помелом, чтобы поспеть сразу в десять мест, то, естественно, ее обзовут Бабой Ягой, и этот ярлык уже будет надолго. Я знаю только одно: я тебя спасла. А ты как не умел, так и не умеешь распознавать своих спасителей. Конечно, я не девушка в розовом платье. Нам с Русалочкой не приходится претендовать на первое место.

— При чем здесь Русалочка?

— А при том, что когда она тебя спасла, ты тоже не понял этого.

— Ты говоришь, что спасла меня. А по-моему, ты прервала самый чудесный миг моей жизни. Мне казалось, еще одно мгновение, и я найду свою бессмертную Душу.

— Ах, вот как! Ну да, ты снова раз мечтался. Не казалось ли тебе, что тебя кто-то зовет?

— Да. Такой тонкий голос. Я думаю, это Старая Девочка.

— Ну как она может позвать тебя, когда она спит?

— ??

— А Том не сказал тебе этого, когда давал зеркальце?

— Н-нет...

— Как ты думаешь, сколько Старой Девочке лет?

— Я не знаю.

— А я знаю, что все поколения моих предков, каких я только упомнить могу, были ее современниками. Ты никогда не думал, как это может быть?

— Не знаю. Не думал.

— А скажи мне, сколько лет было Спящей Красавице, когда принц ее разбудил?

— Шестнадцать. То есть — сто шестнадцать...

— Ну вот, вот, вот. Сто шестнадцать лет, и в то же время — юная невеста. Не правда ли, похоже? Да, секрет ее юности точно такой же, как у Спящей Красавицы. Волшебный сон, который останавливает время. Сто лет она спит, потом — светящая-

ся Девочка, которая всех вводит в царство Света. Как только сила света иссякает, снова сон. В сущности, для нее столетие — как для нас день и ночь. Сейчас она спит. Понимаешь? И если ты хочешь с ее помощью найти свою бессмертную душу, тогда тебе следует разбудить ее.

— А Том сказал, к Ней может прийти только тот, кого Она позовет.

— Да, сказал. И дал тебе зеркальце. Ты еще не понял, что Том не хочет, чтобы ты ее разбудил? Он охраняет ее сон. Вот и зеркальце дал, чтобы ты ушел за край. А там будь что будет с тобой.

Принцу стало вдруг очень тоскливо. И не потому, что он так уж поверил ей, но потому что никак не мог понять Тома. И не мог ей твердо возразить. Все, что она говорила, было стройно и, к сожалению, убедительно, но...

— Но для того, чтобы разбудить, Ее надо найти. А как же я найду Ее?

— Ну, наконец-то, ты задаешь дельные вопросы. Вот здесь как раз и находится школа, изучающая путь к гроту Старой Девочки. Мы знаем, что есть единственный правильный путь, а всякие зеркальца и заглядывания в бездну только уведут в сторону. Поэтому, если ты хочешь встать на правильный путь, учись у нас.

И принц согласился. Почему? Может быть потому, что ему хотелось понять что-то. Том ничего не объяснил. Дал зеркальце и ушел, убежал, улетел... И принц ему верит, несмотря ни на что, и никому не отдаст его зеркальце, сколько бы у него ни просили. Но все-таки он должен понять. Хоть что-то понять... В этой школе говорят, что понять можно все. Учителя — та самая Баба Яга и ее старший друг, весьма напоминающий Крокодила; они постигли все. На первом же уроке они объяснили, что кажутся такими страшными только тем, кто боится трудностей, но когда трудности будут преодолены, станет виден огромный нимб над Крокодилем и крылья за спиной у Бабы Яги. Так что — только трудитесь.

И надо сказать, порядок в школе был удивительный: здесь

на одной парте сидели Цапля с Лягушкой и Кот с Гусыней. Ученики должны были преодолевать все отрицательные эмоции и не испытывать по отношению друг к другу ни страха, ни аппетита. Только тогда, когда все это будет позади, они смогут хорошо учиться. Надо вытеснить все, что может отвлечь: ни дружбы, ни любви, ни красоты, ни музыки не должно существовать для истинных учеников. Только тогда они изучат все чертежи, все карты и постигнут путь, в конце которого — вечная цель: Царство Света, в которое введет разбуженная Старая Девочка. И там, в Царстве Света, — уж там делай, что хочешь!

Однажды Кот — настоящий солидный Кот в сапогах, почтительно снявший свою шляпу с пером, спросил Учителя — можно ли будет в Царстве Света, наконец, съесть Гусыню? А Гусыня, не дождавшись ответа, спросила, сможет ли она там, в Царстве Света, превратиться в настоящую великосветскую даму и держать Кота у себя в чулане? Тут что-то начали спрашивать и Цапля, и Лягушка. Но Учитель вынул трубку изо рта, сверкнул глазами и сказал, что еще один подобный вопрос — и он применит санкции. Какие — принц не знал. Но все притихли совершенно, так что было бы слышно, если бы муха пролетела. Но мухи не было, зато маленький Мышонок вдруг вынырнул из норки, быстро залез на пустую парту и тоненьким своим голосочком пискнул: «А я никогда с Котом за одну парту не сяду. И если бы Гусыня была нормальная, она бы тоже не села. И вообще, если здесь еще остались нормальные, тикайте за мной!»

Миг — и Мышонка не стало. Но в школе в этот день были отменены занятия и объявлено чрезвычайное положение: все на отлов мышей. Мышонка так-таки и не поймали, зато каждое занятие с тех пор начиналось разъяснением, что такое мыши. Это — страшный малый народ, который нарушает все устои, подводит вас к бездне и подталкивает в нее. И живет этот малый народ в дырах, ведущих прямо в бездну. Речи о природе мышей сменялись сложными математическими расчетами, вычислениями пути, ведущего к гроту. Потом снова о мышах, потом — снова о пути...

В голове принца что-то явно начинало путаться, станови-

лось все тяжелее, все тоскливее. И однажды он решился задать вопрос. Встал и спросил:

— Почему в Царство Света ведет такой темный и неприятный путь?

— Потому что другого пути нет, — сказал Учитель. — Путь всегда труден. Для многих даже непосилен. Но зато цель! Цель стоит всех трудностей. А кто в этом сомневается, тот упадет в бездну.

— Бездна — это то, что за краем себя? — спросил принц.

— Да, за краем себя. Там, где вообще ничего нет, кроме хаоса и тьмы. Вы понимаете — ни-че-го...

Тут на кафедру взошла Учительница и сказала, что она уже устала спасать падающих туда. «Вас больше никто и ничто не спасет!»

Принцу на мгновение стало страшно. И тут вдруг — какая-то маленькая птичка влетела в окно и засмеялась.

— Пересмешник! Лови его! — закричал Кот. В ответ раздался тоненький, как колокольчик, смех, а затем на ветке соседней с окном елки что-то мелькнуло, вздрогнул какой-то зеленый колпачок с белым помпончиком, — и раздалась песенка:

А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
Знаю — и пою.

Среди темных веток
Щелочка сквозная...
Загляни — увидишь
Звездочку свою!

Елка пахнет счастьем,
Счастье пахнет елкой...
Есть на елке место
Разным чудесам!

Загляни поглубже
В узенькую щелку.
Что такое счастье,
Ты узнаешь сам.

В школе начался такой переполох, какого не было со времени появления Мышонка. Кто-то выскочил в окно, кто-то побежал за помелом, кто-то кричал, кто-то грозил, кто-то сзывал всех подняться и бежать на поиски. Принц не тронулся с места. Он только решительно отложил все чертежи и вынул из кармана зеркальце. Вынул и — заглянул в него.

Удивительное дело! Будто и не было никогда никакой школы... Он вернулся туда, откуда его вывел удар помела. Прямо к тому самому краю, когда казалось — еще одно мгновение, и — что-то будет, что-то такое, для чего он, может быть, и родился на свет. Кто-то позовет его сейчас, вот сейчас...

И действительно позвал. Что это? Звон? Нет, осколок звона, отзвук:

— ...Оль!... Ом!... Эль!...

Принц вздрогнул и точно упал с обрыва. Но нет, не упал, а завис в пустоте. Какое-то одно мгновение ему было страшно. А сейчас страха уже не было. Он ведь держится. На чем? Ни на чем. Как звезда в небе. Сколько звезд рядом! И все они — его сестры. Все, как и он, держатся ни на чем.

— Эль!

— Я здесь!

Откуда он узнал, что это зовут именно его, что это его настоящее имя? Ниоткуда. Узнал и все. И ни одной минуты не сомневался. И вот уже он не висит, а стоит на земле. Вокруг — не пустота, а лес, — огромный, прекрасный, таинственный. Ветки деревьев протягиваются к нему, как руки. И это самые родные на свете руки... Что они ему напоминают? То, чего знать нельзя, что лежит за памятью... под... над... внутри... То, что было, когда его не было... Или он был всегда?..

Да, именно. Когда слышишь этот звон и видишь это сверкание, сомневаться нельзя! Одно ликование!

И все от этой звездочки, зацепившейся за ветку, дрожащей и переливающейся звездочки. И еще звезда между ветками, и еще!.. И вдруг он почувствовал запах дыма. Дым в лесу! Это был его любимый запах. Здесь рядом — костер.

Странное дело — он никогда здесь не был. Но он все здесь знал. Все вспоминал. Около костра сидели гномы в полном молчании. Он сел и замер, и стал как бы одним из них. Одни глядели на костер, другие — вверх на звезды. Он тоже взглянул на звезды и вспомнил, что они сейчас зазвонят. Гномы не разговаривают друг с другом. Гномы разговаривают со звездами. Они здесь, чтобы слушать звезды и отвечать им. Как только станет совсем тихо, как только отшумит и замрет, растает последняя мысль, станет слышен колокольчик со звезды, и гном ответит ему. И еще один колокольчик. И еще один гном ответит. На каждый звездный колокольчик — голос гнома. Так будет. Он это знал. Но пока еще в голове не отшумела последняя мысль, он сидел и ждал. И вдруг ясно почувствовал, что Она, — его потерянная подруга, — рядом. Вот здесь. Никогда, никогда не чувствовал он ее так близко. Хотя ни видеть, ни слышать, ни осязать Ее он не мог. А собственную душу можно видеть, слышать и осязать? — подумал он. И это была его последняя мысль. А потом — огромный, невероятный простор заполнил мозг и сердце. Он рос и рос, и вместе с этим ростом приближался какой-то далекий звон. Из неслышимого мира — в слышимый. Вот он! И — ответ первого гнома:

Не чувствую, что мы разделены.
Ты просто спишь. И жизнь, как прежде, длится.
А я смотрю твои цветные сны,
Уже не видя самого сновидца.

Расправлен дух в последней тишине
Недвижный лик из мрамора изваян.
Но что же, что же движется во мне,
По чьим веленьям сердце оживает?

Не чувствую, что мы разделены.
Ни «там», ни «здесь» — все те же волны света.
Ты спишь, а мне показываешь сны.
Цветные сны твои. Но сны ли это?

Тишина... и вот снова — звон со звезды, и еще один гном говорит:

Бессмертие... Оно живет вот тут.
В моем виске пульсирует бессмертье.
Чужие сны невидимо плывут
И предстают перед глазами сердца.

Что-то шевельнулось в уме принца, и он не дослушал слов второго гнома, и острая боль сжала грудь. Но вот она улеглась. И — снова звон; и ответ третьего:

Чужие сны... И мой прозрачный сон
Вам всем чужой? А небо над домами?
А тот густой, поросший лесом склон,
А это отгорающее пламя?

Все — чуждое? И как чужие сны
Неведомо? Чей дух наполнил глину?
Кто чертит в небе линию сосны?
Кто чертит в скалах тайные картины?

Нет никого. Лишь блики на воде.
Загадки леса, вечности дремота.
Не кто, а что. Не где-то, а везде,
Всегда, во всем. И все же — кто-то... кто-то...

Ну да, кто-то... Ну, конечно. Чувство присутствия кого-то невидимого так росло в нем, как лист в почке. Еще немного, и грудь бы разорвалась. И вдруг —

Мой родимый, баю-баю, Проплывают облака...
Обнимаю, обнимаю, колыбель твоя легка.

Тихо-тихо, еле-еле,
Чуть качнула — и опять
В этой легкой колыбели
Буду век тебя качать...

Стало удивительно спокойно. Так спокойно!.. И надо только слушаться. Все, что нужно, делается само. Только слушайся. Один из гномов, неподвижно сидевших у костра, вдруг поднялся, вынул из кармана свечу, поднес ее к костру и зажег. Потом позвал принца за собой, и принц пошел.

Темно. Только звезды между веток, и эта свеча в руках у гнома. Маленькая витая свеча. Гном обернулся. Посмотрел на него своими спокойными всезнающими глазами и отдал ему свечу. А сам исчез в темноте. и принц остался один со свечой в руке. Но... Да где же он?

Свеча осветила кусты роз. Они обвивали какую-то большую прозрачную раковину. А в ней!.. Да ведь это же грот со Спящей Девочкой! Спящая Старая Девочка... неужели это свершилось?! Он пришел к гроту. Он — возле Нее! Он не мог пошевелинуться, не мог открыть рта. Только стало слышно, как упала капля воска и — слеза.

Значит, он был позван... позван... Иначе Ее увидеть нельзя. Значит, то, что он слышал, — был зов. «Я стою перед Ней, — думал принц. — Стоит только разбудить Ее и — любое мое желание будет исполнено. Потому что Она исполняет желания тех, кого позвала». Что же он стоит и стоит, подняв свою свечу, а воск все капает, попеременно со слезами?.. Господи, ведь свеча догорает! «Да что же это такое? Она напрасно звала меня? Я ни о чем не попрошу Ее? Я уйду ни с чем?! Но я не могу, не могу Ее разбудить...»

Свеча вздрогнула и догорела. И наступила темнота. «Вот и все, — подумал принц. — И больше я не увижу этого лица, тихого спящего лица. О, если бы еще одно мгновение поглядеть на него! Но... Откуда это льется свет? Ведь свеча догорела. Никакого светильника нет». Грот засветился изнутри. И он видит, видит Ее лицо. И кажется это свет от лица Ее падает на серебряное

озеро с лебедем. Или оно само светится? Свет серебряный, синий, розоватый, едва видный и все же такой удивительный свет идет глубже, глубже, и вот уже перед ним кораллы и раковины морского дна. Все это светится изнутри и — звучит. Он различает слова:

Не разбуди, а вниди в чуткий сон.
Волшебный сон скалы столетья длится.
Отвесом к небу профиль устремлен.
Пространство кружит, как большая птица.

Не разбуди... Ну что с того, что вдруг
Покажешь всем, откроешь перед всеми?
О, веточки надорванной испуг!
О, вскрикнувшее, раненое время!

Не тронь его. Источники темны.
Чем глубже пласт, тем тише, безответней.
Лишь научись глядеть чужие сны
И явь войдет в твой сон тысячелетний.

На словах «явь войдет» свет удвоился, утроился, удесятерился. Все загорелось, заблестало, возликовало. Деревья огромного леса, в котором он стоял, были точно увешаны мириадами хрустальных лампадок чуть зеленоватого, голубоватого, белого и сиреневого цвета. Тысячи, мириады лучей скрещивались, встречались, обнимались, звенели и ликовали. Лампадки? Да нет, это не лампадки, а совершенно прозрачные ангелы с прозрачными крыльями, в прозрачных одеждах, с прозрачными лирами или колокольчиками в руках. Да ведь это Царство Света. Тут невозможно, совсем невозможно сомневаться! «Как же я мог попасть сюда?! Я ведь не просил Ее ни о чем, я ведь не смог разбудить Ее...»

— Ну да, — услышал он в ответ на свои мысли. — Если бы ты разбудил Ее и попросил, Она исполнила бы все твои желания. Но тому, кто не решился Ее разбудить, предназначено другое. Она исполняет не его, а свои желания. Весь этот мир возник по

Ее желанию.

Перед принцем стояла женщина в серебристо-хрустальной короне, в прозрачном голубоватом светящемся плаще. Женщина с прозрачными глазами, сквозь которые лились пучки света.

— Кто ты?

— Я Королева Волшебных Зеркал. Хранительница Света. В вашем мире меня боятся и называют холодной, снежной. Я — Снежная Королева. Страшно ли тебе около меня?

— Нет! Нет! Нет!

Королева посмотрела на него долгим взглядом. Как будто из глаз ее заструился голубой лед. И продолжала:

— Тому, кто Ее разбудит, Она воздаст по заслугам — награду за все муки, за все труды. Да, человек получает все, о чем мечтает. Но разве ты мог мечтать об этом?

— Нет, я даже не мог помыслить, что такое бывает.

— Тот, кто не смел Ее разбудить, получает не воздаяние, а Дар.

— Дар?

— Да, ты еще не знаешь, как ты одарен. Взгляни в мое волшебное зеркало.

И тут он увидел зеркало, которое, кажется, охватывало всю ширь и отражало небо. И в первый раз в жизни после того, как не стало Русалочки, он увидел то же, что видел в Ее глазах. Если бы весь мир стал твердить ему сейчас, что Русалочки нет, он бы только рассмеялся.

— Это ты. Ты! Что же такое ты, если не то, что живет в глазах твоих? Я не вижу твоих глаз. Но то, что в них — я вижу.

Еще тогда, когда Том дал ему маленькое зеркальце, он понял, что у нас есть продолжение — отсвет и отзвук. Но теперь он увидел всего себя — себя самого, который никогда не кончается.

— О, вот так же ты смотрела когда-то на меня своими полными всем небом глазами. И ты ждала, что я тебе отвечу вот так же — всем небом и всей землей. Ты ждала всей моей души. А я испугался. И спрятался от тебя. Это очень страшно — быть большим, как целое небо. Быть маленьким и мечтать — легче.

И говорить простыми человеческими словами, а не так, как ты. Но вот ты опять передо мной, и я не прячусь. Ты слышишь: не прячусь! Я здесь. И ты не можешь не знать этого. Я никогда не слышал Твоего голоса. Но я его услышу сейчас. Ты ответишь мне.

И он услышал. Он ничего не различил, кроме единственного звука — Эль!

Но голос, голос! Он говорил не за кого-то одного, а за всех, — за Деревья, за море, за небо и за его собственное сердце. У всего появился голос. Надо было научиться молчать, чтобы слышать этот голос.

Надо было научиться прозрачности, чтобы увидеть то, невидимое... Он больше ничего не заслонял собой, ничего не заглушал.

***

— Эль! Взгляни!

Принц вздрогнул и — очнулся. Его покои заливало яркое солнце. Все сверкало, блистало, пело. Он вскочил и выбежал на простор. Мраморная лестница вела прямо к морю. На ней сидела немая девушка, укутанная в собственные волосы, как в морские волны. Немая, потому что Она ничего не говорила и только смотрела на него. А он — на Нее.

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо,
И свет вовек бы не сошел с лица.
Когда б в какой-то уголок земли
Вгляделись мы до сущности небесной,
То мертвые сумели бы воскреснуть,
А мы б совсем не умирать могли.
И — Дух собраться до конца готов.
Вот-вот... Сейчас...

***

Сейчас, вот здесь Дух собрался. И пускай он завтра тоже соберется. И послезавтра — тоже. Это же возможно... Чудо — возможно. Потому и длится жизнь, что Чудо — возможно. Это говорю я, Оль. А я почти такой же старый, как Старая Девочка. И я все время думаю и вглядываюсь. Всю жизнь только это и делаю. Поэтому и сижу так тихо и неподвижно, что меня путают с Деревом. И знаете, я только сейчас понял, почему лучше было, что Она сама умерла, чем чтобы Она убила.

Она умерла, но ведь от Нее остались отзвуки и отблески. А отзвук больше звука, и отблеск больше блеска. Блеск в одном месте, а отблеск — всюду. У кого есть отблеск и отзвук, тот не умер. А кто убьет кого-нибудь, у того не будет ни отблеска, ни отзвука. Душа сморщится, станет маленькой и смертной. Сейчас есть, а через час не будет. А Она, Русалочка моя, жива, хоть и умерла. Если бы Она не была жива, разве жизнь могла бы продолжаться?

Вы не можете ответить на этот вопрос, потому что не сидели так неподвижно, как я... Так долго, так тихо, что вас можно было бы спутать с Деревом. А вы попробуйте... Может, получится... Это только сначала вам покажется трудно, а потом вы сами себя спутаете с Деревом, и с небом, и с морем. И с соловьем, и с иволгой, и с каждой травкой. Разве можно понять, где я кончаюсь, а все другое начинается? Разве мир можно разрубить на куски? Ведь он живой!..

Не понимаете? А почему меня зовут Оль, а принца — Эль, а Тома — Ом, это вы поняли?

Ну, а не поняли, что ж делать? Тогда я для вас буду просто тролль, принц — Ариэль, а Том — только Том и ничего больше.

Волшебная щелочка

В глухом лесу мохнатый зверь живет,
Шуршит под лапой лист сухой и хрупкий...
О чем молчит зеленоглазый Кот
И старый Леший, закуривший трубку?

Они садятся где-нибудь у пня,
В оврагах темных, на замшелых склонах,
И зажигают молча три огня —
Один рубиновый и два зеленых.

Это песня из старой сказки. Она пелась у нас всегда — песня про наших Волшебников, тихих лесных Волшебников — покровителей нашей страны. Про Лешего и Кота, про их огни, про свечивающие всех насквозь...

Если тебе очень плохо, если у тебя ничего не выходит, все из рук валится, сядь где-нибудь в уголке и запой эту песню. И что-то случится. Не обязательно, чтобы Волшебники тут же пришли. Нет. Это не так часто бывает. Но ты все равно позови их этой песней. И они, если и не придут, все равно помогут. А бывает, что и придут. Вдруг, совершенно неожиданно. Когда сами захотят, тогда и придут. А не захотят, так можно всю жизнь их прождать. Но придут или не придут, — а они есть, они живут в нашем лесу — Леший со своей светящейся трубкой и Кот с гла-

зами, просвечивающими любую тьму насквозь. Ходят они всегда вместе. И пока идут — и жизнь идет, как ни в чем не бывало. А вот когда останавливаются... Что-то особое происходит. Сядет Леший и начнет курить трубку. И подымается над лесом туман. А вместе с туманом растет и растет тишина. И постепенно становится такой огромной, как море. Это всегда бывает к ночи. Тишина дорастает до ночи, становится густой и темной. И тогда видны три огня: один рубиновый и два зеленых. Ни Лешего, ни даже трубки его не видно. Только один рубиновый огонь. И Кота самого не видно. Только — два зеленых огня.

Если кто увидит эти огни, то ждите чудес!

Впрочем, это раньше так было, а потом не так, потому что Волшебников — запретили. Даже говорить о них запретили. И песню нашу мы стали петь тайком, тихо-тихо, чтобы не дай Бог нас не услышали. И все меньше людей стали петь ее. И то сказать — зачем Крокодилу Волшебники?

Вы, может быть, не знаете, что страной нашей правил Крокодил. И довольно долго. Обыкновенный Крокодил. Ну что тут такого? Одной страной правит Лев, другой Волк, а нашей правит Крокодил. Чтобы люди правили страной, это редко бывает. Мы про такое давно не слышали. А Крокодил... Ну, что ж, Крокодил как Крокодил. Зеленый. И за время его правления постепенно у всех позеленело в глазах.

Впрочем, нам говорили, что только так и надо. Каждое утро по радио раздавался голос Гусыни, возглашавший, что все у нас в стране растет и зеленеет.

Гусыня иногда показывалась и по телевизору. Она ходила в большой, развевающейся, как флаг, розовой мантии. Шея ее была гордо вытянута, так что один вид ее давал понять, что все у нас не только прекрасно, но лучше быть не может. А если кто-нибудь в этом сомневался, то его убеждали. Были такие способы. Особые. Гусыня вела такую идеологическую борьбу, что лучше было не попадаться под ее клюв.

Кроме идеологической Гусыни, у Крокодила были два ближайших помощника — Кот в сапогах и Баба Яга. Кот в сапогах возглавлял Министерство иностранных дел. «Министр не сво-

их дел» — так называли его в народе. Баба Яга занималась, напротив, только своими делами. Надо сказать, что у нее был такой длинный нос, что совала она его всюду. И там, где побывал ее нос, дела всех становились ее собственными. Все, что у нас в домах делалось, зарубалось у нее на носу.

Эта верная Баба Яга хранила правителя нашего пуще своего ока. При этом была она совершенно бескорыстной и неподкупной. Ничего, кроме ее помела, ей не было нужно. Ну, а помело было всегда при ней. На нем она летала. Совершенно неожиданно появлялась в любом месте. Могла вдруг влететь через трубу и — прямо на стол. Не ждали?! Тем лучше! Теперь ничего не спрячете!

Но была у помела и особая тайная государственная функция. Об этом речь еще впереди. Так вот из этих верных слуг составлялся совет министров. И этот-то совет и запретил всякое упоминание о Волшебниках. Было длинное постановление, которое все мы должны были изучать и знать наизусть. Гласило оно вкратце следующее:

«Во-первых, никаких Волшебников не существует.

Во-вторых, Волшебники — реакционеры.

В-третьих, хотя мы и уничтожили их еще до того, как они появились, они теперь грозят уничтожить нас. Поэтому все на борьбу с Волшебниками!»

Нельзя сказать, чтобы мы все поняли. Но не принять к сведению этого нельзя было. Потихоньку (о, совсем потихоньку!) мы от всего сердца жалели своих Волшебников. Но... многие из нас, особенно кто помоложе, начинали уже сомневаться: а есть ли они? В самом деле, чего ж их не видно? И потом, раз сам Крокодил сказал, что их нет... А Крокодил наш уже стал называться Крокодилиссимусом. Да. Он ведь все знал, все мог и на все имел право. И потому в стране нашей был — порядок. А следила за порядком Баба Яга.

И вот вдруг по стране поползли странные слухи, будто Крокодил хочет признать существование Волшебников и вернуть их в страну.

Сначала этому не верил никто. Но потом... Потом уже не ве-

речь было нельзя. Все оказалось правдой. Дело в том, что Крокодил захотел бессмертия!..

Собственно, нам давно уже объясняли, что он бессмертен. Мы так к этому привыкли, что и помыслить не могли о смерти Крокодила.

Но однажды ему во сне явилась сама Смерть с косой за плечами. Он проснулся в холодном поту, срочно созвал совет министров и объявил, что ему необходимо действительное бессмертие. То есть ему оказалось мало того, что все знают о его бессмертии. Он еще и сам захотел узнать о нем.

Вот когда министры вспомнили о Волшебниках. И Кот в сапогах щелкнул шпорами, склонился, снял свою роскошную шляпу с пером и сказал, что он готов начать переговоры, тем более, что волшебный Кот ему все-таки приходится родственником. О, конечно, с ним давно порваны всякие отношения, но если нужно нашему великому Правителю, он их восстановит. Он берет на себя дипломатическую миссию.

— Чушь! — сказала Баба Яга со свойственной ей прямоотой.
— Чушь! Никаких дипломатических отношений не надо.

— Но... ведь Правителю нашему нужно бессмертие, — вкрадчиво сказал Кот.

— Дипломатия — это обман, — отпарировала Баба Яга. — Они нас обманут. А нужно, чтобы мы их обманули.

Однако Правитель, помолчав, принял сторону Кота. Вот так-то в наше государство и были допущены Волшебники.

— Вы слышали? Вы знаете? — говорили друг другу жители при встрече и быстро разбегались, думая, что и так сказали слишком много.

Между тем по телевизору выступила Гусыня в своей роскошной мантии и объявила во всеуслышанье:

— По милости нашего великого Правителя в страну нашу вернулись Волшебники. Волшебники исполняют желания! В новогоднюю ночь каждый житель нашей страны может пожелать что-нибудь, и Волшебники исполнят его желание. Да здравствует наш великий Крокодилиссимус — лучший друг всех Волшебников!

— Лучший друг всех Волшебников?! — повторяли изумленные граждане и не верили своим ушам.

А в стране между тем готовилось невиданное новогоднее празднество. Кот в сапогах лично брал интервью у счастливых жителей. Он призывал их желать смелее. «Любое желание будет выполнено. Но только одно! Выбирайте!»

И вот один старик, глубоко вздохнув, спросил Кота, не может ли он попросить у Волшебников визу в Страну Детства.

— Думаю, что это возможно, — ответил Кот и через некоторое время принес ему визу. Не успел старик собрать вещи, как тут же впал в детство. Прямо на глазах. И это ему совсем не понравилось. Нет, он не выглядел счастливым.

— Что, дедушка, не хочешь ли обратно? — кричали ему мальчишки.

Старик кивал головой. Но... одно желание уже было исполнено, а второго не полагалось.

Только один босоногий мальчик, сидевший ото всех в сторонке, пожалел старика.

— Ах, дедушка, дедушка! Ну зачем тебе понадобилась Страна Детства? Здесь совсем не рай... И если бы меня спросили, чего я хочу, я сказал бы: спать и увидеть вещей сон...

Только он это сказал, как вдруг очутился в каком-то стогу сена, и ему стало тепло и хорошо. Вокруг другие стога. Поле. Ночь. Еще зябко и сыро, но постепенно ночной холод стал уходить, становилось все теплее и светлее. И тут он заметил, как из-за соседнего стога вылезает узкий золотой серп или рог. «Месяц», — подумал мальчик, но вслед за рогом или серпом показалась маленькая рука, затем появился маленький человечек, держащий в руке сноп огня.

— Ты кто? — спросил мальчик.

— А ты что, не видишь? Гном.

— А ты что делаешь?

— А ты что, не видишь? Горю.

— Прямо так весь сам и горюшь?

— Ну конечно, прямо так весь сам.

— Но ты ведь сгореть можешь.

— Могу. Ну и что? Это не важно.

— А... а что же важно?

— Важно успеть засветить царство. Не сгореть раньше, чем появится светящийся мир. Важно успеть оставить световой след.

Мальчик проснулся от удивления и еще какого-то щемящего чувства. Он увидел, что сидит босой на морозе, но ему совершенно не было холодно. Он не знал, что означает его сон, но почему-то был этим сном совершенно счастлив и не сомневался, что сон этот — вещий.

А между тем, по улицам шел, окруженный огромной свитой, сам Крокодилиссимус. Он шел на встречу с Волшебниками. Сначала он назначил им дипломатический прием у себя во дворце, но Волшебники наотрез отказались. Они сказали, что будут ждать его в загородном ночном лесу. И туда надо прийти пешком, без машин и без музыки. Главное — соблюдать полную тишину. Говорить только шепотом, и то — самое необходимое. Испытание тягчайшее, особенно для Гусыни. Но вот показались большие черные ветви елки, с которых свешивались, позванивая, золотые звезды. Гусыня ахнула и прошептала: «Мы пришли».

Действительно, они были в волшебном лесу. Волшебники выглядели странно: у них, кажется, ничего не осталось, кроме огня. Навстречу великому Правителю двигались три огня: один рубиновый и два зеленых. Но эти огни видели его насквозь, так что это было даже и неприлично. Правитель с удовольствием отдал бы приказ погасить огни, но делать было нечего, ему необходимо было получить от них бессмертие.

— А когда ты хочешь получить бессмертие? — спросили его Огни.

— Как то есть — когда? Сейчас, разумеется.

— А на сколько ты хочешь получить бессмертие?

— Как то есть «насколько»? Навсегда, разумеется.

И тут Волшебники сказали, что они не всемогущи. (Слышать это было крайне приятно и Крокодилу, и всей его свите — сами сознались!). Да, они не все могли. Не безусловно все. Бес-

смертие могло быть дано только при соблюдении некоторых условий.

— Каких же?

— Тебе следует измениться, — сказали Волшебники.

— Измениться?! МНЕ?!!!

— Да, тебе, — ответили они как ни в чем не бывало, будто и понятия не имели, что перед ними находится высшее совершенство Вселенной. — Да, тебе. Тебе надо умалиться. Надо стать таким маленьким, чтоб мочь пройти в самую узкую щелочку, какая только есть на свете.

— Что???

Вот тут уже Баба Яга не выдержала. Вот тут-то уже наступил конец этой дурацкой тишине. Она так загремела, так замахала помелом, что Волшебные Огни как сквозь землю провалились.

— Домой! — скомандовала она, точно была здесь самой главной. — За мной! Во дворец! Вот, вот, вот твои либеральные штучки, — кричала она Правителю. — Теперь ты, может,образишь, кто тебе друг, а кто тебе враг, кто честный, а кто лукавый. Подумать только — в щелку! Самого Тебя! Запрятать в щелку!.. Да знаете ли вы, что такое эта щелка? Знаете ли вы, что главное дело моей жизни — это заметать ее своим помелом?! Или щелка — или мы. Одно из двух, вы еще до сих пор этого не поняли? Да все беды на свете от этой щелки! Все, все беды, все несчастья! Щелка... Она появляется всюду. Только зазеваешься, она тут как тут. Если говорить недостаточно быстро и громко, она вылезает и торчит между словами. Если время не летит, как угорелое, размахивая своим помелом по моему примеру, то опять же нет-нет и появится эта щелка между часами или между минутами. Но особенно надо быть начеку в Новогоднюю ночь. Когда один год кончается, а другой начинается, вот тут-то между ними и появляется эта щелка и зияет. И такой из нее лезет туман, такой обман... И все чокаются, и обнимаются, и говорят: «С Новым годом! С новым счастьем!» И надеются, что из этой щелки им привалит новое счастье и все такое. А что, я спрашиваю, изменилось, что появилось новенького, стоящего за эти тысячу девятьсот восемьдесят с лишним лет?! Что, лучше

стало? С новым счастьем... Да они нового правителя захотели, вот что! А ты и не видишь, по своему мягкосердечию. Вот тебя и задумали впихнуть в эту щелку и закрыть на замочек. — Тут Баба Яга перевела дух:

— Ух! Наконец-то мы дома... Будешь теперь знать, кого слушаться... А бессмертие мы все-таки добудем, — тихо, но твердо сказала она. — Сейчас спи. Когда надо будет, я тебя разбужу.

Щелка! Ишь, чего захотели! В щелку!..

Как черная туча пронеслась Баба Яга на своем помеле, и прогромыхал Правитель на чем-то непонятном. Задребезжала посуда на праздничных столах, а испуганные жители, прижимаясь друг к другу, зашептали: «Что, все кончилось? Мы опять живем, под собою не чуя страны? Никаких Волшебников, никаких желаний?»

Но тут зажглись телевизионные экраны, загремела бравурная музыка, показался Кот в сапогах и, размахивая белой шляпой, приглашал жителей радоваться и надеяться, и желать как прежде, и даже больше прежнего. Волшебники исполняют желания!

Слава Богу, воздушная тревога миновала.

***

Сияли огни. То тут, то там звенела праздничная музыка. А по заснеженной новогодней улице шел Помпончик.

Бывает же так, что у человека как будто и нет имени, а кличка с детства так прилепится к нему, что уже и не отлепишь. Когда-то его прозвали так за его шапку с пушистым помпончиком, который постоянно плясал на голове. Может быть, оттого, что хозяин его очень много смеялся? Смеялся он негромко, но так заливисто и заразительно, что у того, кто слышал этот смех, как-то сразу смывалось дурное настроение.

На лице у Помпончика все время сияла такая улыбка, что было совершенно ясно, что он что-то знает, что-то такое, что, может быть, важнее всего на свете; во всяком случае, если это знать, то можешь ничего не бояться. Да, рядом с Помпончиком

как-то пропадавал страх, хотя что именно он знал, понять никто не мог. В том числе и его лучший друг Том. Вот к нему-то и пробирался сейчас Помпончик по ночной улице. И, наконец, добрался.

Его здесь ждали. Стол был накрыт, нарядная елка зажжена. И хозяину с хозяйкой для полного счастья не хватало только Помпончика. Но вот и он появился и запел:

А я что-то знаю.

А я что-то знаю.

А я что-то знаю,

Знаю — и пою.

Среди темных веток

Щелочка сквозная...

Загляни — увидишь

Звездочку свою!

Елка пахнет счастьем,

Счастье пахнет елкой...

Есть на елке место

Разным чудесам!

Загляни поглубже

В узенькую щелку.

Что такое счастье,

Ты узнаешь сам.

Кажется, они знали, что такое счастье. И Том, и его подруга, одетая в сиреневато-розовое платье и так и светившаяся сиреневым светом. И вот что удивительно: кто бы ни взглядывал на нее, почему-то сразу начинал слышать флейту. И так уж мелодия флейты и не оставляла его, пока он ее видел, даже мысленно, эту Старую Девочку. И так уж потом навсегда. Кто вспомнит Старую Девочку, сразу вспомнит мелодию флейты. Старая Девочка... Да, так ее и звали. Потому что тысячу лет назад она бы-

ла такой же, как сейчас. Так все говорили. Ну, может быть, тысячу не тысячу, но давно... А как давно, — никто не помнил.

Они знали, что такое счастье, и Том, и Старая Девочка, но похоже было, что сейчас у них произошла маленькая размолвка.

— Наконец-то ты нас рассудишь — сказал Том Помпончику. — Понимаешь, она не хочет идти к Волшебникам. Не хочет ничего желать. Упускать ТАКУЮ возможность?!

— Ну, а ты пожелал что-нибудь? — спросил Помпончик.

— Ну, я... Что я один-то, без нее? Я, во-первых, еще не выбрал. Ведь они исполняют всего одно желание. Так что — такая ответственность! Попробуй-ка выбери...

— Ты все-таки торопись, а то новогодняя ночь кончится.

— Торопись... Ну да, но... как же я без нее?

— Том, милый, ты иди и желай. А я не пойду. Я ведь хочу только одного: чтобы было то, что есть, и не было бы того, чего нет. А для этого мне не нужны Волшебники.

Так сказала она, Старая Девочка.

— Ну ты слышишь? Чтобы было то, что есть. И не было бы того, чего нет... То, что есть... Мало ли, что есть... Крокодил с Бабой Ягой тоже, между прочим, есть.

Старая Девочка как-то странно улыбнулась, но ничего не сказала.

— Вот ты улыбаешься и ничего не говоришь. А между прочим, можно пожелать даже и Правителя чуть получше нашего.

Тут Помпончик бросился прикрывать подушкой телефон. А Старая Девочка вздохнула и сказала:

— Том, милый, я же не говорю тебе, чтобы ты не шел. Иди и желай. А я буду ждать тебя. Только возвращайся поскорей.

И вот Том вздохнул, помедлил и вышел. И Помпончик с ним. Ему, кажется, все равно было, идти или не идти к Волшебникам, но не хотелось оставлять друга одного. А к полуночи они надеялись вернуться.

Уже позади городская черта. Лес. Где-то там, в середине леса, огни Волшебников. А пока в лесу только угадывается какой-то таинственный подсвет. Он манит все глубже, все дальше...

Как только Правитель и его свита покинули лес, как только настала Тишина, Огни засветились снова и ждали каждого, кто подойдет к ним в тишине. Том шел. Он все еще не выбрал желания. Он все еще перебирал возможности. Но сейчас выберет, выскажет и вернется. Он не любил расставаться со своей подругой. Он уже скучал. Время от времени он оборачивался и видел ее сиреневое сияние — и был совершенно спокоен. Она здесь, вот она. Ведь слышна флейта.

Он сделал еще шаг, еще несколько шагов.

— Ну, так как, Помпончик, что же мы пожелаем? — спросил Том и повернулся к своему другу. Но... Помпончика не было. — А... Что это? Где ты? — очень беспокоился Том. — Девочка моя, куда он пропал? — обратился он, как всегда в трудную минуту, к своей подруге.

Но никакого сиреневого сияния он не увидел. И — никакой флейты. Все исчезло. Вот тебе и новогодняя ночь и праздник исполнения желаний!.. Полная тьма. И вдруг эту тьму прорезали три огня — один рубиновый и два зеленых.

— У тебя осталось желание, — сказали Огни. — Пожелай, и мы исполним его.

«Так вот оно что... Вот как встречаются с Волшебниками... Ну, конечно, у меня есть желание. И мне уж совершенно не надо выбирать. Теперь ясно, чего желать. Только одного: увидеть ЕЕ, узнать, что с ней ничего не случилось».

Ну, что же, увидишь, — услышал он в ответ.

И тут зазвучала удивительная музыка. Нет, не флейта. Это были высокие хрустальные перезвоны органа. Это были звенящие колокола — так пели хрустали в царстве Волшебных Зеркал. Прямо из музыки возникло мерцающее голубовато-розовое сияние. Это переливались и звенели льды в царстве Снежной, в царстве Хрустальной Королевы. Среди светящихся ледяных звезд Том вдруг различил саму Королеву в прозрачном голубом плаще, с серебряной короной на голове. И вдруг с замиранием сердца он подумал, что Снежная Королева совсем не страшная, а прекрасная. У него даже вытекла слеза из глаза и тут же превратилась в сверкающую хрусталину, которая со зво-

ном упала. А Снежная Королева подняла на него свои совершенно прозрачные глаза и сказала, мгновенно отвечая на его мысли:

— Смотря для кого. Одним я страшная, другим прекрасная.

— А на самом деле? — как-то сдавленно, шепотом спросил Том.

— Что такое «на самом деле»? — тихо спросила она в ответ, и продолжила: — То, что на самом деле, ты увидишь в моих волшебных зеркалах.

Прямо за ее спиной от земли до неба открывалось огромное неподвижное зеркало. В нем отражалось, хранилось и удваивалось все сияние, собранное в Царстве. Удваивалось? Нет, утраивалось и удесятерялось! Ибо в этом огромном зеркале отражалось другое зеркало, а в нем еще одно и еще одно. И все это сияло, звенело и пело.

— Для того, кто может выдержать мое сияние, я прекрасная, — раздался хрустальный голос.

И Том вдруг почувствовал, что еще одна капля, и он не выдержит, сердце его разорвется. Но тут раздалась до боли родная, знакомая до тоски и счастья мелодия... Флейта... Ее флейта!.. Ее ни с чем не сравнимое сиреневое сияние. И тогда Том заплакал навзрыд, как маленький, но слезы его уже не превращались в хрусталинки. Он почувствовал тепло среди сияющего льда и увидел прямо перед собой свою любимую. Она стояла и протягивала к нему руки.

— Том! Том! Где ты? — расслышал он уже совсем близко. Он бросился к ней навстречу и... со всего размаха ударился о зеркальное стекло. Раздался какой-то стон хрусталя. Все погасло и замолчало. Стало совершенно темно. Потом чернота превратилась в сизые сумерки.

И в этой сумрачной тишине прозвучал голос Снежной Королевы:

— Это же Зеркало, Том. Зеркало... Зеркало... Никому не дано входить в зеркала. Зеркала для того, чтобы видеть. Вот ты и увидел, что Она есть. Не пропала, не сгнула. Она есть. Ты видел то, что есть. Ты уже столько знаешь... если знаешь, что

Она есть.

— Да, но... где Она?

— На этот вопрос Зеркало не отвечает. На вопросы «где» и «как», «куда» и «почему» Волшебное Зеркало не отвечает. Она есть. Вот и все. Этого достаточно для того, чтобы идти и искать Ее. Иди. Только не забывай Ее образ, увиденный в Зеркале. Не спутай Ее ни с кем другим.

— Спутать Ее? Нет, Королева, я, может быть, многое способен натворить, но вот спутать Ее с кем-нибудь другим я, кажется, не способен. Вот в этом-то одном я уверен.

— Ну, что ж, может быть. Тебе предстоит трудный путь. Сейчас ты увидишь, как в сумерках замелькают огоньки, и пойдешь на эти огоньки. Постепенно их окажется много. Перед тобой откроется Страна Снов, Мечтаний и Надежд. И каждый огонек будет превращаться в сиреневое сияние и почти каждый девичий голос начнет звучать флейтой. И среди всех них ты должен найти Ее. Найти или не найти — но главное: не принять за Нее другую. Если примешь — попадешь в Страну Морока. А уж из этой страны почти никто, почти никогда выбраться не мог.

— А если не приму?

— А если не примешь и не найдешь Ее в Стране Снов, Мечтаний и Надежд, то... тебе придется пойти в Страну Безысходности. Пойти и пройти ее насквозь.

— Пройти насквозь Страну Безысходности?!

— Да, Том. Путь и выход лежит через Страну Безысходности. Иди, Том. Сил тебе, Том!

И вот, едва отзвучал голос Снежной Королевы, как в сизом сумраке начали появляться огоньки. Один, другой, третий, десятый... И на душе стало понемногу легче и спокойнее. Каким ледяным холодом, каким мраком повеяло от слов — «Страна Безысходности»! Почему это он должен непременно попасть в такую страну? Когда есть еще столько надежд! Можно мечтать и видеть сны.. И надеяться... надеяться...

— То-ом! Том!

— Да!

— Это я, Том!

— Ах, девочка, ты шутишь, глупенькая! Пошути с кем-нибудь другим. Неужели я приму когда-нибудь тебя за Нее?.. Твое сиреневое платье и не сияет вовсе, и голос твой совсем не флейта, а детская дудочка.

— Том, Том... Иди сюда, ты ведь устал, ты ведь измучился. А у меня так тепло, светло и тихо. Ну хоть отдохни у меня немного.

Боже мой, Боже мой, он действительно устал... и ведь он слышит флейту, флейту.

Он входит в дом. На столе горит лампа под сиреневым абажуром. А в углу комнаты проигрыватель, и на нем пластинка с голосом флейты.

И тогда он садится на диван, закрывает лицо руками и плачет.

— Ты зачем, зачем это сделала? — говорит он хозяйке дома. — Неужели ты вообразила, что я могу спутать Ее с тобой?

Ах, сколько было еще подделок, этих сиреневых абажуров, этих заемных сияний и чужих голосов! Ему показалось, что он в каком-то колдовском лесу, среди оборотней. Как он устал от их огней, от их обманов. «Не хочу надеяться, не хочу мечтать, не хочу спать! Не хочу этих огней. Пусть не будет того, чего нет!»

Только он это сказал, как исчез последний дрожащий огонек и полная, глухая и слепая тьма сомкнулась над ним.

Так вот, что такое Страна Безысходности... Не удалось ее миновать!..

Он сел на какой-то пень и застыл. Сколько прошло времени, он не знал. Казалось, время остановилось. Идти было некуда, надеяться не на что. Ее не было нигде. Но ведь Она ЕСТЬ! Он Ее видел в волшебном зеркале. И сердце его не могло забыть этого.

— Есть, но где?

— Нигде, но есть.

Вокруг него была полная тьма. Но внутри него мерцал свет из волшебного зеркала. Этот свет не был мороком. О, нет! Пусть весь мир уверял бы его в противоположном, но он-то знает!..

Тут не глаза, не уши, не ум — тут вся душа его жила и знала.

И вдруг он увидел, уже глазами увидел во тьме узенькую светящуюся щелочку. Там был огонь. И это был не морок. Огонь был настоящий — живой и теплый. Не сиреневый, а оранжевый, даже оранжево-красный, обыкновенный огонь костра, горевшего в темном лесу. Кажется, он горел здесь всегда, так спокойно сидели вокруг него маленькие человеческие фигурки, и только время от времени молча подбрасывали поленья в огонь. Тому показалось, что они сидели здесь для того, чтобы такие, как он, не затерялись во тьме. Впрочем, они не обратили на подошедшего Тома никакого внимания, как не обратили бы внимания на упавшую шишку или задрожавшую от ветра ветку. Точно у них была одна задача: не растерять тишину внутри себя. И они ее не теряли. «Это — хранители тишины», — догадался Том, и в сердце его стало пробираться тепло костра.

И по мере того как росло тепло в сердце, росла тишина. И в тишине стали слышны звезды. Да, эти не замеченные им, не заметные прежде звезды точно разговаривали с костром, и Тому подумалось вдруг, что этот костер — одна из таких же звезд, и если бы он смотрел издали, то был бы уверен, что это — звезда. До костра ясно донесся звездный звон. И вот первый гном ответил:

Когда весь мир внутрь сердца умещен,
Смолкает разногласие земное.
Бог суетою нашей оглушен,
А Дьявол — этой полной тишиною.

Он задохнулся. Он вот здесь, сейчас
Исчез. Черта. За ней — исчезновение.
И значит ты на самом деле спас
Всех тех, кто ждет и молит о спасенье.

И вот, почти ослепнувши от слез,
Всем сердцем входишь в тишину такую,
В которой хор вознесшихся берез
Беззвучно возглашает: «Аллилуйя!»

Том ясно услышал это «Аллилуйя», возглашенное деревьями. Потом все снова стало тихо, и еще раз донесся звон со звезды, и еще один гном сказал в ответ:

Нас тянут каменные гири.
Мы связаны. Таков закон.
Но в этом тяжком смертном мире
Есть чистый колокольный звон.

И тот, кто смог его расслышать,
Идет к нему сквозь тяжесть дней,
И чем он ближе, тем он тише,
И чем он тише, тем мощней.

И где-то на последней ноте,
Где смерть уже изнемогла,
Кончаются законы плоти
И расправляет Дух крыла.

«И чем он ближе, тем он тише, и чем он тише, тем мощней», — повторил Том и ясно расслышал звуки приближающегося колокола. Он действительно затихал по мере приближения, рассыпаясь перезвоном серебряных колокольчиков, потом переходил в какую-то хрустальную капель и снова собирался в могучий звон, который, однако, по мере возрастания мощи, становился тише и тише.

И вот появилось сияние. Тому показалось, что оно еще прекраснее, чем сияние голубых и розовых хрусталей в Царстве Снежной Королевы. Сияние росло, окружало его. Он не только видел, он был в этом сиянии. Он плавал, он утопал в нем.

— Где я? — спросил он, не в силах выносить это блаженство.

— Здесь, — ответил серебряный голос, и вслед за ним появилась женщина, похожая на серебряную рыбку, такой она была легкой и гибкой, так сливалась она с сияющей воздушной волной, так танцевала в ней.

— Где — «здесь»? — прошептал Том.

— В том, что есть.

— Но откуда это взялось?

— Оно всегда было здесь, Том, только тебя здесь не было. Ты не умел войти. Ты все время шел от минуты к минуте, от часа к часу, от дня ко дню. А мы находимся в щелке между минутами и днями. Вот когда ты остановился в Стране Безысходности, когда не побежал за бегущей минутой, тут-то ты и заметил эту щелку, которая между. И — вошел. Сперва ты увидел костер гномов. Это был вход в тишину. А тишина ведет в то, что есть. Ты шел, шел и вошел...

— Ну, а дальше? Что будет дальше?

— И дальше будет то, что есть. Все дальше и дальше, все глубже и глубже, пока не найдутся все потери, пока не встретишься с тем, с чем расстался, пока не кончится вся боль, пока не придешь туда, где смерть изнемогла...

Иди, Том... иди...

***

— Ну, Правитель, да что же ты спишь! — говорила между тем Баба Яга громовым шепотом. — Может, и тебя зачаровала луна? Сегодня она так расслаилась, точно хочет ни одного темного уголка не оставить. Прямо негде голову спрятать. Да неужели ты позволишь ей так сиять?! Она вылезла из зеркал Снежной Королевы, и такой стоит лунный звон, что оглохнуть можно. Вставай и прекрати это!

— А, это ты, старуха...

— Да, старуха... Интересно, как ты без этой старухи добудешь бессмертие... Спишь, поддавшись лунным чарам, как самый обыкновенный простофиля, а пока ночь пройдет, а с ней и надежда на бессмертие.

— А есть надежда, старуха? В самом деле, есть? Ты ведь не по телевизору выступаешь, ты мне на ухо скажи. Есть?

— Конечно, есть. Зря я, что ли, тебя будила? Вставай и иди к Волшебникам. Главное, надо знать, как с ними разговаривать. Про бессмертие — молчок. Скажи только, что тебе необходимо

очутиться в Царстве Волшебных Зеркал. Они поморгают своими огнями, но отказать — не откажут. У них тоже есть правила, которые они обойти не могут. А мы вот ихнюю щелку обойдем.

— Обойдем?

— Ну, разумеется. Неужели же в щелку лезть? А уж если ты попадешь к Снежной Королеве, то все. Бессмертие тебе обеспечено.

— Я еще не совсем понял.

— Чего тут понимать? Ты станешь сопровителем Снежной Королевы.

— Я?! Со-правителем???

— Да, тут ничего не поделаешь. Без нее не обойтись. Ее даже беречь придется. Видишь ли, она владеет волшебными зеркалами. Только от ее света в зеркалах появляются образы того, что есть. Они выплывают из зеркал и светят на весь мир. Как эта Луна. Так вот, — они будут появляться, а ты будешь их заслонять. И всей земле будет казаться, что это ты светишься на весь мир. Но все светящиеся образы появляются и скрываются, уступая место другим. Ты же будешь бессменным. Уж раз ты туда пришел — все. Ты-то никому места не уступишь. Все эти белоснежные церемонии окончатся с твоим приходом.

— Послушай, мудрая старуха, — сказал изумленный и слегка помягчевший Правитель. — А не будет ли там, у Снежной Королевы, несколько... холодновато... А?

— Стыдись, Крокодилиссимус! Что тебе ее холод, когда в тебе жар всей преисподней?! Ты что, забыл, что ты огнедышащий? Ты ведь всеильный! Ну, так соберись с силами!

И Крокодил собрался. И пошел к Волшебникам. Все случилось именно так, как рассчитывала Баба Яга. Они поморгали огнями, но открыли Царство Волшебных Зеркал. И Крокодил вошел в это голубовато-розовое и серебристо-белое сияние.

Нет, пусть нам не говорят, что он ничего не почувствовал, не оценил. Это не так. Зачем упрощать? Он оценил торжественную красоту этих мест. Даже есть предание (никто этого не видел, но предание есть), что из глаз его вытекла слеза. Одинокая Крокодилова слеза.

— Ну, здравствуй, Белая, здравствуй, Хрустальная! — сказал он, увидев неподвижно стоявшую и светящуюся Владычицу. — Не ждала гостя?

Снежная Королева молчала.

— Не очень-то ты приветлива. Но я и без приглашения пришел. И не в гости. Я не привык быть гостем. Я — хозяин. Такой же, как ты. Я согласен делить с тобой власть. Пока, — не удержался и добавил он.

Слабая улыбка тронула губы Снежной Королевы, но вскоре ее сменило все то же ровное голубовато-розовое свечение.

— Цвета мы переменяем на более яркие. Но кое-что и оставим, пожалуй. — Он оглядывался вокруг и по-хозяйски примеривался к реформам, как вдруг раздался тихий голос Владычицы Света:

— Ты здесь не хозяин.

— Гм... У нас равные силы, Белая. Ты вызываешь образы, но я заслоню их собой. И весь мир будет видеть, что есть Я, а больше ничего нет. И ты ничего, ничего не сможешь с этим поделать. К тому же твой холод мне не страшен. А что касается моего жара, то неизвестно, не согласишься ли ты пощады... Так что ты или сработаешься со мной, или...

И тут вдруг Она посмотрела на него таким прозрачным, таким пронизывающим взглядом, что на одно короткое мгновение ему стало не по себе: даже вспомнился тот взгляд Смерти, который он видел во сне.

— Я не буду твоей соправительницей. Этого не будет.

— Вот как?! Но ведь я не уйду отсюда.

— Я знаю. Я сама уйду.

— То есть как это? — растерялся Крокодил. — Кто это может уйти по доброй воле? Кто это не боится уйти?

— Тот, кто собрал свет, тот и не боится уйти. Ему нечего бояться — он нашел то, что есть. Я живу для того, чтобы собирать свет. Когда я исчезну, останется свет. И я буду тогда в нем, как он сейчас во мне.

— Что, что все это значит?!

И вдруг Крокодилу стало нестерпимо страшно. Он закричал.

Он раскрыл пасть. Ондохнул огнем, но... Перед ним стояло удивительное существо, которое его совершенно не боялось. Совсем не боялось и совсем от него не зависело. Нисколько. А он, великий Крокодилиссимус, целиком зависел от этого существа, которое называло себя Владычицей Света.

Он с радостью растоптал бы ее, но... если Ее не будет, не будет и его.

— Как?! Как ты смеешь исчезать! Пстой! Куда же ты!

Но Она точно не слышит его. Она становится все прозрачнее, все легче. И голос Ее все тише, тише... Что, что такое Она говорит?

Свет замирал в свой тайный час.

Да нет, он не потух.

Он просто на глазах у нас

Преображался в Дух.

Не ослепителен, не жгуч,

Простясь со всей тщетой,

Луч таял, превращался луч

В Дух Света — Дух Святой...

Королева говорила и таяла на глазах. Таяли хрустали, таяли зеркала, таяли образы, проплывавшие в них, таяли, расплывались, исчезали очертания Крокодила. Нет очертаний, нет никого, но сияние есть. Оно дрожит, мерцает. Вот уже только след от сияния, но какой теплый, какой нежный и чистый сиреневый след!.. И — флейта, флейта!..

— Я здесь! Я здесь, моя девочка!

— О, наконец-то! Наконец ты мне ответил! Сколько же я звала, сколько искала тебя!

— Ты звала? Ты искала?! Это я миры обошел, чтобы найти тебя!

— Да, Том. Может быть, Том. Но ведь это ты покинул меня. Я все время оставалась здесь. В том, что есть. А ты ушел.

— Да... Я ушел... Но, Господи, я пришел... Пришел! И пускай будет то, что есть, и не будет того, чего нет!

***

Они сидели за столом в своем домике около нарядной сияющей елки: Том, его Старая Девочка и Помпончик, их верный Помпончик, на которого стоит только взглянуть — и уже все, что заботило и мучило, окажется одолимым. И даже самое неодолимое, с которым ничего не поделаешь, тоже...

— С Новым годом! — сказал Помпончик и, взяв в руки бокал, подошел к телевизору и включил его. Странное дело — он увидел на экране самого себя с бокалом в руке и со своей неизменной улыбкой.

Но его быстро заслонила Баба Яга.

— Вот-вот-вот! — говорила она. — Не успела я замести эту щелку. И на этот год тоже не успела. Нагляделись уже в нее вдосталь... «С Новым годом, с новым счастьем». И такого напустили тут туману, такого дурману... Теперь уже никто ничего не разберет. На самое точное, самое достоверное — говорят: нет его! Это то, чего нет! А на всякую невидаль, на то, чего сроду не было, говорят: вот это то, что есть. И теперь-то уже никто ничего не знает.

Но тут Баба Яга как-то срочно растаяла. А из-за нее снова проступил Помпончик и сказал, собственно, то, что он говорил всегда:

А я что-то знаю.

А я что-то знаю.

А я что-то знаю,

Знаю — и пою.

Среди темных веток

Щелочка сквозная...

Загляни — увидишь

Звездочку свою!

На огромном старом Дереве, склонившем свои ветки над озером, сидел Оль. Тихо, как всегда. И все-таки он все время говорил. Людям кажется, что это шумит Дерево. Дерево и в самом деле шумит, а Оль старается не заглушать Дереву и не перебивать его и все-таки говорить. О чем он говорит? Ни о чем. О том, кто сотворил этот мир. Все время о Нем. Как это Ему удалось сотворить такой мир? Такую красоту?!

Дерево смотрит в озеро. И Оль смотрит в озеро. У старого Оля очень ясные глаза. Может быть, только у младенцев бывают такие глаза. У тех, кто совсем не видит себя, весь мир отражается в глазах. Два зеркала. И когда глаза эти вгляделись в озеро, было зеркало в зеркале. Между глазами и озером вспыхивал свет. Люди говорили: заря отражается в озере... Или звезда... А глаз Оля никто не видел. Зато он видел всех.

Невдалеке от лесного озера было большое селение или маленький город, а может быть, даже целая страна. Страна, в которой жили маленькие человечки, маленькие золотые кони, золотой олень, тоже совсем маленький, но совершенно настоящий, как и все в этой удивительной стране. Вечером в домах зажигались разноцветные огни, вспыхивали витражи в церкви, раздавался колокольный звон, а когда он стихал, слышался тонкий-тонкий голосок какой-то детской песенки, до того мягкий и ласковый, что слышавшим его становилось как-то

очень уютно, очень спокойно, и начинало казаться, что детство не кончилось и не кончится никогда. Кто знает, может быть, из-за этой песенки селение за лесным озером получило название Страны Детства.

А пел эту песенку гном, сидящий у камина. Он сидел там и просушивал чулки (почему-то всегда промокавшие); просушивал, чтобы положить в них подарки на каждое новое утро. Да и чем новое утро хуже Нового года?

— С Новым Утром! С Новым Миром! — говорил он, вынимая из чулка что-то такое удивительное, чего сам не придумаешь, даже если будешь думать сто лет.

Ну в самом деле, кто может придумать первый солнечный луч, или розовое перо зари на небе, или лиловый колокольчик в траве?

Кто?

Никто. Только Она одна.

Дело в том, что в Стране Детства жила та самая, которая эту страну создала. То есть все, конечно, создал один Создатель. Но ошибаются те, кто думает, будто Он работает без помощников. Вот она и была Его помощницей. Ее звали Девочка-Цветок или Фея Цветка; а еще раньше Ее звали Старая Девочка, та самая, давно знакомая. Она очень давно жила. Поэтому все знали, что Она старая. Но ведь старости Ее никто заметить не мог. Она была как каждое новое утро. Кто скажет, сколько тысячелетий прошло до него? Это совершенно неважно — оно ведь только что родилось. Но утро сменялось днем. А Она все время оставалась девочкой, ничуть не меняясь. Старая и всегда юная. С Ней рядом был ее верный друг Том, тот, который любил Ее больше всех на свете. Каждым новым утром он открывал глаза и так удивлялся и радовался всем Ее подаркам, полученным от гнома! Он был уверен, что пока Она с ним, все будет хорошо — вечно будет звучать песенка гнома у камина, вечно будут выниматься из просушенного чулка подарки, и каждое утро он будет получать готовенький мир из Ее рук, как птенец пищу из клюва матери.

Все было удивительно хорошо, но по мере того, как Том рос,

ему все чаще снились тревожные и печальные сны. Ему снилось, что Она уходила куда-то. Уходила, пропадала, исчезала — и мир погружался в темноту, и ему надо было искать Ее в абсолютной темноте. Он просыпался, вскрикивая, и бежал к Ней, чтобы убедиться, что Она по-прежнему сидит в цветке и цветок светится.

— Моя единственная, моя любимая, моя бесподобная! — сказал он Ей однажды, — ты все можешь. Сделай так, чтобы мне не снились больше эти сны. — Она молчала. И он вспомнил, что во сне Она тоже молчала перед тем, как исчезнуть. Ему стало так тревожно, что перехватило дыхание. И он едва пролепетал:

— Уж не собираешься ли ты в самом деле уйти?

Она опять молчала.

— Моя любимая, единственная, бесподобная — прошептал он. А она вздохнула и сказала:

— Ну почему же бесподобная? Неужели ты думаешь, что мне на самом деле нет подобных? Это было бы ужасно. Мне необходимо найти себе подобных.

— Подобных тебе?! Но где же их найти? Точно таких, как ты? Чтобы была еще одна такая розовая Фея светящегося цветка?

— Ну совсем не обязательно в розовом платье. Я, правда, всегда ношу розовое. Но это совсем не обязательно. И даже светящийся цветок не обязателен. И чтобы была девочкой не обязательно. И старой тоже.

— А... что же обязательно?

— Мне подобный — это тот, кто умеет сам творить мир, а не приходиться на все готовое.

— Послушай, наш мир единственный на свете. Другого нет и быть не может. Его сотворила ты. Откуда же взяться тебе подобному?

— К счастью, этот мир совсем не единственный. Есть множество миров гораздо лучших, чем наш. Ну, а если нет, то могут быть. И кто-то же их должен сотворить. Мне надо обязательно найти хоть одного из тех, кто умеет творить миры.

— Ты... в самом деле уходишь? — прошептал он еле слышно.

— В самом деле. Не плачь. Ты уже не маленький. Ты сможешь меня увидеть в Волшебном Зеркале. В пустом зеркале, где между мною и тобою ничего не будет. После этого я вернусь в этот мир. Не раньше.

И вот сбылся самый страшный сон. Ее не стало. Все осталось на местах. В домах зажигались разноцветные огни, на ветках щебетали птицы, лесные звери были добрыми и ручными и бродили прямо между домами. Под большим кустом стояла избушка на курьих ножках со светящимся окошком; гном, живущий в хрустальной капле, качался на ветке и тонко вызванивал какую-то мелодию. Даже золотые кони и золотая карета — Ее драгоценнейший дар — оставались на месте и готовы были умчаться за тридевять земель в тридесятое царство. Все было. Только Ее цветок не светился больше и не звучала песенка гнома у камина.

Вместо этой песенки раздался совсем другой звук. Глубокий низкий звук виолончели. Старый гном-виолончелист играл и плакал. И Том заплакал вместе с ним. Казалось, виолончель говорила вот что: «Теперь тебе надо искать Волшебное Зеркало. Знаешь ли ты, где найти Волшебное Зеркало? Знаешь ли, знаешь ли, что это такое?...»

Том не знал или знал так смутно, что все время хотел спросить еще кого-то, как найти Волшебное Зеркало? Где оно?

И тут-то ему сказали, что волшебные зеркала в стране Детства запрещены. Дело в том, что в стране этой, как только ушла Фея Цветка, появился Правитель, издававший указ за указом о том, что можно и чего нельзя. Заодно с волшебными запретили на время все зеркала, на всякий случай, — вдруг какое-нибудь окажется волшебным. Про волшебное же стало известно, что в нем появляется что-то очень страшное. Появится ли в нем Фея Цветка, еще вопрос. А вот это страшное появится обязательно, и смотреть на него нельзя, иначе можно погибнуть.

— Как же быть без зеркал?! — всполошились жители.

— Очень просто. Правитель и его слуги будут на вас смотреть и говорить вам, хорошо или плохо вы выглядите. Смотрите только на Правителя, а не в зеркало!

Но на что Тому был Правитель и его слуги? Ему нужно было Волшебное Зеркало и ничего другого. И он грустно побрел подальше от Правителя и всех его указов, подальше от домов и огней, подальше от голосов. И забрел в лес. Тихий. Огромный. С одиноким Деревом, свешивающимся над озером. Дерево гляделось в озеро. И Том взглянул в озеро. Такой простор ему открылся, такая глубина! И вдруг в этой глубине мелькнула маленькая золотая звездочка. Золотисто-розовая. Она была так далеко, что разглядеть ее было невозможно. Но все-таки он всем сердцем почувствовал — это Она! Это Ее светящийся цветок. И тут возникла мелодия скрипки. Ее скрипки, которую ни с чем не спутаешь.

Так вот оно — волшебное зеркало, которое запретить нельзя. Сейчас, сейчас, если только грудь не разорвется от счастья, он увидит Ее близко и ясно. Вот сейчас... Но внезапно между ним и звездочкой выросла огромная темная лохматая фигура и совершенно закрыла звездочку собой.

— Кто ты? Отойди!

Но лохматая фигура выростала на глазах. Она надвигалась на Тома, как бы вытесняя его из пространства. Том вскрикнул и отвернулся от зеркала. Нет, нет, он не может туда смотреть...

— А не смотреть можешь?

Перед ним стоял Помпончик. Неизменный Помпончик в своей зеленой шапочке с белым помпоном. Глаза у него с лукавинкой, глаза, которые всегда что-то знали...

— А не смотреть можешь?

Том тяжело дышал.

— Если можешь, не смотри. Иди домой, усаживайся в кресло и мечтай себе сколько хочешь. И знай, что в действительности ты свою Фею никогда не встретишь.

— Нет, я без нее не могу!

— А тогда пойми, что ты должен не испугаться всех чудищ, которые встанут между тобой и Ею. Это первое чудище еще не самое страшное. Обыкновенная Баба Яга. Если решишь ее задачу, ты избавишься от нее.

— Какую задачу?

Помпончик приложил палец к губам и скосил куда-то глаза, как бы показывая на кого-то. И тут Том увидел высокую старуху, всю в черном, с очень длинным носом.

— Да, это мою задачу ты должен решить. Я уже привыкла не обращать внимания на оскорбления. Когда меня называют Бабой Ягой, я этого не слышу. Где им знать, кто я такая на самом деле?

— А кто ты такая на самом деле?

— Тебе надо решить мою задачу, и тогда ты сможешь это узнать. Ты ведь говорил, что твоя Фея Цветка единственная и бесподобная?

— Да, говорил.

— А она говорила, что есть и еще люди, подобные ей. Говорила?

— Может быть, говорила.

— Так есть или нет? Отвечай, да или нет?

И вдруг старуха взмахнула рукавами черного балахона, как крыльями, и черное превратилось в розовое, седина — в каштановые волосы, вместо морщин — гладкая кожа. Точь-в-точь Она, его любимая. «Я же старая, ты забыл, что я старая, но могу и снова сказаться девочкой. Смотри!» И вот перед ним еще одна девочка, и еще, и еще... Десяток ей подобных. Они заполняют комнату, движутся, качаются на своих тоненьких ножках, как цветы на высоких стеблях. Или у Тома кружится голова, рябит в глазах? «Что со мной? ... Этого не может быть!» вскрикнул он.

Перед ним снова прежняя старуха. Она глядит на него хитро и победно.

— Итак, ей подобных нет? Она одна? Или у нее множество образов и подобий, как ты только что видел?

— Это обман! Это была не Она!

— Мне все равно, что ты выберешь. Лишь бы сказал четко и твердо: нет? Она одна?

Тут он вдруг ясно вспомнил, что Она ушла, чтобы найти себе подобных. Она сказала, что быть бесподобной ужасно.

— Отвечай!

— Дай мне подумать, — ответил Том.

— Даю тебе сроку одну ночь.

А больше ему и не надо было. Только бы побыть одному. Только бы не видеть перед собой эту старуху. Только бы найти место и время, чтобы вспомнить мелодию скрипки. Он знал, что когда он ее вспомнит, все разрешится само собой.

И вот он в лесу. Он пришел туда, куда приходит всегда, когда ему трудно — к костру гномов. И слышит, как один из гномов говорит:

А мне порою смутно снится,
Что эту плоть, где дух гнездится,
Душа сама свила, как птица
Гнездо, и задремала в нем.
Да, задремала и забыла,
Как с нервом нерв и с жилой жилу
Сплетала, тихо ворожила,
Устраивала хрупкий дом.
О, сколько жара, сколько света
Понадобилось ей на это!
Как был стремителен и крут
Ее полет! Какая сила
Таилась в ней! И вот — забыла,
Что значит дух тысячекрылый
И медленный духовный труд...

Забыла... душа забыла саму себя, как я — мелодию скрипки. Забыла... забыла... И тут мелодия скрипки всплыла сама собой, как будто никогда не исчезала из памяти. И как-то все сразу стало на свои места. Ответ тоже нашелся сам собой. Он улыбнулся и пошел навстречу Старухе. Она уже не была ему страшна.

— Послушай, — сказал он тихо и просто, — Она единственная и бесподобная. Подобных Ей я еще не видел. Это я точно знаю. Но они могут и должны быть. Это я тоже точно знаю...

И тотчас старуха начала расплываться на глазах, лепеча: «ни да, ни нет... А надо четко — да или нет...»

— Вот именно этого и не надо было говорить !

Это сказал уже Помпончик. Всколыхнулась его зеленая шапочка, заплясал белый помпончик и зазвучала вечная песенка:

А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
Знаю и пою!

— Я прежде всего знаю, Том, что ни «да», ни «нет», а что-то третье, и хорошо, что и ты это узнал. Ну вот ты и справился с Бабой Ягой. А теперь тебе самое время идти к озеру. Только предупреждаю: есть чудища пострашней нашей старухи!

И Том пошел к озеру. Опять в волшебном зеркале закачались все деревья, все звезды, весь ночной простор. И показалась далекая розоватая звездочка, а с нее полилась мелодия скрипки. Господи, какое счастье! Сейчас, сейчас звездочка приблизится, станет ясно виден Ее цветок. Вот-вот сейчас...

Как?! Что это выросло между ним и Ею?! Что?!! Такого он еще не испытывал, кажется, никогда. Что такое Баба Яга перед этим? Обыкновенная старушка. Это же Дракон!... На это не было сил смотреть, и Том отшатнулся от зеркала.захотелось немедленно вернуться в обыкновенный мир, где есть дома, стены и нет этих бездн, этих провалов с глазами Дракона. Сесть в кресло, поджав под себя ноги, почитать книжку, съесть яичницу... А о приключениях только вспоминать. Усесться за стол и писать свой труд — описать свой опыт вглядыванья в волшебное зеркало... Ну, а если уж очень затоскуется, то можно выйти из дома, сесть в золотую карету, и пусть золотые кони умчат меня к моей мечте. Они ведь рядом, наготове. Она ведь сама оставила их. Так вот, сесть в золотую карету и — к Ней! К Ней!

— То есть, как можно дальше от Нее, в другую сторону.

Том оглянулся. Рядом сидел виолончелист со своей виолончелью и смотрел на него большими печальными глазами.

— Что ты сказал?

Впрочем, это не он, это виолончель говорила. А может быть,

и он. Они так срослись, что их не различишь.

— Я говорю, что ты норовишь уйти как можно дальше от Нее, в другую сторону. Ты выбираешь, где посветлее и поуютнее, а Она — в темноте. Одна в темноте. И никакая золотая карета через эту темноту не перевезет. Ни золотые кони, ни золотой олень. Они увезут в светлую мечту, а Она — в темной действительности.

— Послушай, но разве есть хоть одно существо, которое выдержит взгляд такой тьмы? По-моему, нет и быть не может.

— Ты ошибаешься. Такое существо есть.

— Где же оно?

— Ты столько раз проходил мимо него и не замечал его. Оно сидит на Дереве, которое свешивается над озером. Это старый Оль. Дерево смотрится в озеро день и ночь. И старый Оль смотрится в озеро день и ночь и никогда не отводит взгляда.

— Не отводит взгляда? Разве это возможно?

— Возможно.

— А непроглядная тьма?

— Он ее проглядывал всю насквозь.

— И досматривал до Ее звезды?

— Досматривал. И Она сама до него. Они друг друга видели.

И Она приходила к нему и садилась рядом с ним.

— Ты говоришь что-то, чему трудно поверить.

— А ты проверь. Подойди к Дереву над озером, и если увидишь Оля, спроси, правду ли я говорю?

Одинокое Дерево на берегу озера... Да, он помнит такое Дерево. Но неужели на нем кто-то есть?... Том добрел до Дерева и остановился. На огромных толстых ветвях сидел кто-то, как будто совсем сросшийся с Деревом. Это было Дерево с человеческими глазами. А может, с глазами неба, с глазами всех звезд?

— Ты... Оль? — спросил Том неуверенно.

— Да, Том, здравствуй.

— Ты меня знаешь?

— Я всех знаю. Только меня никто не знает. Тебе про меня виолончель рассказала?

— Да, виолончель... Скажи, это правда, что ты видел мою

Фею? Что Она сидела здесь рядом с тобой?

— Конечно, правда.

— Как? Когда?

Вместо ответа Оль спросил Тома:

— Ты меня в самом деле знаешь? Ты знаешь, кто я?

— Ты... Оль. Я же сказал.

— Да, Оль, но не только. А еще кто?

— Не знаю. Кто же?

— «Я — никто. Может быть, ты тоже никто? Тогда нас двое.

Молчок.»*

Том почему-то очень заволновался. Только никак не мог понять, почему. Как будто почувствовал, что у него есть крылья за плечами, только они никак не могут раскрыться. А ему надо сейчас немедленно прыгнуть с горы. Как же это? Но... «Что за путаница у меня в голове?...» — подумал он и четко ответил:

— Нет, я Том.

— Только Том?

Глаза Оля смотрели так добро, так заботливо, точно глаза матери у постели больного ребенка.

— Бедный Том, ты еще не никто. Видишь ли, если бы ты был никто, то никто и не встал бы между тобой и Ею. Никто не появился бы в зеркале, кроме Нее. И никакой тьмы не было бы. Послушай, хочешь сесть рядом со мною и сидеть тихо-тихо? Хочешь научиться сидеть, как я? Попробуешь? Если ты будешь сидеть так тихо, что не спугнешь моих мыслей, ты их услышишь. А потом наступит тишина. И в тишине прозвучат Ее слова, которые Она оставила здесь, зарыла в листья и оставила. Если ты сумеешь их расслышать, ты поймешь, как найти Ее.

И Том сел. Как спокойно ему стало! Покой опускался с неба, с наклонившихся ветвей, обнимал его, укутывал. И все время углублялся. Том и не знал, что существует такой покой. Нет, может быть, когда-то знал, очень давно, когда был рядом гном у камина, звучала его песенка, вынимались подарки из просушенного чулка... Это было тогда, когда ничего-ничего страшного не могло случиться. Тогда, когда о нем заботились и берегли

* Стихотворение Эмили Дикинсон в переводе Веры Марковой.

его, когда ему самому ничего не надо было решать, искать. Это было тогда, когда Она была так близко и он был уверен, что Она никуда не уйдет. И вдруг кончилась вся тоска, вся его невыносимая тоска пропала, точно ее и не было. И — никакой тревоги, никакой заботы, будто все это снилось и ушло. Он не понимал сейчас, что же его мучало так недавно. Покой был таким живым! Том мог бы поклясться, что покой этот имел запах и цвет. Да, он пахнул хвойными ветвями и еще какой-то травой и еще чем-то очень-очень родным. Он был зеленого цвета разных оттенков с сиреневыми просветами. Ох, эти сиреневые просветы, какое в них было счастье! И внезапно покой зазвучал. Это был голос Флейты, глубокий и тонкий, и в этот голос вплетались слова:

Я — никто. О, Господи, как много
Ты даешь, как щедро меришь ты.
Мера сердца — это чувство Бога,
Чувство роста, чувство высоты.
Полная, таинственная мера.
Сесть в лесу, замолкнуть у костра...
Лишь зерно чуть видимое веры,
И меня послушает гора...

И снова молчание. Даже Флейты нет. Слова и Флейта выросли из тишины, и из них снова выросла тишина. Как цветок из стебля. Какая тишина! Он никогда такой не слышал.

А тишина! А тишина...
Как будто я не рождена,
Как будто бы не прервалась
Та сокровеннейшая связь,
Та пуповина бытия...
Не разделились Бог и я.

Тишина заговорила. Ее словами. Потому что это были Ее слова и ничьи больше. Он знал это.

— Конечно, Ее — сказал старый Оль, продолжая его мысли.

— Вот ты и стал слышать мои мысли и Ее слова.

Том посмотрел на него внимательно, долго, и раздумчиво проговорил: «Как будто бы не прервалась та сокровеннейшая связь, та пуповина бытия... Не разделились Ты и я.»

— Не разделились? Ты это чувствуешь? Ну тогда иди — сказал Оль.

И тут Том услышал скрипку. Ту самую, Ее скрипку.

— Она зовет тебя.

— Да, да, я слышу.

Он снова глядит в волшебное зеркало и снова видит звездочку-цветок, повисшую в полной тьме. Она так далеко, она едва видна. Но он не только уверен, что это Она, он еще знает, как к Ней подойти. Он не может сказать, откуда он это знает, он ничего не может объяснить, но он знает, что делать. Вот во тьме появилась тоненькая ниточка света. Она протянулась между ним и Ею. И он знает, что это и есть «та сокровеннейшая связь, та пуповина бытия...» Он знает, что можно во тьме, в ничем держаться на этой тоненькой ниточке. А ниточка между тем превратилась в переливчатое свечение, зеленовато-розовое и сиреневое. Сиреневое кружево... Неужели он сам сплел его? Этот кружевной мост между ним и Ею... Неужели по этому кружеву можно идти? Оказывается, можно. Оказывается, оно удивительно крепкое, это кружево. Хотя из чего оно сделано? Почти что из ничего...

Я мир создам из ничего,

Из сна, из сердца моего.

Я из себя его создам

И вздрогну, отдавая вам.

И вот сиреневое и зеленое уступило место голубому, белому и розовому. Мост кончился. Он привел Тома к множеству зеркал, которые отражались друг в друге. Это было Царство Волшебных Зеркал. Перед Томом стояла Владычица Волшебных Зеркал. И, кажется, все это сияние излучали ее глаза.

— Тот, кто сумеет не оторвать взгляда от Волшебного Зерка-

ла, заброшенного в ваш далекий мир, прокладывает себе дорогу сюда, в мое царство. То, что ты видишь — зеркало в зеркале. В нем все цело. Все, что исчезло где-то и когда-то, если оно хоть кем-то любимо, показывается в этом зеркале тогда, когда любящий смотрит в него.

— Значит, я должен увидеть Ее? Ясно и близко?

— Конечно. Вглядись внимательней.

И вспыхнуло сияние, какого он не видел еще никогда. Источник света был скрыт, но светилось все. Каждая капля переливалась мириадами огней. А капель было столько! Или это глаза жителей волшебной страны?! Как их много и как это удивительно хорошо, что их так много и что все они — подобны друг другу, — все излучают свет.

Белые лебеди, плывущие по зеркальному озеру, а в ветвях деревьев над озером совершенно прозрачные светящиеся ангелы. Тому вдруг подумалось, что и там, в его мире они, может быть, были, летали рядом, сидели в ветвях деревьев, но они были прозрачные, и он смотрел сквозь них, а их самих не замечал. Но в этом свете ничто не может остаться незаметным. И вот ведь сколько подобных! И потому так много света, что каждый отражается в другом и вспыхивает...

— Да, ты попал в страну, где встречаются подобные друг другу. Я счастлива, Том...

Это была Она. В своем светящемся цветке.

— Ты?! Это ты?!

— Ну конечно, я. Наконец я нашла себе подобного.

— Так где же он?

— Ты его не видишь. Но я вижу. И этого достаточно. Как с тебя достаточно того, что ты видишь меня.

О да! Этого было более, чем достаточно.

— Так ты теперь вернешься в наш мир вместе со мной?

Он впервые за долгое время оглянулся, как бы показывая ей то, что по ту сторону зеркала. И увидел родную свою Страну Детства. Там все было на месте: маленькие дома с разноцветными окошками, золотые кони с золотой каретой, золотой олень, гном в хрустальной капле, избушка на курьих ножках, его друг

виолончелист, ручные звери, говорящие птицы, поющие колокольчики. И... старый гном, развесивший на решетке камина чулки... Что, что ты вынешь мне из своего просушенного чулка, мой маленький волшебник?

— То, чего еще никогда не вынимал — сказал гном и протянул Тому золотую скрипку. Ее скрипку.

— Мне?! Разве я сумею на ней играть?

— А разве ты забудешь теперь когда-нибудь Ее мелодию? Тебе надо только помнить мелодию. Играть скрипка будет сама, ведь ее истинная Владелица будет всегда с тобой рядом.

Она была рядом. Она стояла тут же и улыбаясь, говорила: «Я дарю мою скрипку только себе подобному. Бери».

— Тебе подобному? Я — тебе подобный?!

— Ты еще не понял этого? Ты еще многого не понял. Ты не знаешь, как это трудно — быть мне подобным, играть на золотой скрипке и звать людей к Волшебному Зеркалу, от которого почти всегда они хотят отвернуться. Это очень трудно... Но я, кажется, нашла себе помощника...

25 мая 1995 — 1 мая 1996

На берегу озера стоял Дом. Двухэтажный Дом со светящимися окнами, которые отражались в воде. Дом был обыкновенный, небольшой, но почему-то казалось, что стоит войти в него, и тебя сразу же покинут все тревоги, все заботы, все неурядицы. И если у тебя есть какое-то горе, то оно тоже исчезнет, как только войдешь в Дом.

Но в том-то и дело, что войти туда было нельзя. Сколько людей ни стучалось в двери, они были плотно закрыты и никто никогда не ответил на стук. И никто никогда не выходил из Дома. И людям стало казаться, что Дом пуст, что там никого нет. Но как же светящиеся окошки? И эти изредка доносившиеся из окон голоса? Они были похожи на плеск воды в озере, на птичьих трели; но нет, это все-таки были человеческие голоса, которые что-то хотели нам сказать. Но вот что? Об этом гадали, думали, но точно ответить никто не мог.

Там, за озером, было шумно,людно. А здесь, возле Дома, тихо. Казалось, что Дом излучал тишину, вот так же, как солнце — свет. Тот, кто очень уставал от заозерного шума, приходил сюда, к Дому, стоял и смотрел на него, и от этого одного становилось легче...

Кто поставил этот Дом на берегу озера и когда? Никто этого не знал. Говорили, что Дом был прежде, чем люди появились в этом мире. В огромной старой Книге было написано, что все,

кто живут сейчас в нашем мире, вышли из этого Дома. У всех у нас когда-то был общий Дом, и там было все, что душе нашей нужно.

Но как могли все уместиться в маленьком двухэтажном Доме?

Это тайна. Этого никто понять не мог.

— А может, этого и не было? Все это досужие выдумки! — говорили одни и пожимали плечами. — Что вы! — отвечали другие. — Как это не было? Все было, так написано в старой Книге. — Да что в Книге! — говорили третьи. — Мы сами точно помним, что были в Доме и вышли из него!

Вот эти третьи помнили про удивительное свечение. Дом ведь и сейчас стоит, как когда-то, и озеро есть. А вот свечения нет. А оно было! И ничего, ничего, кроме этого свечения, не было нужно... И ведь чтобы так осталось навсегда, надо было только одно: не пожелать ничего другого. Вот и все. Чтобы оставаться в Доме навечно, надо было только не хотеть из него выходить, ничего не хотеть, кроме того, что есть в Доме. А в Доме было все, что нужно.

И все-таки случилось так, что все, один за другим, захотели еще чего-то, чего в Доме не было, и вышли из Дома. Нет, не совсем все. Кто-то ведь все-таки остался. Но все, кто живут теперь в мире, когда-то вышли из Дома. И оказались бездомными.

То есть не то, что им негде стало жить. У них появились дома, даже у некоторых — дворцы целые. И все-таки они стали бездомными. И были такие, которые это ясно чувствовали и всем сердцем помнили про покинутый Дом. Ну, а другие смутно помнили, как сон. А третьи и совсем не помнили и даже не верили тем, кто помнил.

Но Том помнил. И как помнил! И чувствовал себя бездомным. Он совсем не понимал, как это он мог когда-то выйти из Дома! Но это случилось. Он вышел. А та, которую он любил больше всего на свете, осталась в Доме. Как будто его душа осталась в Доме. А он оказался снаружи. И ему надо было только одно: вернуться. Но как?

Дом был близко, рукой подать, но в него не войдешь!

Сколько в этом мире чужих! А в Доме не было ни одного чужого. Все были родные друг другу и так друг друга любили! И никто не заглушал тишины, и еще — никто не заглушал песню. Да, там пелась удивительная песня. Они все вместе пели ее. Но что это была за песня, он совсем не помнит. Вот если бы попасть в Дом!..

— Дом, Дом... что ты заладил про Дом? Ты же вышел из него на свободу, и опять потянуло в четыре стены?

Это сказала какая-то странная женщина в платье с шлейфом. Длинный такой роскошный шлейф вечернего платья... Но почему-то он напоминал Тому метлу. Откуда она взялась? Не на метле ли прилетела? Какой у нее скрипучий голос...

А женщина продолжала: — В твоём Доме сплошные запреты. То нельзя, это нельзя. Можно желать только то, что есть в Доме... Ну и скучища! То ли дело у нас! У нас — все позволено. Желай, что хочешь. Делай, что хочешь!

— Но если у меня нет никакого желания, кроме одного-единственного?

— Какого? Мы дадим тебе все, что ты хочешь. Хочешь, вот этот золотой дворец будет твой?

— Нет. Он мне не нужен.

— Не нужен?! Я еще не встречала человека, которому не был бы нужен такой дворец. Ты что, не человек, что ли?

— Человек, конечно. Самый обыкновенный.

— А хочешь, мы дадим тебе власть над всеми другими людьми? Все будут бить в литавры и петь славу тебе, хочешь?

— Да что ты! Зачем мне столько шума? Куда мне от него деваться?!

— И этого не хочешь? Чего же ты хочешь? Хочешь, будешь летать, как птица, и плавать в глубине моря, как рыба?

— А зачем мне это? Пусть птицы летают, рыбы плавают. Я человек, у меня своя задача.

— Какая это задача? И чего же ты, наконец, хочешь?

— Только одного — вернуться в Дом.

— Ну так ты настоящий враг свободы. И мы будем бороться

с тобой. Ты еще раскаешься в том, что нажил себе столько врагов.

— Я вам вовсе не враг. Я только напоминаю вам о Доме. Мы все из него вышли. И об этом надо помнить.

— Помнить о Доме? А чего о нем помнить? Вот он стоит. Никуда не делся. И для такого убожества ты отказался от золотого дворца?!

Как прошумел ее шлейф! Исчезла. А может, правда улетела на метле? Очень похоже... Но снова стало тихо. И опять видны огоньки Дома, слышен плеск озера. А на берегу озера кто-то сидит. Какой-то босоногий мальчишка в заплатанных штанах. Сидит на пучке соломы... Спит, что ли?

— Спишь?

— Нет, не сплю.

— А почему у тебя глаза закрыты?

— Потому что я живу в двух мирах. С открытыми глазами — в одном, а с закрытыми — в другом. Когда я закрываю глаза, я вижу такое!...

— Что же ты видишь?

— Этого рассказать нельзя. Вот закрой глаза, и если у тебя есть что-нибудь заветное, то, что ты помнишь постоянно, — ты, может быть, это увидишь.

— Есть ли у меня что-то заветное... Еще бы!

— Ну тогда закрой глаза!

И Том закрыл глаза и перестал видеть этот мир.... И вдруг услышал далекую музыку. Удивительно знакомую, родную. Эта музыка как будто светилась. Ну да, из озера поднималось свечение. Какое свечение! То самое! Его ни с чем не спутаешь. Но... ведь оно ни от чего не отражалось. Света в его глазах не было. Они были закрыты. Значит, оно само по себе где-то есть. Есть и все. Но — ничего больше нет. Дома нет. Да и от озера остался только легкий туман. И — земли под ногами нет. Он почувствовал, что завис в воздухе., вздрогнул и — открыл глаза.

Свечение исчезло. Но и Дома тоже не было. Его такие близкие светящиеся окошки, где они? Вокруг был черный ночной лес. И где-то высоко в небе зажигались звезды. Они просвечи-

вали в ветках деревьев, мерцали, манили. И вдруг он почувствовал, что это и есть окошки Дома, что ему только казалось, что они близко. На самом деле они далеко, бесконечно далеко. Как звезды. Так это только казалось, что я подхожу к Дому! Вот почему он никогда не открывался! Он был далеко, так бесконечно далеко... Разве можно дойти до звезды?! Значит, до Дома дойти нельзя? Никогда?!

Как ждалось у него сердце! Какая тоска навалилась! И вот тогда-то внезапно послышалась знакомая с детства песенка и высветилось в темноте доброе лукавое лицо и шапка с помпончиком.

— А я что-то знаю...

Знает, конечно, знает. И знание это пересекает отчаянье, как луч темноту. Друг детства, самый верный на свете, с детским именем Помпончик.

— Ты здесь?

— Ну конечно.

— Ты пришел на помощь?

— Разумеется.

— Ты что-то знаешь... Но вот что? Ты когда-то пел:

Среди темных веток
Щелочка сквозная,
Загляни, увидишь
Звездочку свою.

Вот я и заглянул. И увидел. Я даже знаю, что такое счастье. Но я знаю, что до него не дойти. Оно далеко, как звезда.

— А кто тебе сказал, что до звезды нельзя дойти?

— Ну это же очевидно.

— Для тебя было очевидно, что Дом рядом. А оказалось, что он очень далеко. Очевидность обманывает. А теперь ты видишь не только глазами. Твое сердце стало зрячим. И ты увидел, что Дом очень далеко. Как звезды. И ты можешь теперь начать путь к звездам.

— Разве это возможно?

— А разговаривать со звездами возможно? Ты что, забыл, что есть те, кто разговаривает со звездами? Сидят тихо-тихо. Друг с другом не говорят ни слова, а только со звездами. Ты же их знаешь.

Том заволновался. Ну конечно, он их знает. Как же он мог их забыть?!

Но ведь если можно разговаривать со звездами, значит, расстояние преодолимо?

Странное дело — звезды уже не пугали его своей дальностью. Они как будто начинались здесь, в нем самом. Так он почувствовал.

Ведь доходит же их взгляд до самого сердца. Доходит и говорит о том, что мир огромен, что мир бесконечен. Но это не чужая огромность, а своя. Сама душа бесконечна. И вот весь покой звездного неба сошел на него, и тогда он подошел к тихому костру, возле которого сидели те, что разговаривали со звездами. Он ясно расслышал звон со звезды, а в ответ — голос маленького человечка:

Ничего, пойму когда-нибудь,
Почему так трудно и так больно.
Впереди большой, как небо, путь.
Неба — много, времени — довольно,
Ровно столько, сколько надо мне.
Ствол крыла косматые раскинул...
Ведь хватило времени сосне
Вырасти и прошуметь вершиной.
Все равно — сиянье или мрак, —
Расстояние преодолимо.
Только бы идти за шагом шаг
Внутрь себя, а не в обход и мимо.
Тот, кто бросил семя в темноту,
Дал душе посильную задачу.
Вот и я до неба дорасту,
Если только время не растрочу.

«Если только время не растрочу», — повторил Том и вдруг понял, как много он растрачивал времени попусту.

И вот снова звон со звезды и ответ второго:

Тишину измеряют сердцем.
Тишиной измеряют сердце.
Все, кто стихли, единоверцы...

А в Доме ведь и были все, кто стихли. Единоверцы... Ну да, мы все верили Ей одной и еще той удивительной музыке, которая входила в нас откуда-то, и из нас же рождалась.

А между тем третий человек говорил:

Поэзия... Но это, Боже мой,
Такая бесконечная дорога!
Всегда окольная, не по прямой,
А только сквозь все дали — через Бога.
Казалось бы, пути на полчаса.
Но мы идем все дни свои и ночи
С Земли на Землю — через небеса,
И невозможно проще и короче.

С Земли на Землю через небеса... Да, Дом все же где-то на Земле. Но чтобы к нему прийти, надо пройти через все небо. Это было сейчас так ясно! И он был готов на этот путь, хоть совсем еще не знал его. Готов идти в темноте неведомой дорогой, наощупь, храня тишину и прислушиваясь к голосу со звезды.

В тишине превращается в небыль,
Замирает, бездействует грех.
Тишина — это значит, что небо
Всем открыто, доступно для всех...

Так сказал четвертый. Голоса первого и четвертого как-то сомкнулись в круг. Первый говорил:

Впереди большой, как небо путь.
Неба много, времени довольно...

А четвертый:

...Небо —
Всем открыто, доступно для всех...

Том взглянул в огромное звездное небо и почувствовал великое счастье оттого, что оно открыто ему, что впереди большой, как небо, путь.

И он тихо отошел от костра, и один шагнул никуда, в пустоту, на звездный звон. Это звон со звезды или в нем самом что-то звенит от удивительного знания? Он как будто знает путь. Он на верном пути. Он чувствует, что звезда касается его лучами и ведет его к себе. «Вот что значат слова „моя звезда“», — подумал он, и вдруг звон оборвался.

— Идешь? Прекрасно. И я с тобой!

Голос — скрипучий, едкий — раздался совершенно неожиданно рядом и заглушил звездный звон. При тусклом свете можно было видеть только длинный силуэт, знакомый силуэт женщины в платье со шлейфом, напоминавшим метлу. Сейчас он еще больше походил на метлу, хотя она придерживала шлейф рукой с видом чрезвычайной значительности.

— Что тебе надо от меня?

— Как ты невежлив! Я хочу быть рядом с тобой. Я буду твоей тенью, которая забегает вперед тебя и становится между тобой и твоей целью. Ты решил, что расстояние преодолимо? Ну что ж, будем преодолевать его вместе.

Том окаменел.

— Что, не можешь идти? Ну тогда постоим вместе. Вот мой друг, он идет, чтоб составить нам компанию. — Вы ведь пойдете вместе с нами, граф? — обратилась она к какой-то важной фигуре в широкополой шляпе с пером и в больших сапогах. Между ними болтался хвост. «Ни дать, ни взять, Кот в сапогах» — подумал Том.

— Ошибаетесь, княгиня — ответила фигура. — Я друг Тома, я пришел к нему на помощь. — И он помахал перед Томом шляпой. — Том, я принес тебе волшебную иглу. Один укол — и врага твоего нет, как нет. Возьми иглу, и путь свободен.

— Не надо. Оставь ее себе.

— Ты не возьмешь моей волшебной иглы?

— Нет. Я иду в Дом, из которого мы все вышли — и я, и ты, и она. Я ни у кого не могу отнять возможности вернуться в Дом.

— Ты что, думаешь, она когда-нибудь захочет туда вернуться?

— Захочет или не захочет — это ее дело. Но я не должен отнимать у нее этой возможности.

— Так ты что, хочешь, чтобы она шла с тобой?

— О, нет! С ней я не могу идти. В Дом идет только тот, кто хочет туда идти. Она не хочет. И не пускает меня.

— Так что ж ты будешь делать?

Том ничего не ответил, но вдруг прислонился к большому Дереву. И ясно почувствовал, что Дерево *идет*, все время идет с Земли на небо, хоть шагов его никто не слышит, движения никто не видит. А он увидел и услышал.

— Где же он? — спросили одновременно и та, что в платье со шлейфом, и тот, что в шляпе с пером. Тома нигде не было. Было только Дерево и больше ничего.

Он и сам почувствовал, что его нет. Есть только Дерево. Он чувствовал жизнь Древа, как свою собственную, и это была такая радость, какой он не знал с тех пор, как ушел из Дома. Все в нем ликовало от полноты жизни. Но значит, он все же был, раз ликовал. Был, конечно. И все-таки не был. Те, кто были рядом с ним, его не видели. Они стали о чем-то спорить между собой, обвинять друг друга. Том все это видел и слышал, но ему было совсем не до них. Он чувствовал такую легкость, такую свободу, будто тело его утратило вес. И в нем прозвучали слова:

Тот, кто бросил семя в темноту,
Дал душе посильную задачу.

Вот и я до неба дорасту,
Если только время не растрочу.

Не растрочу! — с глубокой радостью почувствовал он. Ведь я сейчас одно с Деревом, а Дерево не растрчивает ни одной минуты. Дерево каждый свой миг — *живет*. И тут он понял, что быть живым — это значит не терять ни одного мига. Ни одного мига — пустого. И тогда не важно, сколько этих миггов ты прожил. Каждый наполненный миг — вечный.

Он и не знает, сколько миггов он прожил, пока не увидел свечение. И какое! Нежный сиреневый свет разливался перед ним, рос, окружал его, окутывал. — Это Она — ясно почувствовал Том. Это отражается свечение Ее глаз. Только в чем? В озере? Но где же озеро? Ничего нет, кроме свечения. Он тонет в свете. Он знает, что этот свет и есть путь, путь большой, как небо. Но если каждый миг — полный, время будет двигаться так же незаметно, как свет. Он плывет, он движется со светом вместе. Он не знает, сколько времени прошло, но вдруг ему страстно захотелось ускорить время, так, чтобы вот сейчас, сейчас же вместо этого всепроникающего свечения увидеть Ее четкий и ясный образ.

— Где ты? — воскликнул он и обернулся. Она появилась перед глазами, но всего на один миг.

— Вот он! Вот он! — раздались голоса. — Наконец-то мы его видим! — И что-то темное, плотное встало между ним и Ею. Свет пропал. Тома окружала полная тьма.

— Где ты? — крикнул он еще раз и услышал в ответ Ее голос. Это было как звон со звезды. Это было бесконечно далеко. Но голос пересек даль и оказался в самой глубине его сердца. Рядом раздались какие-то скрипучие голоса, визги, стремившиеся заглушить Ее голос. Но сделать этого было уже нельзя. Он был в нем. Он пел в глубине его сердца. Огромный покой переполнил Тома, и тогда он увидел во тьме маленькие светящиеся огоньки. Это были окошки Дома. Так близко! Но это не обман зрения. Нет. Такой покой может наступить, только если ты находишься у самого Дома. Он у двери. Но он не стучится в нее,

нет. Он просто запел песню, Ее голосом, который теперь стал его голосом.

Дверь открылась сама собой. На пороге Дома была Она.

— Вот ты и нашел свою песню, песню, открывающую двери Дома!

— Так это моя или твоя песня?

— Она ничья. Она принадлежит тому, в чьем сердце поселится. Тот, кто поет ее, дарит всем другим. Смотри, сколько людей ты привел в Дом!

— Я привел?!

Она ничего не ответила, только ввела его в Дом. И за ними в дверь входили и входили люди со светящимися глазами. В Доме помещались все. Это только снаружи он кажется маленьким. Тот, кто увидит его изнутри, поймет, что он огромен, как целый мир. Весь мир становится Домом. И чем больше людей в нем, тем больше простора. Потому что каждый входящий приносит с собой простор. Не отнимает пространство у других, а приносит его.

И все эти люди подходили к окнам Дома и гляделись в озеро. И озеро засветилось так, как будто из него возшло новое солнце...

Казалось бы, пути на полчаса,
Но мы идем все дни свои и ночи
С Земли на Землю через небеса,
И невозможно проще и короче.

Сказка о конце и начале света

О чем молчит зеленоглазый Кот
И старый Леший, закуливший трубку?

А на самом деле — о чем? А о чем молчит лес? А озеро?
Ни о чем?

Неправда. Они молчат о самом важном, может быть — о самом главном в жизни. Но кто же про это знает?

В лесу, возле озера, не было никого. Но... в ветках поблескивали два больших глаза, глубоких, как само озеро, и задумчивых, как деревья, склонившиеся на них. Это был, конечно, Оль, все тот же Оль, которого всегда можно было здесь встретить (если сумеешь заметить его). Он-то хорошо знал, о чем молчит зеленоглазый Кот и старый Леший, закуливший трубку. И о чем молчат деревья. И озеро. Знал, потому что молчал вместе с ними.

В ветках деревьев запутались звезды. В лесу стояла великая тишина. И Том почувствовал, что ее нельзя прерывать ни за что. Но как же узнать, о чем они все молчат? И он решился подойти к Олю тихо-тихо и шепотом спросить его: — О чем? Ты знаешь, о чем они молчат?

Оль повернул к нему свои широко открытые, глубокие, немигающие глаза, в каждом из которых, казалось, застряло по

звездочке, и сказал тоже очень тихо:

— А ты помолчи вместе с нами, тогда сам узнаешь. Ты что, уже забыл, как молчал со мной?

— Нет, не забыл. Это было удивительно хорошо. Но...

— Что «но»?

Том замялся. Он знал, что молчать надо будет долго, может быть, до старости... А ему надо знать сейчас и еще рассказать кому-то. Ему это очень надо. И не только ему.

Подумав, он ответил:

— Был когда-то мудрец, который сказал: «Знающие не говорят, говорящие не знают», но он же все-таки говорил, хоть и знал. Есть же такие особенные слова, которые могут не нарушать тишины.

— Да, есть, — прошептал Оль. — И если ты способен их понять, то слушай: мы все молчим о конце и начале света.

— О конце и начале света? — удивленно переспросил Том. — О конце — это я понимаю, сейчас кто только не говорит о конце света. Год кончается, тысячелетие вот-вот кончится. Многим кажется, что свет кончится. Но о начале? О начале никто не говорит.

Глаза Оля мягко сверкнули.

— А тогда чего же говорить о конце, если не знать о начале? Тогда все — пустое. Разве ты не знаешь, что было в начале, Том?

— Вначале было Слово.

— Ну да, так написано в Священной книге. И еще, что это Слово был сам Бог.

— Да, так нам говорили.

— Но Божье слово — это свет. В начале Бог сказал: Да будет свет! И стал свет. Ты когда-нибудь задумывался о том, как появился свет?

— Нет, не задумывался. Он, мне кажется, всегда был.

— И ты, тебе кажется, всегда был?

Том молчал. А Оль продолжал:

— Но ведь что-то было в начале. В самом-самом начале, когда еще ничего не было. Кто-то сказал: «Да будет свет!» И свет стал. Понимаешь ли, кто-то опять должен сказать: «Да будет

свет!» И тогда... тогда свет, даже если и кончился, начнется снова.

У Тома закружилась голова и часто-часто забилось сердце. Действительно, эти слова не так просто понять. «Бог сказал» — это пропечатано, и все тут. Оль сначала так и говорил, а потом: «Кто-то сказал, и кто-то должен повторить...» Кто кто-то? Ведь не человек же?

— Ты думаешь, человек совсем ни при чем? Бог все делает без человека и за человека? Приходи на готовенькое?

— Но...

— То-то и дело, что «но». Человек ведь создан по образу и подобию Божьему.

Что-то это напомнило Тому. Ведь Она когда-то говорила, что ищет подобных себе. И ведь нашла как будто. Или это каждый раз надо находить снова?

— Но... — опять пробормотал он.

Оль снова что-то ответил. Слова шли друг за другом. Вопрос. Ответ. Опять вопрос. Но все они не нарушали тишины. И тайны не нарушали. И вдруг...

В лес ворвался ослепительный свет. Именно ослепительный. Он не осветил, а ослепил все, как непрошенный луч прожектора, который как бы срывает покров с тайны, раздевает, оголяет. Гладкие поверхности сверкали, затмевая всю глубину. Лес сделался каким-то плоским, полным острых углов, совсем не таинственным и... очень страшным.

Вслед за светом прогремел голос, от которого все задрожало: и деревья, и сердце Тома.

— Чушь! Все, что вы говорите, — чушь. Бог есть Бог. А человек есть человек. Человек никогда не сможет сказать: «Да будет свет!» Никто, кроме меня, Светоносного ангела, этого сказать не может. Я — Владыка света.

Тому показалось, что сейчас этот прожектор и голос его расплавят и раздавят, как раздавили тайну и тишину. Вот-вот, сейчас. Но... страшный голос оборвался на полупhrазе, на полуслове. Кажется, он успел сказать «Я Владыка све...» — и все. Лес опять стал тихим и засиял своими таинственными огнями, ко-

торые отражались и поблескивали в глазах у Оля.

— Это ты его прогнал? Ты сильнее его?

— Я не мерюсь с ним силой. Просто он не выносит тишины. Если тишина становится полной, он задыхается, гаснет и замолкает. Мы с тобой слишком долго говорили. Мы не нарушали тишины, и все-таки ее стало чуть-чуть меньше. Тебе незаметно, но я-то знаю... Вот он и смог подойти. Но я снова вошел в тишину, которой он не выдерживает. Тот, кто входит в такую тишину, может обрывать его на полуслове.

— А он в самом деле владыка света?

— Ну нет. Настоящим светом он не владеет. Свет у него искусственный. Но этот искусственный свет сейчас правит нашим миром.

— А как от него избавиться? Как сделать так, чтобы он не правил миром? — спросил Том.

— Тише, Том. Ты задал слишком много вопросов. Ты забыл, что на вопросы «как», «когда» и «почему» волшебники не отвечают.

— А ты, конечно, волшебник...

— Волшебник я или нет, но я знаю, что такое волшебное молчание. Все ищут волшебных слов, но есть еще и волшебное молчание, и только из него рождаются волшебные слова. Больше я тебе ничего не скажу.

***

Вот о чем вспоминал Том, лежа в постели в своем доме со светящимися окошками. Он был вчера поздним вечером в лесу и беседовал там с Олем, косматым, как деревья, и добрым, как мягкая трава и теплая вода в озере. Там было что-то очень хорошее, но и очень страшное тоже. В сердце осталась и радость и тревога. Но тревога постепенно проходила. Выходило солнце, и он знал, что скоро увидит Ту, которую любит больше всего на свете. А с Ней так спокойно! Когда Она рядом, так ясно, что свет этот наш, любимый, тихий, никогда не кончится. То есть кончится ночь, будет утро, и день, и вечер, а потом взойдут звез-

ды... Нет, свет никогда не кончится, раз есть Она, которая никогда не кончается. Ведь Она очень старая. Все это знают. Она была тогда, когда еще страны нашей не было. Но разве Она — старая? Она девочка, такая же юная, как это утро, как этот цветок, только-только раскрывшийся. Ее так и зовут часто: Девочка-Цветок. Когда Она рядом, то ясно, что ничего плохого случиться не может. Не может и все. Такая радость, когда Она рядом!

— Девочка моя!

— Здравствуй, Том! У тебя была какая-то тревога? Ты о чем-то хочешь меня спросить?

— Да. Послушай. У Оля есть волшебное молчание. А у тебя — я знаю — волшебные слова. Ведь всем известно, что наш город и вся наша сказочная страна появились по твоему волшебному слову. А лучше нашей страны нет ничего на свете. И она будет всегда, потому что ты есть всегда. Ты ведь никогда не кончишься?

Она молчала.

— Ты слышишь меня? Почему ты молчишь, как Оля? Ты ведь так хорошо умеешь говорить. Ты же знаешь волшебные слова.

Она продолжала молчать.

— Ответь мне, пожалуйста, — ты ведь никогда не кончишься? Скажи... никогда?

Она посмотрела на Тома и проговорила:

— Я уже много раз кончалась. Только ты этого не замечал, потому что я умела все начинать сначала. И ты этому должен научиться.

— Я?!

— Ну да, ты.

Ой! Опять этот прожектор и этот гром.

— Никогда! Никогда ни один человек не научится этому! Никто не владеет светом, кроме одного ме...

Голос или вернее грохот прервался на полуслове, как и тогда в лесу.

— Ну конечно, раз Оля умеет его останавливать, то и ты то-

же, — пролепетал Том.

— А ты все еще дрожишь?

— Д-да... Мне не по себе.

— Скажи, а тебе это ни чуточки, нисколько не нравится?

— Нравится — *это*?!

— Ну да, я знаю, что тебе это нравиться не может. А ведь многих это завлекает. Такая яркость, мощь!

— Для меня это, как будто смерть приходит. Вот-вот и убьет.

— Да нет, не бойся. Если тебя это не привлекает, то ничего с тобой не сможет сделать тот, кто называет себя владыкой света. Даже если и убьет тебя, ничего с тобой сделать не сможет.

— Как это — даже если убьет?...

Она ничего не ответила. Она как будто слушала что-то в себе и не глядела на Тома. А потом подняла глаза и спросила:

— Ты знаешь, чем отличается настоящий свет от искусственного?

— Ну как же не знать! Настоящий свет — это самое хорошее, а искусственный — самое плохое.

— Это, может быть, так и есть, но знаешь, многим кажется совсем наоборот.

— Неужели?

— Представь себе.

— Ну тогда я скажу вот как: настоящий свет таинственный. У него есть тайна. А у искусственного — никакой.

— Это ты точно сказал. Вот тебе и надо познать эту тайну. Тайну живого света. Это непросто, Том. Это твоя задача. И знай: чтобы ни случилось с тобой или со мной, ты не должен отвлекаться от своей Задачи. Ты должен познавать тайну света. Всегда познавать. Вот сейчас начнет заходить солнце. Не спеши зажигать лампу в своем домике. Следи, как свет приближается и приближается к земле, как последний луч потонет в озере (или в море, которое по ту сторону леса). Ты почувствуешь, что что-то понял. Но это еще только самое начало. Потом взойдут звезды и тоже начнут что-то говорить тебе. Ночью ты заснешь, конечно. Но хорошо, если проснешься рано, с первыми птицами и увидишь, как светлеет небо, как звезды гаснут, и занимается за-

ря... Иди, Том. И помни: что бы со мной ни случилось, у тебя есть своя задача.

***

Когда солнце опускалось все ниже и ниже, ему казалось, что свет входит прямо в его сердце. И вот чуть-чуть еще, совсем немножко, и — он узнает тайну. Но он не успел. Свет погас. На небе зажглись звезды. И звезды звали его очень далеко. Но путь этот казался ему знакомым. Он совсем не страшил его. Казалось, что когда-то он уже доходил до звезд, расстояние не такое уж непреодолимое. Нет, нет! Вот еще немножко, еще чуть-чуть... Но тут он заснул, а когда проснулся, небо начало светлеть, звезды погасли и занялась утренняя заря. И тут произошло что-то совсем неожиданное. Зазвучала музыка, такая тонкая, такая нежная и светлая, что он понял: она родилась из света.

Настоящий живой свет рождает музыку — вот что он понял сейчас, и ему показалось, что он понял тайну света. И такая радость переполнила его! Пойти к Ней. Скорей к Ней и сказать, что он узнал сейчас. Донести до Нее музыку света, которая звучит в нем.

— Девочка моя! Моя любимая! Послушай! Я спою тебе сейчас мелодию, которая родилась из света. Настоящий свет рождает музыку. Ты, конечно, это всегда знала. Но теперь и я знаю. Девочка моя! Мой Цветок!...

— Минуточку, минуточку... Мое почтение.

Перед Томом вырос кто-то в огромных сапогах, в бархатном камзоле и широкополой шляпе. Он снял шляпу и изогнулся в низком поклоне, почти волоча шляпу по земле. Когда распрямился, стали видны огромные усы и зеленые глаза. Кот в сапогах, который изо всех сил хотел выглядеть человеком, и очень важным. Еще бы! Ведь он был приближенным лицом самого Правителя.

Том хотел пройти. Усатый вельможа мешал ему. Тому так нужно поскорее к Девочке-Цветку, которая куда-то подевалась и не откликалась на его зов.

— Простите, мне надо идти, — сказал он Усатому; но не тут-то было.

— Я лучше знаю, куда Вам надо идти, — отпарировал Кот в сапогах, — Вы сочинили сейчас некую мелодию, но вот вопрос: прославляет ли она нашего Господина?

— Какого Господина?

— То есть как, какого?! Нашего Правителя, Владыку света!

— Да уж, как же! Он не намерен прославлять нашего прославленного Владыку! Мне это точно известно.

Это сказала долговязая женщина в юбке, кончавшейся огромным шлейфом. Голова ее была покрыта каким-то красным платком, а в руке она держала палку. А может быть, палка и шлейф вместе были просто большой метлой, на которую она уселась верхом, а эта важная дама была обыкновенной Бабой Ягой?

«Как всем хочется казаться солидными людьми», — подумал Том. И все это соседство ему ужасно не нравилось. Ему даже показалось, что он забудет мелодию, не донесет до Нее.

— Пожалуйста, пустите меня. — взмолился он.

— Пустить?! Как же! Да мы все знаем про тебя. Ты из тех, кто полагает, что у света есть тайна. А наш Господин учит, что свет и тайна несовместимы. Тайна прячется во тьме, а свет нашего Правителя ее разоблачает. Он, видите ли, сочинил музыку. Да знаешь ли ты, что такое настоящая музыка, прославляющая нашего Владыку? Оркестр! — И Баба Яга взмахнула своей палкой, которая — Том мог бы поклясться в этом — была метлой и ничем другим.

И грянула музыка. Музыка?! Лязг. Грохот. Не лад, а разлад, не строй, а расстройство. Но какой грохот, какой натиск! Какая ярость!

Том почувствовал, что выдержать этого он не сможет. Эта «музыка» хлестала его, как бичом, сметала с земли. Он силился позвать Ее, но разве в этом громе можно было расслышать его голос?

Что же Она-то? Она! Разве Она не слышит, что здесь делается? Она ведь могла останавливать их на полуслове, на полу-

звуке.

Тома охватило отчаяние. Но... Господи, кто это сумел все прекратить? Снова тихо. Ти-хо...

Снова можно дышать. Да ведь, оказывается, целый день прошел. На небе уже звезды. Вокруг деревья... Такие спокойные... В их душу, в их тайну никто не врывается. Она целехонька. Такая огромная, такая бездонная... Он огляделся. И тут увидел в темноте маленькое светящееся личико и расслышал с детства знакомую песенку:

А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
Знаю и пою!

— Помпончик!

— Он самый!

— Так что, ты можешь останавливать их, как Она и Оль?

— Выходит, что могу. А ты сам почему не можешь?

Том пожал плечами и ответил:

— Наверное, потому, что ты что-то знаешь, а я еще нет. Мне казалось, что я столько узнал, но оказалось, что этого так мало!

— Ну да, ты еще не набрал тишины. Не посидел у костра с нашими братьями гномами.

— Не посидел.

— Ну так в чем же дело? Посиди.

И Том увидел костер в лесу. У костра, как всегда, сидели четыре гнома (а может, где-то прятался пятый? Так ему показалось). Время от времени гномы подбрасывали поленья в огонь. С ними говорить было нельзя. Он это знал. Они сами друг с другом не разговаривали. Только со звездами. Когда тишина будет такой полной, что можно будет слышать звон со звезды, один из гномов ответит на своем особом языке, который понятен звездам, деревьям и еще очень тихому сердцу.

Звон со звезды. Вот он... Он действительно слышен. И — ответ первого гнома:

И вот в тиши открылось мне,
Что только на одной струне
Мир держится. Жизнь продлена,
Пока звенит одна струна.

Одна струна... Он ее слышал сейчас. Звон ее длился и длился и как будто шел через него, Тома, через сердце...

А гном продолжал:

И звон идет сквозь все сердца
В простор, не знающий конца.
Как бы у Господа в руке
Висим на тонком волоске.
И он способен удержать
Земную ширь, морскую гладь,
Небес раскинутых простор
И тяжесть ледниковых гор.
Вот только б дух наш стихший мог
Сберечь тончайший волосок...

У Тома перехватывало дыхание. Он вдруг почувствовал, что огромное небо и самая маленькая звездочка так тесно связаны друг с другом... Маленькая звездочка или маленькое сердце. Или что-то еще меньше, самое незаметное — внутри этой огромности. И все мироздание зависит от чего-то самого незаметного... Он поднял глаза к небу, как гномы. И — снова звон со звезды. И — ответ второго:

Огромно небо! Человек так мал!
Между людьми — зияющий провал
Немого неба. И в другую грудь
Через все небо пролагают путь.

Да, да, надо пройти через все небо. Это он уже понял. Чтобы дойти до чьего-то сердца, надо обнять всю эту огромность. Ему кажется, что он летит... Полет — кружение, полет — приближе-

ние к самому себе из такой дали! Так он был вдали от самого себя? И не знал этого?

И еще — звон со звезды. И голос третьего гнома:

А свет какой! Какой здесь свет!
Мир истончился. Больше нет
Препятствий. Все насквозь отверсто,
И тихо высветилось сердце.
И оказалось, что оно
И дарит свет. Давным-давно.
С рожденья мира сердце светит,
Да только кто его заметит?
Его светящее тепло
Вселенским телом проросло.
И сколько нам ни говори,
Что близок Бог, что Он — внутри,
Он незаметен. Нет и нет.
Но этот все пронзивший свет...

Том совсем замер. Он знал: сейчас ему откроется что-то самое великое, самое нужное и простое, как эти поленья в костре, от которых нельзя оторвать глаз. Кажется, это была первая бессонная ночь в его жизни. Вся ночь — у костра. Спать? Да как же может прийти сон, когда так переполнено сердце? Так вот что такое — бессонный дух...

И снова — звон со звезды. И — голос четвертого:

Как упорна она, как давно
Мысль простейшая бьется во мне:
Я — никто. Я лишь только окно.
Я пробоина в плотной стене.
Только плотность стены прорубя,
Только после великих потерь
Понимаю: я — выход в Тебя,
Я — к Тебе приводящая дверь.
С целым миром окончился спор.

Я — никто. Обо мне позабудь.
Я — лишь вход в бесконечный простор.
Только вход, только дверь, только путь.

А звезды между тем начали меркнуть. Занималась заря. От костра оставались одни уголья. Казалось, гномы совсем замолкли. Но вдруг с далекой голубоватой звездочки раздался еле слышный звон и пятый гном (он все-таки был здесь) прошептал в ответ:

Бог перед нами так же растворен,
Как этот побледневший небосклон.
Но чтоб меж нами стерлись все границы,
Нам надо точно так же раствориться,
Раскрыть всю душу и сойти на нет,
Чтобы от нас остался чистый свет.

И вот — ни костра, ни гномов — одна Заря. Но какая! Неужели... (Том вздрогнул) — заря — это то, что осталось от них в этом мире? Никогда, никогда он еще не видел такой зари! Так вот это что:

Мир истончился. Больше нет
Препятствий. Все насквозь отверсто,
И тихо высветилось сердце.

Сердце... сердце... Огромное сердце мира. Тайное, спрятанное у мира в груди...

И оказалось, что оно
И дарит свет. Давным-давно.
С рожденья мира сердце светит,
Да только кто его заметит?

Он ЗАМЕТИЛ!!! Свет исходит из Сердца! В центре мира — светящееся Сердце. Свет настоящий — тайный, потому и тайный, что нельзя же сердце вынуть из груди. Обнажить — убить. Свет сердца... Свет — это любовь. Свет не только Музыка, он

Жизнь рождает заново, Душу рождает. Любовь, рождающая жизнь, — вот что такое настоящий, живой свет!

Теперь к Ней! К Ней! Разве он не решил задачи? Разве не познал тайны света?

Он сиял так, как будто всю зарю вобрал в себя!

А солнце уже было высоко. Заря отгорела. Он вышел из леса и приближался к своему родному сказочному городу. У этого города было много имен: когда-то его называли Страной Детства, когда-то — Селением говорящих птиц и зверей. Важно было одно: это то, что возникло по Ее воле; это — Ее создание. Как он любит здесь каждую мелочь! Какое здесь все родное! Каждое окошко в разноцветных домиках, каждый ручной зверь, каждая птица. Каких только птиц здесь не было! Какие расцветки, какие голоса! А вот и гном, живущий в хрустальном гроте. Гном-предсказатель. Он всем предсказывал будущее и ему предсказал когда-то, что он, Том, будет светиться ярче, чем тот хрустальный грот. Ну вот и сбылось предсказание. Только... только почему же сам хрустальный грот как-то потускнел? Погас. Не светится... Странно. Он сейчас только заметил, что все потускнело. И даже маленькие золотые кони с золотой каретой, которые могли умчаться в любую мечту и даже на воздух подняться, даже и они стоят понурые, никуда не рвутся, не зовут, — точно замерли. Что это? Почему птицы не поют? И почему Белая Лебедь, плывущая по озеру, поникла головой и опустила крылья? И — главное, где же, где же Она?! Девочка моя! Мой волшебный Цветок!

— Ах, Том — сказала Белая Лебедь и посмотрела на него одним бесконечно печальным глазом.

— Ах, Том — сказал белый пушистый Медвежонок, про которого напрасно думали, что он игрушечный. Он был совершенно живой, и Тому даже иногда казалось, что и он что-то знает, почти как Помпончик. Но он сказал только: «Ах, Том...» и больше ничего не сказал. У Тома перехватило дыхание.

— Где Она?

— Ах, Том! — только и повторил Медвежонок, и слезы закапали часто-часто из его глаз. — Ее нет. Ее не было уже тогда, в

тот последний раз, когда ты приходил из леса. Только они так оглушили тебя, что ты не успел этого понять.

— Что случилось? Говори!

— Они пришли, вот те, слуги Правителя, схватили Ее и увели.

— Этого не может быть! Она умела останавливать их на полуслове.

— Да, конечно. Но они сказали, что если Она это сделает, Правитель тут же казнит всех своих слуг, а заодно всех нас. Нас просто не будет. Мы-то не умеем останавливать его на полуслове.

— Но Она ведь всех защищала!

— Она могла это до поры до времени. Она должна была научить нас самих защищаться. Но Она не успела. А может, еще почему-то. Но только Она дала вести себя, чтобы были целы все мы.

— Так где Она? У них в плену?

— Нет. Говорят, Она ушла из их плена. Но и у нас не появилась. Она шагнула в Бездну.

— Как это — шагнула в Бездну?

— Ну, я не знаю как. Знаю только, что настала полная тьма, и Она шагнула в темноту. Нам показалось, что мы все сейчас утонем во тьме. Но это только на миг. А потом во тьме что-то засветилось. В самой глубине. Вроде маленькой звездочки. И все стало так, как раньше. Как будто бы ничего не случилось. Все на своих местах. Свету почти столько, сколько было. А Ее нет. — Мишка замолчал.

***

Солнце уже давно зашло, и над городом горели звезды. Одно за другим гасли окошки в разноцветных домах. И вот уже ничего не стало видно... кроме огромного звездного неба над морем, у которого Том неизвестно как очутился. Было очень тихо и совершенно пустынно. Он стал всматриваться в какой-то провал между двумя дальними звездами. Чем глубже всматри-

вался, тем темнее становилось. И вдруг — одна темнота. Стало даже все равно, закрыты или открыты глаза, — такая темнота. Но темнота звала.

И он шагнул в темноту. Никакой опоры. Ничего под ногами. И ухватиться не за что. Бездна. Но... он держится... Держится! Не падает. Не погиб. Жив! И вдруг его охватило такое ликование, что он стал светиться сам изнутри, как звезда. В нем, из него рождались свет и звон. И где-то там, на далекой земле, тихий гном у костра слышал звон со звезды и ответил ему:

Огромно небо! Человек так мал!
Между людьми — зияющий провал
Немого неба. И в другую грудь
Через все небо пролагают путь.

Только теперь он понял эти слова до конца и вдруг увидел другую самосветящуюся звезду. Она была бесконечно далеко. Но что это значит — бесконечно далеко? Разве есть расстояния для света? Если протянуть луч, то он в мгновение ока пройдет путь, который тело проделывает всю жизнь. И снова ликование, превращающееся в долгий звон, и — ответ гнома с земли:

Как бы у Господа в руке
Висим на тонком волоске.
И он способен удержать
Земную ширь, морскую гладь,
Небес раскинутых простор
И тяжесть ледниковых гор.
Вот только б дух наш стихший мог
Сберечь тончайший волосок...

Волосок, на котором все мы держимся. Только здесь, в бездне, он до конца понял, что значат эти слова. Все мы держимся на тонком волоске, проходящем через сердце. Все звезды, все души — на этом удивительном волоске, связывающем в одно всех и вся.

И вдруг где-то вдали, в глубине, прорезался свет.

Это было что-то невиданное, голубовато-розовое, прозрачное, совсем прозрачное. Легкое и твердое в одно и то же время. Светящаяся прозрачность. Ледяная, светящаяся пустыня, отражавшаяся в зеркалах, умноженная зеркалами. Бесконечно тихая.

Внезапно он различил среди льдов высокую женскую фигуру, совершенно прозрачную, с серебряной короной на голове. Она протягивала ему не то руки, не то лучи. Он весь потянулся навстречу, но вдруг женщины в короне не стало видно. Что-то плотное и темное выросло между ним и ею. И раздался голос: «Ты победил. Ты сумел, как мы, Светоносные, шагнуть в бездну и держаться в ней, ты заслуживаешь награды. Здесь я ничего не могу дать тебе. Но здесь нельзя оставаться всегда. Ты придешь на землю, в мои владения, и я награжу тебя по-царски. Я разделю с тобой мои владения, ты будешь совладкой света.»

Том вздрогнул. Наконец он ясно видел того, кто до сих пор только ослеплял и оглушал его и никогда не являлся перед глазами. Но ни сверканий, ни грохота. Он здесь совсем не страшный. Было только досадно, что он закрыл собой прозрачную пустыню и светящуюся женщину.

— Отойди, — тихо сказал Том.

— Я предлагаю тебе быть таким же Владкой света, как и я сам.

— Владкой света? Но я не хочу владеть светом. Я хочу, чтобы свет владел мной.

Тонкий тихий звон продлил эти слова, и в ответ раздался голос с земли:

Как упорна она, как давно
Мысль простейшая бьется во мне:
Я — никто. Я лишь только окно.
Я пробоина в плотной стене.

— Никто? Никто? — повторил плотный и темный. — Неужели ты не хочешь быть самым первым? Самым главным? Неужели можно сказать о себе «Я — никто»?

Том улыбнулся. — Это так просто!
И его голос слился с голосом гнома:

С целым миром окончился спор.
Я — никто. Обо мне позабудь.
Я — лишь вход в бесконечный простор.
Только вход, только дверь, только путь.

И — нет плотного и темного. Есть только огромная прозрачная пустыня и прозрачная женщина в серебряной короне, которая протягивает ему не то руки, не то лучи. Она заговорила, и голос ее был как хор серебряных колокольчиков. «Светоносный», — сказала она и ее губы дрогнули в улыбке. — «Он продолжает называть себя Светоносным, но ты видел, какой он темный. В нем уже нет Света. Он только крадет его и этим держится. С тех пор, как он украл Искру Божию и назвал ее своей, с тех самых пор я стою здесь и охраняю Источник Света. Я — Хранительница Источника, Королева Волшебных Зеркал, Хрустальная Владычица. В мое владение могут войти только прозрачные, только те, у которых нет ни-че-го...»

И тут до Тома донеслись слова того последнего гнома у костра, которого он сначала даже не заметил:

Бог перед нами так же растворен,
Как этот побледневший небосклон.
Но чтоб меж нами стерлись все границы,
Нам надо точно так же раствориться,
Раскрыть всю душу и сойти на нет,
Чтобы от нас остался чистый свет.

— Чтобы от нас остался чистый свет... — повторил шепотом Том. И услышал хрустально серебряный звон:

— Входи!

И он вошел в страну прозрачных, в середине которой был Источник Света.

Вот где он встретился с Ней! Вот какое блаженство он смут-

но предчувствовал всю свою жизнь, но все же никогда, никогда не мог себе представить ясно... Он думал, что потонет в своих слезах, но они стекали прямо в Источник Света и так сверкали, что каждому, кто увидел бы это сверкание, стало ясно, что свет никогда, никогда кончиться не может, что тайна света гораздо глубже всех концов. Она бесконечна.

— Том!

— Ты!

— Ну вот, ты можешь теперь все начинать сначала. — Это сказала Она. Она была рядом.

И больше ему ничего не надо было. Ни-че-го не хотелось. Только бы все было так, как сейчас...

— Что ты, Том, — тихо сказала Она. — Ты забыл тех маленьких, ради которых я столько раз шагала в бездну. Ты ведь знаешь теперь, как это непросто. Они так ждут нас с тобой! Мы должны вместе выйти отсюда и шагнуть в полную тьму. И на этот раз не я, а ты скажешь: «Да будет Свет!»

***

И так оно и было. Это оказалось возможно. И — все началось сначала. Как засверкал хрустальный грот, точно нес отблески самого Источника Света! А птицы! Как они запели — точно знали тайну бесконечности и открывали ее всем. Может быть, хоть кто-то услышит их так, чтобы не забывать никогда.

А золотые кони ударяли копытами в землю, из-под копыт вылетали целые фейерверки огня, но ни в какую мечту они не уносились, потому что здесь было лучше.

Белый пушистый Медвежонок был сейчас совершенно уверен, что детство никогда не кончится. Кое-кто говорил ему, что он неправ, но это не имело никакого значения.

— Пусть твоя радость никогда не кончится, — сказал ему прозрачный Ангел. Он залетел в этот мир, но остался совершенно прозрачным, поэтому все смотрели сквозь него и его не замечали. Только иногда он вдруг как-то особенно светился и что-то говорил. Вот и сейчас сказал Медвежонку: — Пусть твоя

радость никогда не кончится. Но она будет нелегкой радостью. Вам предстоит большая работа. Ведь надо растить Его — и Ангел показал на ясли, где лежал самый-самый маленький, только что родившийся.

— Да. И это бо-ольшущий труд! — сказала Она. — Но все равно — с новорожденной Радостью! С Рождеством! С Новым Годом!

Кто зажигает звезды?

В густом лесу мохнатый зверь живет...

Ну да, живет. Здесь все мохнатое, косматое, запутанное и ... таинственное. И в то же время спокойное. Удивительно спокойное. И покой прибывает, как вода весной. Покой и глубина. Идешь по лесу, а покой прибывает и прибывает. И, наконец, — половодье покоя. — Такое чувство, будто ничего никогда не случается и случиться не может. Все — навсегда.

И тут становится заметным Оль. Старый, добрый, задумчивый Оль, который сидит на дереве ВСЕГДА.

— Здравствуй, Оль.

— Здравствуй, Том.

— Говорят, год прошел, а может, и век, а может, тысячелетие. А мне кажется — ничего не прошло. Все, как всегда. Только... Кто это? Вот его я раньше не видел...

— Ну да, он здесь в первый раз. Это мой друг.

— А кто он такой?

— Спроси сам.

— Послушай, ты кто? — обратился Том к маленькому странному существу, у которого был один глаз, одно ухо и вообще непонятно было, кто же он — пенек или человек...

— Я кто? — отозвалось существо. — А ты сам кто?

— Я? Я — Том. Меня здесь все знают. А тебя — никто.

- Ну, а я — Половинка. Теперь ты знаешь, кто я?
- Признаться, не очень.
- Ну и я не очень знаю, кто ты.
- Как не знаешь? Я — Том.
- Ну вот, заладил: Том, Том, ну и что, что Том? А дальше-то что? Ты сам-то себя знаешь?

Том пожал плечами.

— Ну, конечно, ты уверен, что знаешь. Ты ведь такой особенный. Вот в прошлом году сказал: «Да будет свет!» И свет появился. Кто же с тобой сравнится? Одно слово — Том!

— Ну и что, что Том? Эх ты, ничего-то ты не знаешь! Я — особенный! ..Это я-то?! Да я — никакой! Если я даже что-то сделал в прошлом году, то это как будто и не я сделал. Я совершенно не понимаю, как я это сделал. И если мне придется что-то опять делать, то все сначала. И мне кажется, что ничего у меня не получится.

- Да? Ты ни в чем не уверен?
- Ни в чем.
- Неужели ни в чем, ни в чем не уверен? Но есть же что-то в тебе такое, ну... вечное, в чем ты не сомневаешься?

— Есть. Но это не я, а...

— А что?

— Любовь...

— Ага, значит, ты сам не вечный, а любовь у тебя вечная?

— Выходит, что так.

— Ты так выбрал?

— Да ничего я не выбирал. Так есть и все.

— Ну, а если б тебе предложили выбрать одно из двух: ты сам вечный, а любовь твоя — не вечная, или наоборот? Что бы ты выбрал?

— Какой ты чудак! Я — вечный, а любовь не вечная! Ну что же я такое без своей любви? Ноль без палочки.

— Ну, значит, ты все-таки выбрал. Ладно, иди, мы еще встретимся.

***

И Том пошел. Туда, к ней.

Он шел, слегка подпрыгивая и напевая тихую песенку. Удивительную песенку. Он перенял ее у гнома, который сидел у камина, вечно просушивая чулки, чтобы положить в них подарки. Такой славный гном! И песенка его самая лучшая на свете. Если звучит эта песенка, то так и знайте — детство не кончилось. А детство... Детство — это такое время, когда ты чувствуешь, что ты всем очень нужен, ну прямо-таки без тебя люди жить не могут, но ты от этого вовсе не становишься пупом земли. Ничего подобного. Ты даже себя как-то и не замечаешь. Только любовь всех к себе замечаешь. И сам всех любишь так сильно, что всем кажется, что они тоже очень нужны и без них земля не устоит. И людям хочется ходить вприпрыжку и напевать вот эту самую песенку, милее которой на свете нет.

А как хорошо вокруг! До чего же здесь хорошо, в Стране Детства, которую создала Она, его любимая...

— Здравствуй, любовь моя.

— Здравствуй, Том.

— Моя Девочка...

— Твоя очень старая девочка....

— Не все ли мне равно, старая или молодая. Ты же всегдашняя Девочка. Девочка и все. И вот потому-то так необыкновенно хорошо. Твое детство вечное, и наша любовь вечная.

— Да, Том, — вечная и даже, может быть, всемогущая.

Но тут вдруг прекратилась песенка и раздалось глухое покашливание где-то совсем неподалеку. Еще минута, и из-за кустов вышел Кот в сапогах, снял свою широкополую шляпу с пером и отвесил низкий поклон Тому и Старой Девочке.

— Прошу прощения — сказал он вкрадчивым баритоном — я знаю, что некорректно вмешиваться в разговор двух любящих, но... я вынужден это сделать. Видите ли, мы хотим покончить с конфронтацией и враждой, которая так долго длилась между вами и моими Господами, между вами и нами. Наступила другая эра. У нас теперь царство свободы, и нам нужен диа-

лог. Я — посланник моего Господина, его тайный и явный Советник. О, мне хорошо известно, что вы называете меня Котом в сапогах. Но мои друзья обращаются ко мне иначе. Они говорят мне: Ваша депутатская неприкосновенность, или Ваша премудрая гибкость. Впрочем, я против этих церемоний. Но я хотел бы, чтобы вы называли меня попросту Советником, а нашего Правителя... Вы бы очень одолжили нас, если бы перестали звать его Крокодилем. Для нас он — Благородный Дракон. Н-да, хм, хмм... И наша Первая леди с ее сияющим жезлом — это Государыня, а не Баба Яга с метлой. Мы наблюдаем за вами столько лет, что нам ли не знать всего этого? Но мы решили положить вражде конец и постараться отыскать общий язык. Итак, вы считаете несправедливым, что страной нашей правит не эта вечно юная леди, которая, как вы утверждаете, страну создала, а наш Правитель.

Так вот, я хочу разъяснить вам, что иначе не могло быть, ибо управлять страной должен реалист, а не витающий в облаках романтик. Ну как может справляться с земными делами человек, утверждающий, что есть в мире вечная любовь, да еще называющий эту любовь всемогущей?

Том заморгал своими огромными глазами, раскрыл рот и так и застыл. И только через минуту-другую прошептал: — А вы что, считаете, что нет вечной любви?

— Хм... Любовь рождается и умирает, так же, как и все мы. Она свободно мир чарует — и так же свободно уходит. Сердце красавицы, как известно, склонно к измене и к перемене, как ветер мая.

— Но все-таки вечная любовь есть — очень внятно и твердо сказал Том. — Уж это я точно знаю.

— Хорошо. Докажите.

— Доказать?

— Да. Да, вот именно, ясными и внятными словами.

— Но... у меня нет слов для этого. Погодите, а можно вам скажет мой друг? Не словами, иначе, но вы поймете! Сейчас, сейчас...

Том подошел к Белому Зайцу с серебряной скрипкой, что-то

шепнул ему, и Заяц склонил одно ухо в знак согласия и заиграл. Но как! Как, как можно не понять, что только вечная любовь может рождать такие звуки?! И вот ведь, вот это ли не доказательство? Ведь из звуков этих прямо на глазах рождается самосветящийся мир!

— Вы слышали? Вы видели? — прошептал Том, обращаясь к Советнику.

— Слышал, разумеется. Я не глухой. А что я должен был увидеть?

— Так вы не дослушали до конца, до самосветящегося мира?

— Какого такого мира? Я готов признать, что Заяц ваш — классный скрипач, но что это за выдумки с самосветящимся миром? И вообще, при чем тут вечная любовь? Должен вам заметить, что искусство и жизнь — вещи, не пересекающиеся друг с другом.

— Как не пересекающиеся? А Творец этого мира разве не величайший художник?

— Ну, знаете ли... Величайший художник? И он всех любит? И обо всех заботится? И вы это серьезно? Да посмотрите на этих зайчат, которые созданы для того, чтобы их поедали волки. И на волков, которые предназначены для пуль охотников...

А этот Мышонок с тросточкой и цветком за ухом? Он, конечно, очарователен, но когда кончатся деликатесы, которыми наш Правитель кормит котов, от него останется только тросточка и цветок. Да, пока что котам не хочется есть мышей, но... прошу прощения, по закону природы они их едят и есть будут.

Ну, а люди? Как они убивают друг друга! И как мучаются, умирая от болезней, и молят Бога, а он молчит и все. «Живите, мол, как хотите. Я не вмешиваюсь.» И вы так уверены, что Он есть? Любовь вечная и всемогущая!...

Ах, Том, Том, ну что ты мне скажешь на все это? Эта вечно юная леди всегда молчит. Она не удостоивает нас ответом. Но все-таки пора бы и поговорить. Скажи ты за вас обоих.

Советник отбросил все церемонии, перешел на «ты». Он стал даже каким-то грустным.

А Том молчал.

Советник сухо заметил:

— В свободной стране, где вам предлагают диалог, молчать не следует.

— Да, я понимаю, — тихо сказал Том, — но...

— Ну хочешь, я дам тебе отсрочку до утра? Можешь бродить под звездами в лесу, сколько угодно, хоть всю ночь. Ты ведь это любишь, я знаю. А утром дашь мне ответ. Нам необходимо поговорить серьезно и найти общий язык. Иначе... правда за нами, и вы должны будете это признать.

***

И вот Том снова в лесу. В том самом, мохнatom, глубоком и очень тихом. Сквозь ветки просвечивают звезды. Одна, другая, третья... «О, как их много! И какой от них идет покой! Разве могли бы звезды быть так спокойны, если бы не было вечной любви?» — подумал Том и тут же вспомнил про все ужасы, о которых говорил Советник. Про все это он знал, конечно, и сам. Еще как знал! Но вечная любовь в его сердце не становилась меньше, хотя как она совмещается с этим всем, понять ему сейчас было трудно. А ведь надо понять. И надо найти слова.

«А я не могу их найти», — думал Том и ему становилось все тревожнее и тревожнее. «Звездам спокойно, а мне тревожно» — вздрогнул он, и сама собой вспомнилась старая песня:

В небесах торжественно и чудно,
Спит земля в сияньи голубом.
Что же мне так больно и так трудно?...

Вдруг мелькнуло знакомое личико, вздрогнул белый помпчик на зеленой шапочке и раздалось:

А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
А я что-то знаю,
Знаю и пою!

- Помпончик!
- Том...
- Ой, Помпончик, ты всегда приходишь в самую трудную минуту. Но сейчас, кажется, и ты не сможешь помочь...
- Ну да, — сказал Помпончик и продолжил свою песенку:

Среди темных веток
Щелочка сквозная,
Загляни — увидишь
Звездочку свою.

- Да заглядывал я... Но звезды так далеко!
- Так, так... Тебе больно, а они равнодушные, далекие и тебе ничего не говорят. Да?
- Ну да...
- Эх, Том. Когда они были внутри тебя, глубоко в сердце, как отражение их в колодце, тогда они не были ни равнодушными, ни далекими. Но ты оглянулся. Сам из себя наружу выглянул. Вот звезды и стали чужими.
- Как оглянулся? Я не понимаю.
- Ну чего тут не понимать? Оглянулся на Кота и его правду.
- Но ведь Кот правду говорил?
- Да, правду. Но у тебя есть правда поглубже.
- Поглубже?
- Ну конечно. Вот у Орфея была одна правда и другая. Одна правда, что Эвридика умерла. А другая, что ее можно воскресить. Только для этого надо войти в такую глубину! Вот он и пошел. Только ему велели не оглядываться. А он оглянулся.
- Да, оглянулся. А разве можно было не оглянуться?
- Можно. И ты знаешь таких, которые никогда не оглядываются. Ты их забыл из-за своей тревоги. Но ведь знаешь ты их, знаешь... Сколько раз ты сидел с гномами у костра?
- И Том вспомнил маленьких человечков, которые сидели так тихо, что слышали голос звезд. Они никогда не разговаривали друг с другом и ни с кем на земле. Только со звездами. Так вот что значит не оглядываться!...

- Помпончик!
— Да, Том. Вспомнил теперь, куда тебе надо идти?

***

Бывает же так тихо на свете! Так тихо! Потрескивает костер — и ни единого звука. Даже мысли стихают, и вопросы все куда-то деваются. Около костра сидят четыре гнома и подбрасывают поленья в огонь. И важнее этого сейчас ничего нет на свете. Оглядываться по сторонам нельзя. И разговаривать друг с другом нельзя. Иначе пропустишь что-то такое важное! Ведь идет разговор со звездами. Гномы говорят только со звездами. Надо же различить этот тончайший звук в тишине. Звезда окликает гнома — гном ей отвечает:

Только взглядевший в мглу,
Плывший сквозь Лету
Складывать смеет хвалу
Жизни и свету.
Только познав в тишине
Вкус асфоделей,
Помнишь, как в тайной стране
Струны звенели.
Пусть расплескал водоем
Зыбь отраженья —
Образ лови!
Только в пространстве ином
Тихое пенье
Вечной любви.*

Снова тихо. Снова — тонкий звон со звезды. И — голос второго гнома:

С какой любовью мир творится!
Тварь божья... Как ни назови —

* Р.-М. Рильке. Сонеты к Орфею. Перевод З. Миркиной

Цветок, деревья, зверь и птица —
Мы все родимся из любви.
Как точно к цветку цвет подобран,
Так, как моя душа к твоей.
Как терпеливо, как подробно
Сплетается узор ветвей,
Как бы трепещущая фраза
Из слов таинственных... И вот,
Минуя мысль, минуя разум,
От сердца к сердцу весть идет.
Все та же. В мире все не ново,
Но вечно предстает глазам
Все та же красота, как слово,
Как знак любви, не видной нам...

Тому показалось, что гном говорил что-то еще, но так тихо, что он не сумел расслышать. Пауза продлилась дольше, чем в первый раз, но вот снова звездный звон и — голос третьего гнома:

О вы, блаженные! Влейте в потоки
Воздуха, в струи, текущие ввысь...
Дайте им тронуть, обтечь ваши щеки,
С дрожью раздаться и снова сойтись.
О вы, целители мира! Все стрелы
Гнева и ярости посланы в вас.
В вашей улыбке слеза заблестела,
Светится боль в глубине ваших глаз.
Боли не бойтесь! Вся тяжесть, все горе —
Это земное, оно — для земли.
Тяжкие горы, тяжелое море...
Те деревца, что вы сами сажали,
Выросли, — вы б их поднять не смогли.
Но — эти веянья... Но —
Эти дали!...*

Какое-то великое дыхание вошло в наш мир, пересекло его. И Том беззвучно заплакал, повторяя про себя: «Но — эти веянья, но — эти дали!...»

Вот из этих далей снова донесся звездный звон, и четвертый гном стал ему отвечать:

Подумать о вечном, подумать о Боге.
Вот здесь, на изломе, вот здесь, на пороге
Пустого пространства, разверзшейся бездны...
Пред тем, как пугливые мысли исчезнут,
Почувствовать, ноги от дна отрывая,
Что бездна — творящая, бездна — живая.
Что бездну, раскрывшую вечные глубины,
Ты больше, чем жизнь эту смертную любишь;
Что смысл твоей жизни вот здесь и таится —
В огромности этой, размывшей границы.
Вот в этом призыве надмирного рога
В простор, в никуда — порывание к Богу.
И вдруг донесется до смертного слуха
Сквозь пение волн —
Рокотание Духа.
И ты ощутишь вдруг блаженную тяжесть —
На грудь твою первая Заповедь ляжет.
Тогда заходи внутрь пустынного храма,
Тогда, наконец, ты поймешь Авраама
И новую жертву в молчаньи положишь
На вечно пылающий жертвенник Божий.

Жертвенник Божий... Что такое жертвенник Божий?

И вдруг глазам предстал Огонь, который пронизывал все, но ничего не сжигал. Это был внутренний глубинный огонь. Все, все, что было вокруг — каждый ствол, каждая ветка, каждый листик и каждая иголочка светились изнутри, излучали ни с чем не сравнимое сияние. Все горело — и не сгорало.

И какая непредставимая красота была вокруг! Воистину не-

представимая. Ибо представить себе это было невозможно. Казалось, все то, что глаза видели раньше, было только намеком на жизнь. Мир был только частично живым, на малую-малую дольку, а сейчас он ожил ВЕСЬ. Огромный самосветящийся простор был самой вечной жизнью — и вечной любовью: такую нежность излучало это сияние! Какие переливы!... Сиренево-розовые, зеленовато-белые — они сплетались друг с другом, перетекали одно в другое, обнимались и растекались на сотни струй. И каждая проходила сквозь сердце...

Вдруг до слуха донеслись звуки музыки. Свет и звук тоже сплетались вместе, были чем-то единым. Что было раньше, свет или звук? Вроде бы сначала он увидел свет, но сейчас ему казалось, что свет рождается из звука. Звук был прежде всего. Откуда же он возникал? И тут Том различил где-то в ветвях Гнома-виолончелиста с его большой виолончелью. Гном закрыл глаза. Он играл и плакал, а слезы его зажигались, сверкали и повисали в пространстве ни на чем, как звезды в небе. А в звуки виолончели вплетались звуки скрипки, тонкие серебряные звуки Белого Скрипача. А вот и сам он. Его глаза открыты, но их и не различишь — одно сверкание. Том прежде и не видел зайца — были только глаза, которые вплетались в единое сияние. Но вот там, где сиренево-розовое свечение становится таким нежным, таким истаивающим, что кажется — сердце может не выдержать, там — Она. Она со своей скрипкой, такой же, как у Белого Зайца, но в этом сиянии скрипка поминутно меняет цвет: то сербренная, то голубая, то золотисто-розовая.

А где-то наверху поет флейта. Флейтист невидим. Но весь квартет был так сложен, так совершенен, будто они играли вместе всю жизнь, никогда и ни на кого не оглядываясь, не выглядывая из глубины наружу и не заботясь о том, услышат их или не услышат.

Сердце Тома росло и росло, точно выходило из грудной клетки в огромный простор. Этот простор был всей полнотой жизни. Здесь была жизнь не частичная, не дробная, а ВСЯ,

ЦЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Бесконечность. Бездна. Но — Бездна Творящая, Бездна Живая.

И бездну, раскрывшую вечные глубины,
Ты больше, чем жизнь эту смертную, любишь.
И смысл твоей жизни лишь здесь и таится —
В огромности этой, размывшей границы.

Том плакал, потому что сердце его в нем не умещалось. Оно переливалось через край слезами. О, кто хоть раз вышел за край себя в эту Огромность, в этот Простор, тот, конечно же, пожертвует собой ради этого Простора — пожертвует своей малой частичной жизнью ради Жизни великой, всецелой.

И тут он вспомнил, как когда-то Она, его любимая, вышла одна, совершенно незащищенная — в ночной морозный лес к волкам. С ней была только Ее серебряная скрипочка — и больше ничего. Стая голодных волков и Она. В сказке все хорошо кончилось, но могло быть совсем не так. И Она не знала заранее о хорошем конце. Она была готова на жертву, потому что знала То, что стоит жертвы. Знала, что есть что-то гораздо большее, чем Она сама.

А ведь эта Огромность, этот Простор тоже чем-то жертвует для нас — ясно почувствовал Том. — О, всем жертвует. Он ведь ЖИВОЙ. Он куда более живой, чем мы — этот молчащий, горящий, самосветящийся Простор. Но Он молчит, потому что слова Он отдал нам. Он видит, но не глазами, потому что глаза свои Он отдал нам. Он обнимает, но не руками, потому что руки свои Он отдал нам. Он все, чем можно видеть, слышать, обонять и осязать, отдал нам. Он ЕСТЬ БЕЗО ВСЕГО.

И мы должны отдать ему все. Это и есть вечная любовь.

Вот это единственное, что я могу сказать. Ничего другого не придумаешь, сколько ни думай.

Только тот, кто готов на жертву, узнает, что такое вечная любовь. А тот, кто знает, что такое вечная любовь, обязательно готов на жертву.

С этим он и пришел на то самое место, где вчера разговари-

вал с усатым Советником Правителя.

— Ну что, как ты провел ночь? — спросил его зеленоглазый.

— Как я провел ночь? О, если бы вы знали!

— И ты принес мне ответ?

— Да, конечно, единственный, который только может быть на свете.

— Ну-ну, послушаем...

— Понимаете, мы не какие-то особенные, мы не самые главные. Есть что-то гораздо больше и главнее нас.

— Что?!! — Это раздался голос Правителя, в котором был даже не столько гнев, сколько безграничное удивление. — Больше и главнее нас?!

— Я говорила, я говорила, что Советник наш слишком много им позволяет...

Это сказала Первая леди государства. Не будем уточнять ее другого имени.

— Мои благородные господа — обернулся к ним Советник, — я призываю вас к спокойствию. Наш диалог не кончен. Доверьтесь мне.

— Итак, Том, ты утверждаешь, что есть нечто большее, чем даже ОНИ, — он показал на своих господ.

— Безусловно. Больше, чем все мы. И мы должны быть готовы на жертву ради Этого Огромного.

Правитель и Первая леди о чем-то заспорили с Советником. Но тот, склонившись в низком поклоне, проговорил: «Никаких крайних мер! Никаких эксцессов, Ваши несравненные благородия! В наше время в этих мерах нет ни малейшей нужды. Предоставим ему полную свободу проповедовать.» И, склонившись к уху Правителя, совсем тихо добавил: «Посмотрим, кто его слушает! Хе! Хе! Будьте совершенно спокойны.»

Потом он сказал Тому:

— Ты живешь в свободной стране и говори, что хочешь. Если тебе удастся убедить народ — ты победил и мы заговорим на твоём языке. Ну а если нет, тебе придется заговорить на нашем.

— Хорошо, — ответил Том и повернулся к белому пушистому Медвежонку — своему давнему другу:

— Ты слышал то, что я говорил?

— Слышал, Том.

— Ты понял меня?

— Ну как не понять, Том, но... Выходит, что я должен пожертвовать своей белой пушистой шкуркой ради... Ради чего, Том?

— Мишка, так ты же сказал, что понял?

— Не знаю, Том, не знаю. Ты... какой-то жестокий сегодня.

— Я — жестокий?! Мишка!

— Он совершенно прав — пропела великолепная Пава с огромным синезолотистым хвостом. — Ты считаешь, что есть что-то прекраснее моего оперения?

— О, да! Я видел нечто куда более прекрасное! А кто дал тебе это оперение? Ты хоть раз подумала, что должна Ему что-нибудь дать?

— Не знаю, не знаю. Но скидывать этот наряд и оставаться общипанной курицей я не согласна. О нет, не согласна!

— Том, мне очень жаль тебя. Я тебя понимаю, но я еще не готова на жертву — это сказала маленькая изящная Лань с золотым колокольчиком на шее. — Спроси кого-нибудь еще...

Том спросил Собаку, но она залаяла и огрызнулась. Он спросил почти все население уютных домиков с разноцветными окошками. Спрашивал гномов, людей, птиц и зверей. И то, что было для него таким ясным, абсолютно очевидным, было для них совершенно непонятным и неприемлемым.

Он бы отчаялся, если бы мог отчаяться. Но после того, что он видел и слышал прошлой ночью, отчаяться он не мог. Он только очень загрустил.

— Так значит, я один? Совсем один?

— А я? — тихо сказал Помпончик.

У Тома потеплело на сердце, но он проговорил: — Ты — это все равно, что я сам, а остальные...

— А я? — сказал Белый Заяц.

— А я? — вставил Гном-виолончелист.

— А еще есть я — сказал маленький Золотой Олень. — Знаете, отчего я золотой? Я бегу за солнечным лучом, ни на миг не

отстаю от него. Он меня и вызолотил. Том, я и за тобой побегу куда угодно, хоть на край света и за край!

— Родные мои, — тихо сказал Том, — мы все — Ее друзья. Ну конечно, мы все — опора друг друга, и у нас есть Она. Но нас так мало! А их — целый мир...

Тогда заговорила Она:

— Да, Том, нас очень мало. Но еще неизвестно, кто сильнее, мы или они. У нас ведь есть ключик, который выведет нас из безвыходности. А у них его нет.

— Какой ключик? — спросил Том.

— Невидимый. Если бы он был виден, он был бы похож на обыкновенный скрипичный ключ. Но он невидим, потому что он внутри нас.

— Что? Что? — слышались отдаленные голоса. — Они говорят о каком-то тайном ключе. Советник, ты проследил?

— Советник, ты в курсе?

— Советник! Ты принял меры?

Советник бегал от одного к другому, вертел хвостом, взмахивал шляпой, проделывал почти акробатические трюки и бормотал про себя: «Фигаро здесь, Фигаро там, Фигаро к вашим услугам...» Потом он остановился перед Правителем и сказал, переводя дух:

— Как вы можете беспокоиться, Ваше огненное благородие? О какой такой безвыходности они говорят? Безвыходность в вашем царстве? Да это просто клевета! Они упорствуют и продолжают говорить на своем языке. А между тем, у нас правовое государство. Мы предоставили Тому равные шансы на выборах. Народ выбрал нас. Скоро это будет закреплено в конституции. Только распорядитесь, пожалуйста, дать больше света. Хотя мои глаза отлично видят в темноте, для церемониала подписания бумаг необходим свет.

— Действительно, что это за полутьма в президентском дворце? — недоуменно спросила Первая леди.

— Какая там полутьма! Полная тьма. Это что такое?! — прогремел Правитель.

В зал вбежали быстрые мышки со свечками в лапках. Но

свечки мгновенно гасли одна за другой. В зале нельзя было различить ни зги.

— Раскрыть окна! — воскликнула Первая леди. Но за окнами тьма оказалась такой же густой, как и во дворце.

— Что это такое?! Ведь никто не предсказывал солнечного затмения! И, наконец, почему гаснут свечи?! Что все это означает?! — Правитель неистовствовал. Подчиненные молчали. Вдруг стал доноситься гул с улиц: «Правитель, что происходит? Правитель, — света!» Гул становился все сильнее и сильнее. Стали раздаваться голоса:

— Какой это Правитель! Долой его! Громи дворец! Мы весь, мы темный мир разрушим до основания, а затем...

— А затем что? — кричали другие. — Правитель сидит в такой же тьме, как и мы. Что с того, что мы разрушим дворец? Пускай сидит там, а мы будем искать выход. Сами будем искать.

Вдруг кто-то выкрикнул: «Пойдемте к Старой Девочке! Она ведь создала нашу страну, она должна найти выход.» «Пойдемте, пойдемте!» — подхватывали со всех сторон.

И оказалось, что во всей стране было только одно место, где оставался свет. Лицо Старой Девочки светилось само собой. Это лицо было ясно видно в темноте.

— Спаси нас! — взмолились люди и звери, но Она ответила: — Только вы сами можете себя спасти. Мрак не бесконечен. Свет бесконечен. Если среди вас найдется тот, кто сможет пройти весь мрак насквозь и добраться до света, вы будете спасены.

— А как это? Кто же это может? Что значит пройти весь мрак насквозь? А если он никогда не кончится?

— Он кончится. Бесконечного мрака не бывает. — Это сказал Том.

— Ты в это веришь? — спросил кто-то.

— Я не верю. Я знаю.

— Знаешь? Что знаешь?

— Что свет бесконечен. Что любовь бесконечна. А мрак конечен. У мрака есть дно. И на этом дне зачинается свет.

— И ты сможешь пройти мрак до дна и насквозь?

— Я не знаю, смогу ли. Я не знаю, хватит ли у меня сил. Но

я пойду. Я не могу не пойти.

— А если ты погибнешь?

— Я говорил, что мы должны быть готовы на жертву. Я готов.

Наступило молчание.

А потом заговорила Она:

— Тебе не страшно, Том?

— Страшно. Но любовь моя больше страха.

— Тогда иди, — очень тихо сказала Она. — Тогда иначе нельзя...

И вот Том повернулся спиной к ее светящемуся лицу и очутился во мраке. Огромном. Густом. Полном. И нырнул во мрак. Он не видел больше никого. И его не видел никто. Просить было некого. Взывать было не к кому. Он попробовал крикнуть. Эхо возвратило ему его собственный голос. Но странным образом, это если не успокоило, то собрало его. Он вдруг ясно почувствовал: Конца бояться не надо. Надо суметь дойти до конца. «Ах, как они все мечутся, кричат, как боятся мрака, а надо только одно: исчерпать этот мрак. Мрак исчерпаем.» — Вот это Том знал. Всем сердцем знал, потому что было в его сердце что-то неисчерпаемое. «И Оно останется, даже если меня не будет» — почувствовал он. И наступил покой. А откуда-то со дна покоя стали доноситься звуки. О, какие тихие! «Как я близок к источнику... Звука... И света... И самой Жизни», — подумал Том.

Он погружался все глубже и глубже внутрь, отрываясь ото всего внешнего и впадая в собственное сердце, которое все раскрывало и раскрывало свои глубины, свою неисчерпаемость.

Вот так он и попал в Океан. Бесконечный Океан, в котором затонуть было нельзя, потому что он сам был этим океаном. Он и Океан были одно.

И тут он все забыл. Он не чувствовал ничего, кроме гигантской океанической волны, вздымавшей его душу на неимоверную высоту. Впрочем, высота, глубина — все это было одно.

«Это — смерть?» — промелькнула последняя мысль, перед тем, как все мысли погасли. И вдруг — нет, это не его мысль, это что-то другое, эти слова пришли с другого конца океана —

Но только если это смерть,
То что такое Жизнь?

И вслед за этими словами тишайшее сокровенное пение. О, какие голоса! Из какой глубины! Мрак начал расслаиваться. В нем плавно задвигались какие-то прозрачные тени. Это они поют:

Только взглядевший в мглу,
Плывший сквозь Лету,
Складывать смеет хвалу
Жизни и свету.
Только познав в тишине
Вкус асфоделей,
Помнишь, как в тайной стране
Струны звенели.

Вкус асфоделей... Только теперь он стал различать прозрачные цветы с тончайшим ароматом, или следами аромата... Так вот чем питаются мертвые... Мертвые? Или живые, когда они погружаются внутрь себя и ощущают свои собственные корни?... Здесь едят асфодели и снотворный мак. Здесь пьют бесконечное забвение. Здесь нет ничего. Но здесь рождается все. Это отсюда восходят звуки, свечение и образы.

Пусть расплескал водоем
Зыбь отраженья,
Образ лови!
Только в пространстве ином
Тихое пенье
Вечной любви.

Тихое пенье вечной любви... Оно заполняло всю его душу. Из этого пения росло удивительное прозрачное пространство, которое становилось все светлее и светлее. И вдруг тишайшее пение сменилось хрустальным звоном. Перед Томом голубели и звенели сверкающие льды, и огромные зеркала удваивали, ут-

раивали, удесятерили струившийся из льдов свет.

Около зеркал стояла женщина. Она была тоже как будто сложена из голубого прозрачного льда, но она была живая, удивительно живая. Это была жизнь, которая не замерзала во льдах, это была живая Вечность, торжественная и величественная. Ее хрустальный голос пробуждал душу, выводил из блаженного забвения в еще более блаженную, все воскрешающую Память.

Он еще наполовину находился в Стране Забвения, он еще не понимал, кто перед ним, хотя знал, что он видел ее много раз. И прошептал:

— Кто ты?

— Я та, которую называют холодной и бездушной Снежной Королевой. Ты можешь назвать меня так?

— Нет! Нет! Нет!

— Ты прошел сквозь смерть и потому знаешь, что такое вечность. Так кто же я для тебя?

— Ты — Хранительница Света, Королева Волшебных Зеркал.

— Ты узнал меня. Теперь узнай себя. Посмотри в мои зеркала и пойми, кто ты такой.

И Том взглянул.

Он не увидел себя. Там не было его. Никаких черт, никакой фигуры. Ни-че-го.

Но... Эти веянья, но... эти дали!

Каким благоуханием повеяло, какие просторы раскрылись перед ним! Да зачем он сам себе, когда есть Это!

И вдруг — следующая мысль: Господи! Да ведь это и есть Я! Я — то, что меня наполняет, я — то, что я ЛЮБЛЮ!

Какое ликование вдруг охватило его! «Люди боятся конца. Но мы не можем кончиться, потому что то, что наполняет нас, не кончится никогда. Меня не увидят, но это останется. От меня останется то, что есть во мне. Важно только накопить в себе Это. Оно и есть я» — беззвучно повторял Том, и сердце его зве-

нело, как эти хрустали и еще звонче.

— Да, это ты, — сказала Хрустальная Владычица. — Теперь ты вспомнишь все, что есть, и увидишь невидимое.

Свет разросся так, что охватил все бесконечное пространство. Свет ликовал, свет пел. И в этом свете он увидел и услышал мириады прозрачных существ. Больше всего здесь было ангелов, прозрачнокрылых, светящихся. Но были здесь и прозрачные лебеди, и прозрачные олени, и прозрачные колокола, источавшие тонкие звоны — и, наконец, люди, люди, столько людей! Здесь были все ушедшие, все канувшие в никуда.

«Да ведь они, наверное, всегда с нами, — подумал Том, но они прозрачные и потому мы смотрим сквозь них, а их самих не видим. Но вот они! Вот они! Никто не исчез, ничто не пропало. Это правда, что каждый наш волос сосчитан, только до времени нам не дано понять, что это значит. Но если я есть, значит есть все. Как, как может быть иначе?! Листок держится на ветке, ветка на стволе, ствол на корне. Я — не оторванный листок. Я — все и всё».

Ликующее торжественное пение начало стихать и переходить в замирающие звоны. Как они похожи на те звездные звоны, что он слышал у костра гномов!

Он машинально поднял глаза вверх и увидел ночное небо, все усеянное звездами. Больше не было страны прозрачных, страны ликующего сверкания. Он снова был на земле, на ночной земле, над которой горели звезды. «Так значит, свет вернулся на землю?» — понял Том и от волнения схватился рукой за дерево, чтобы не упасть. А на дереве сидел Оля. Том был в лесу, в своем родном лесу, в котором все было точно так же, как всегда. Глаза Оля мягко и ласково светились. — А где Половинка? — спросил Том и тут же увидел его и бросился к нему, как к самому родному.

— Теперь я знаю, кто я, — сказал Том. — И какой же ты умница, что не побоялся прийти к нам сюда половиной, уродцем. Мы же все — половинки, четвертушки, восьмушки и сотые

дольки и только воображаем себя цельными. А ты, ты сказал нам: «До чего же вы все глупые...! Целыми мы можем стать только если причастимся всему и всем, всему и всем. И чтобы это было, надо сперва понять, что мы всего лишь частицы себя и сами себя не знаем...» Я тебя очень люблю, Половинка!

Половинка улыбнулся своим единственным глазом:

— И я тебя, Том.

***

Все было как всегда. Звезды гасли. Небо светлело. И даже та тоненькая песенка зазвучала. И его любимая протянула к нему обе руки и заплакала. Но не только от счастья. На дне глаз ее была печаль.

— Что с тобой? От чего ты печалишься?

— Том, мой родной, это из-за тебя. Из-за твоей безоглядной радости.

— Но разве я могу не радоваться?

— Не можешь, конечно. Но... Ты уверен, что все позади, что ты все одолел? И всех убедил и доказал свою правоту?

— Ну да, а как же иначе?

— Мой дорогой, никому ничего доказать нельзя. Знай это. — Она помолчала и продолжила: — Они уверены, что свет вернулся сам собой и твоя вечная любовь тут ни при чем. Они уверены, что все совершается само собой. Сама собой держится земля. Сам собой восходит свет. Пойди, скажи им, что это вечная любовь каждое утро поднимает солнце — они засмеют тебя и начнут говорить про законы физики. Как будто ты их отменяешь. А ты просто знаешь Того, кто их создал. Знаешь и все. Но походи докажи. Доказать нельзя, а заразить собой — можно. Кто тебя полюбит, тот тебе поверит. А если нашлась хотя бы еще одна душа, которая поверила нам с тобой, — ты даже не представляешь, как это много! Ведь каждый год рождается тот Младенец, который может спасти мир, если Ему поверят. Он не когда-то один раз родился, две тысячи лет назад. Он рождается с тех пор всегда. И Ему всегда не верят. И каждый год Его ждет

все та же мука.

Но она может стать меньше, меньше и даже совсем исчезнуть, если, если... сперва одна, потом две, потом много душ Ему поверят...

Ты сегодня помог какой-то душе поверить Ему. Одной Душе, или двум, или, может быть, трем. Это то же самое, что зажечь звезду на небе. Одну или две или три... Ты зажег.

Ты понимаешь, что ты сделал?

28 марта 2000

Содержание

<i>От автора</i>	5
Г. Померанц. <i>Предисловие</i>	7

Сказки о самом незаметном

<i>Фея Перели</i>	11
<i>Белый Заяц</i>	21
<i>Грустный гном</i>	31
<i>Ангел</i>	41
<i>Легконожка</i>	49
<i>Снежная Королева</i>	59
<i>Старая Фея</i>	75

Сказки о том, что труднее всего

<i>Сказка о царевиге Сутасоме</i>	87
<i>Бог посетил</i>	95
<i>Мальчик, Дерево и Флейтист</i>	101

Сказки о Томе и Старой Девочке

<i>Сказка о Чуде или Золотая Флейта</i>	109
<i>Оль, Ом, Эль</i>	125
<i>Волшебная щелогка</i>	145
<i>Зеркало в зеркале</i>	167
<i>Путь к Дому</i>	183
<i>Сказка о конце и начале света</i>	195
<i>Кто зажигает звезды?</i>	215

По вопросам оптовых поставок обращаться
в Просветительский фонд «*evidentis*»
113054, Москва, Стремянный пер., 10
тел. (095) 194 3265

Зинаида Миркина
У КОСТРА ГНОМОВ

Лицензия ЛР №064543 от 16.04.1996

Подписано в печать с готовых диапозитивов
Гарнитура *Октава*. Формат 60×90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15

ООО «Издательство „Энигма“»
Просветительский фонд «*evidentis*»
113054, Москва, Стремянный пер., 10
Заказ 2442. Тир. 2000.
Отпечатано в ППО «Изнестия»
103798, г. Москва, Пушкинская пл., 5.

ISBN 5-85747-095-1

9 785857 470954

У костра ГНОМОВ

Зинаида Миркина

evidentis